

Федеральное агентство по образованию
Пензенский государственный педагогический университет
имени В. Г. Белинского

**XI Социологические чтения
преподавателей,
аспирантов и студентов**

Межвузовский сборник научных трудов

Пенза, 2009

Печатается по решению редакционно-издательского совета
ПГПУ им. В. Г. Белинского

ББК 60.5

XI Социологические чтения преподавателей, аспирантов и студентов: Межвузовский сборник научных трудов. – Пенза, Пензенский гос. пед. ун-т. 2009. – 180 с.

В межвузовский сборник научных трудов включены материалы межвузовской научной конференции и статьи преподавателей, аспирантов и студентов, посвящённые актуальным проблемам социологии, социальной философии и социальной работы. Очередной выпуск «Социологических чтений» адресован научным работникам, преподавателям вузов и школ, аспирантам, студентам и всем интересующимся социологическими проблемами.

Ответственный редактор – А. Б. Тугаров, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и социальной работы

Редакционная коллегия:

Т. И. Лаврёнова, кандидат философских наук, доцент;

Т. Г. Скороходова, кандидат исторических наук, доцент;

А. С. Дудкин, кандидат философских наук.

Рецензенты:

В. П. Воробьёв, доктор социологических наук, профессор кафедры «Государственное управление и социология региона» Пензенского государственного университета.

Е. Н. Синёв, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского.

На первой странице обложки — ацтекская карта мира (из кодекса Майер-Фейервари).

© Пензенский государственный педагогический университет имени В.Г. Белинского, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Тугаров А. Б. Питирим Сорокин. «Система социологии. Социальная аналитика»: перечитывая заново.....	5
Попов А. С. Чарльз Райт Миллс. «О пользе истории»	13
Скороходова Т. Г. Социально-философская концепция Свами Вивекананды: опыт реконструкции	20
Лавренова Т. И. Аналогии преемственных связей в развитии духовной культуры и научного знания.....	33
Мясников А. Г. Ложь как предмет современных социально-этических исследований.....	38
Ефремкин М. И. Духовность как высшее измерение бытия человека	48
Очкин В. Л. Марксова критика <i>идеологизма</i> и современность.....	58
Дудкин А. С. Тезисы о количестве и качестве социальной помощи.....	68
Антипов М. А. Жизненный мир современной личности как мир симулякров	71
Киреева Л. В. «Информационная культура» Подходы к толкованию	76
Шаровская А. Философия социальной работы: состояние и перспективы исследований.....	84

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Лыгина М. А. Специфика деятельности специалиста социальной работы по обеспечению социальной адаптации детей, попавших в трудную жизненную ситуацию.....	86
Козина Г. Ю. Здоровье и здоровый образ жизни: целевые параметры практической социальной работы.....	94
Ажнакина Н. Б. Профилактика синдрома эмоционального «выгорания» специалиста социальной сферы	111
Аристова Г. А. Гуманизм в социальной профилактике: теоретико-методологический аспект.....	116
Петрунина С.В. Адаптивный спорт как эффективное направление социальной реабилитации людей с нарушением функций опорно-двигательного аппарата	118
Трофимова Н.А. Определение объема расчетного пенсионного капитала в современных условиях развития пенсионной системы.	120

Голодяевская Е., Козина Г. Ю. Социально-медицинские проблемы сексуального поведения современной молодёжи	126
Конюхова Т. Система социальной помощи детям алкоголезависимых родителей.....	132
Старцева О. Организация социальной помощи несовершеннолетним матерям.....	135
Синельникова Ю. Метод идеального типа Макса Вебера и его применение в исследовании практики социальной работы	139

ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Найдёнова Л. И., Брагина И. Семейное чтение как фактор социализации личности: результаты социологического исследования	143
Очкина А. В. Образование как фактор социальной самоидентификации российских граждан.....	150
Найдёнова Л. И., Маяцкая М. Общественное мнение населения региона о реализации целевых комплексных программ	159
Слашкина А. Проявление толерантности к представителям других религий в городе Пенза.....	167
Логина О. Футбольный фанатизм глазами школьников	170
Скорнякова Е. Средний класс: проблема идентификации.....	174
Баткаева Е. Экономические предпочтения верующих россиян	178

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

А. Б. Тугаров

ПГПУ им. В. Г. Беллинского

ПИТИРИМ СОРОКИН. «СИСТЕМА СОЦИОЛОГИИ. СОЦИАЛЬНАЯ АНАЛИТИКА»: ПЕРЕЧИТЫВАЯ ЗАНОВО

В феврале исполнилось 120 лет со дня рождения Питирима Александровича Сорокина – самой выдающейся фигуры на социологическом небосклоне XX века. В.В.Сапов сообщает, что Сорокин родился 23 января (4 февраля) 1889 года в селе Турья Яренского уезда Вологодской губернии (ныне Жешарт, Республика Коми). [См.: 1] А. Ю. Согомонов утверждает, что точную дату рождения Сорокина установить, по-видимому, уже не удастся. В одних документах указано 20 января, в других – 23. Сам Сорокин настойчиво указывал 21 января. [См.: 2]

В начале 1990-х гг. П. А. Сорокин стал известен российскому читателю – студенту, аспиранту, преподавателю, ученому. Появились первые, начиная с 1920-х гг., публикации его работ [См., например, 8], открылись фонды отделов литературы специального хранения библиотек. Облик Сорокина-социолога начинал постепенно открываться, хотя и с печальным опозданием, своим соотечественникам. Этот облик существенно отличался от того, который был сформирован официальной советской историографией.

В статье без указания авторства в «Советской исторической энциклопедии» Сорокин назван «буржуазным социологом». Далее в статье говорится, что в 1919–1921 гг. Сорокин был преподавателем псевдо-научной «социологии» в Петроградском университете и других высших учебных заведениях. Враждебные марксизму взгляды Сорокина В. И. Ленин подверг критике в статье «О значении воинствующего материализма» (1922). Сорокин – автор ряда работ по социологии, написанных с идеалистических позиций; выступал против марксистско-ленинской теории общественного развития [3]. (В перечне таких «идеалистических» работ – «Система социологии», т. 1–2.)

В «Философской энциклопедии» Сорокин – «буржуазный социолог». Но в остальном содержание статьи, написанной И. А. Голосенко, – ставшим в 1990-е гг. одним из ведущих исследователей истории русской социологии – оказывается подчеркнуто нейтральным в оценке социологических взглядов Сорокина: «Родился в России.... Кризис и противоречия современного буржуазного общества Сорокин пытается представить как общий кризис культуры, связывая его с развитием материализма и науки. Выход Сорокин видел в будущей победе религиозной «идеалистической» культуры.... В конце жизни высоко оценивал достижения СССР во многих областях» [4].

В «Философском энциклопедическом словаре» Сорокин назван «русско-американским социологом», одним из «родоначальников буржуазных теорий социальной мобильности и социальной стратификации» [5]. В 1990-е гг. появились новые моменты в оценке научной деятельности Сорокина. В. В. Сапов также называет Сорокина «русско-американским социологом и культурологом», но при этом подчеркивает, что «из-за своих идеологических и научно-мировоззренческих взглядов Сорокин в 1922 г. был выслан из страны вместе с большой группой ученых и литераторов». (1)

В ноябре–декабре 1991 г., в дни распада Советского Союза, автором этих строк был составлен конспект, в который вошли фрагменты первоисточника – книги «Система социологии». Прошло почти 18 лет. Сформировалась убежденность в том, что Сорокин в этой работе раскрывается, прежде всего, как глубоко русский социолог – и по содержанию мыслей, и по стилю их изложения. Перечитывая конспект, убеждаешься и в том, что Сорокин для российского читателя остается не менее актуальным, чем он был в начале 1990-х гг.

1. Известно, что главным итогом научной работы Сорокина в Петроградском университете стала книга «Система социологии». Изданные в 1920 г. два тома этой книги были посвящены «социальной аналитике» и стали венцом его творчества русского периода. Это фундаментальное произведение поставило Сорокина в число ведущих социологов России XX века. Данное обстоятельство определяет интерес к оценке Сорокиным исторических условий написания книги. Прежде всего, он отмечает, что «книга писалась и выходила в исключительную эпоху – в эпоху великих социальных перегруппировок и сдвигов» [7, с. 8].

Далее, в томе 1. мы находим высказывание, которое несет в себе конкретную характеристику условий написания книги. Сорокин пишет: «К смертным казням (в Советской России. – А. Т.) «привыкли». Привыкли и исполнители, из коих многие когда-то яростно протестовали против смертной казни, «привыкли» жертвы, привыкло и общество» [6, с. 304]. Но наиболее значимым является объяснение Сорокиным того, как исторические события, происходившие в российском обществе, повлияли на возможность реализовать научный замысел книги.

Это объяснение содержится в предисловии к тому 1. «В обществе, где жизнь каждого из нас может оборваться в любую минуту, – от голода, от тифа, от произвола – в таком обществе не приходится строить научных планов, рассчитанных на годы; в таком обществе тщательная отделка работы становится неосуществимой роскошью, желание дать хорошо обработанный труд заменяется здесь желанием дать приличный черновик этого труда. Таким черновиком и является издаваемая автором «Система социологии» [6, с. IX].

2. Сорокин характеризует социологию не только как науку, но и как явление общественной жизни, как формирующийся социальный институт. Обоз-

начая проблему социологии в обществе, он использует своеобразный термин – «неприспособляющаяся» социология. Им он обозначает, с одной стороны, статус социологии в обществе – ее изначальную оппозицию воздействию власти, различных политических сил, желательность для социологии не быть подверженной конъюнктурным влияниям, а с другой стороны, имманентное стремление социологии освободиться от какого-либо, чуждого логике научно-го познания, давления социальных обстоятельств.

При этом Сорокин понимает, как трудно избежать давления этих обстоятельств в современной ему России. В томе 2 читаем: «В России же, где «неприспособляющаяся» социология всегда оценивалась с точки зрения колебания основ существующего строя, а основными «научными» аргументами были: тюрьма, ссылка и каторга... скромное пожелание, чтобы не существовавшая у нас свобода социологической мысли из «чаемого и ожидаемого» превратилась, наконец, в реальный факт» [7, с. 9].

В предисловии к тому 1, раскрывая исторические условия написания книги, прежде всего, состояние гражданской войны в России, Сорокин определяет свое принципиальное отношение к проблеме социологии в обществе. Он пишет: «Трагедия человечества продолжается: лучшие сыны земли продолжают распинаться во славу обоготворенных идолов и подмалеванных фетишей. Но... не будем говорить об этом. ...Если плакать нельзя, а смеяться невозможно, то постараемся хоть понимать» [6, с. XIV]. Здесь сформулирована одна из функций социологии – общественная, точнее, не только культурно- просветительская, но и компенсаторная.

Социология как наука оказывается особенно востребованной обществом в кризисные, а тем более, критические периоды его развития. Если «плакать нельзя», чтобы не доставлять радости деструктивным, анти-социальным силам, а «смеяться невозможно», поскольку происходящее в обществе не дает повода, то началом выхода из такой ситуации становится желание и стремление «понимать» – научно изучить и объяснить состояние общества и происходящие в нем процессы. Значение социологии при этом может оказаться первостепенным.

3. «Система социологии» Сорокина – это не только и не столько социологическая публицистика, сколько фундаментальная, теоретическая социология, что особенно заметно при рассмотрении автором книги предмета и структуры социологии. Прежде всего, Сорокин подчеркивает статус социологии как самостоятельной науки об обществе. В предисловии к тому 1 он пишет: «Современная социология вышла из той стадии, когда ей нужно было доказывать свое право на существование, ...будущее ее не зависит ни от капризов власти, ни от предрассудков тех или иных ученых». [6, с. VII].

Там же Сорокин объясняет причину рассмотрения вопроса о предмете социологии: «Что только не называют теперь социологией! Самые нелепые

конструкции, самые незрелые теории, все недодуманное, все недоношенное сплошь и рядом выпускаются на духовный рынок под этикеткой социологии. Нужно ли говорить, что такая спекуляция социологией компрометирует последнюю!» [6, с. VIII].

Далее в томе I содержится, ставшее классическим, деление социологии на теоретическую и практическую: « Теоретическая социология, изучающая явления человеческого взаимодействия с точки зрения сущего. Практическая социология, исследующая их с точки зрения должного» [6, с. 37]. С точки зрения потребностей функционирования современного российского общества интерес представляют рассуждения Сорокина о практической социологии, называемой им «социальной политикой», о ее связи с теоретической социологией.

«Задачи практической социологии или социальной политики ясны из самого ее названия. ...Эта дисциплина должна быть прикладной дисциплиной, которая, опираясь на законы, сформулированные теоретической социологией, давала бы человечеству возможность управлять социальными силами, утилизировать их сообразно поставленным целям...».

И здесь же в тексте: « В отличие от бессодержательных, хотя и напыщенных «систем морали», большей частью представляющих набор елейных фраз, неспособных что-либо изменить и что-либо излечить, социальная политика, подобно прикладной медицине, должна быть системой рецептуры, указывающей точные средства для борьбы с социально-психическими болезнями, для рациональных реформ во всех областях общественной жизни (в экономической, политической, правовой, религиозной, научной, педагогической и т.д.), для наилучшего использования социально-психической энергии. Короче, она должна быть опытной системой индивидуальной и общественной этики как теории должного поведения» [6, с. 42].

4. Фундаментальная разработка Сорокиным различных аспектов социальной аналитики дополняется в книге замечаниями, относящимися к социальной гносеологии. Эти замечания прежде всего касаются особенностей применения в социологии и социальной практике категориально-понятийного аппарата. В одном случае, он обращает внимание на то, что разнообразно понимаются «обычным мнением» такие термины как «общество», «общественный», «социальный», «социологический» и т. д.

Сорокин пишет: «Обычным явлением здесь служит (в особенности в политических программах партий и в речах наших партийных политиков) противопоставление: «социального» «политическому» (например, «социальную революцию» противопоставляют «политической», социальные реформы – политическим), в программах партий встречаются те же противопоставления (например, аграрная и рабочая реформа называется почему то «социальными реформами», а реформа государственного строя почему то не устаетваться

этого названия), часто «социальное» отождествляется с «экономическим» (почему и говорят постоянно «социально-экономическая программа», реформа и т.д.), нередко термин «социальный» различается от термина «общественный» и т.д.» [6, с. 1].

В другом случае, его интересует использование социологических терминов с формально-логической точки зрения: « В силу смежности двух предметов мы часто замешаем название одного другим: название содержимого – именем или признаком содержащего или наоборот: ... вместо «Совет Депутатов» – «Смольный», ... вместо «Россия» – «Совдепия»...» [6, с. 165–166].

5. Содержанием тома 1 «Социальной аналитики» Сорокина стало «учение о строении простейшего (родового) социального явления». Поэтому знакомство с книгой предполагает фиксацию собственно про-явлений данного вида социальной аналитики – изучения родового социального явления. При изучении «явления социальной группировки» Сорокин обращает внимания на то, что «полиморфизм или физическое, психическое и социальное несходство индивидов важно отметить: он обуславливает собою ряд свойств взаимодействия и играет громадную роль в явлениях социальной группировки». [6, с. 87].

Более подробно в книге рассмотрены основные потребности человека. Сорокин дает их классификацию, а конспект содержит детализацию отдельных потребностей, предложенную автором книги. Он начинает с того, что уточняет задачу такой классификации: «...не ставя сейчас задачей детальный анализ природы каждой из потребностей, я позволю себе дать нижеследующий список основных потребностей человека». [6, с. 90].

Далее Сорокин выявляет эти потребности: «1) потребность удовлетворения голода и жажды, 2) потребность половая (размножения), ...3) потребность самозащиты от сил и влияний, угрожающих жизни – каковы бы последние не были...самозащита от социальных опасностей: от сочеловеков, от вредных для жизни и здоровья социальных условий, 4) потребность групповой самозащиты (защита и покровительство «своих», «близких»...), 5) потребность движения...Мы чувствительны не только к лишению нас способности движений, но к малейшему ограничению свободы передвижения; мучительность заключения человека в камеру тюрьмы, с ограниченным пространством, протесты и борьба против застав, шлагбаумов, против запретов въезда и выезда, паспортной системы и т.п. ...6) остальные физиологические потребности: дыхания, обмена веществ, сна, отдыха, разряжение избыточной энергии (игра) и т.д. ...7) потребность общения с себе подобными. ...она не одинакова у различных индивидов. ...8) потребности интеллектуальной деятельности. ...9) потребность чувственно-эмоциональных переживаний. ...переживать ряд чисто аффектных состояний – чувств, эмоций, носящих название радости, страха, горя, нежности, любви, симпатии, обожания, отвращения, удивления

и т.д. ... Эта потребность дает себя знать всюду: обычай употребления музыки при парадах, при наступлении, при похоронах и свадьбах, такие явления, как сервировка стола (цветы, художественность сервировки), явления комфорта, роскоши... все это вызвано и появилось на почве удовлетворения этой потребности. ...Если бы ее не было, то насколько упростилась бы наша жизнь. 10) потребность волевой деятельности. ... она состоит в постановке и достижении осознанной, намеренно поставленной цели.. Борьба за власть, за утверждение своего «я», принимавшая и принимающая на протяжении истории самые различные формы, кончая борьбой за политическую и духовную власть, за гегемонию «я» над сотнями тысяч людей – опять таки явления, выросшие на почве удовлетворения этой потребности» [6, с. 90, 93, 95, 97, 98, 100].

6. В томе 2. Сорокин затрагивает проблему социального равенства. Он подчеркивает, что если состояние равенства и может наступить в обществе, то только «при коренной переделке людей». «А это процесс очень медленный, рассчитанный на столетия. Медленность его усугубляется рядом других обстоятельств...» [7, с. 419]. При этом Сорокин выявляет принципиальное значение процесса «коренной переделки людей» не только для социального равенства, но и для перспектив социального функционирования в целом: «Пока люди не переделаны, переделка вещей, в том числе и обобществление средств производства, могут дать весьма ограниченные эффекты. Эти эффекты сведутся к вывескам egalite на фронтонах общественных зданий, на знаменах казенных демонстраций, да на страницах официозов, исписываемых теми, кто при egalite имеет добавочный паек, недоступный простым смертным». [7, с. 418].

7. Заметное место в томе 2 занимают вопросы соотношения государства и общества, воздействия на индивида государственного регулирования. Прежде всего, выявляя формы взаимодействия государства и негосударственных структур, Сорокин определяет перспективы государства как политического института.

В книге читаем: «...иногда государство поглощало чуть не все негосударственные коллективы и регулировало всю жизнь населения (Древний Египет, Перу, Полицейско-абсолютистское государство, РСФСР нашего времени), иногда, наоборот, оно теряло большинство своих функций и превращалось в рабочий орган, в «филиальное отделение» негосударственных коллективов, например, католической церкви в средние века. Такое колебание не исключает возможности в будущем, в противоположность данному времени «гипертрофии государства», его «атрофии» пользу негосударственных коллективов. Мы даже можем допустить (хотя это маловероятно), что такая атрофия государства будет полной» [7, с. 389].

Рассматривая государство как сложный социальный агрегат, Сорокин исследует возможности и перспективы государственного регулирования в его

воздействии на процесс самоопределения личности, процесс деятельного бытия индивидов. Он пишет: « Если бы государственная власть ограничилась только удалением барьеров, искусственно мешающих *elites* достигать те места, для которых они предназначены, – такая политика была бы превосходной. Но поскольку она пытается сама централизованно регулировать и определять деятельность всех индивидов – дело меняется. Никакой правитель, даже самый гениальный, не может правильно определить для миллионов людей соответствующие их способностям функции. В силу одного этого обстоятельства (не говоря уже о массе других причин) такая система ...может дать только минусы.

Конечно, мотовски расходуя человеческую жизнь, жертвуя тысячами и десятками тысяч людей, на костях их можно кой-что построить, ...но стоимость таких построек будет в десятки раз дороже, чем при системе автономного самоопределения личностей и автономной их циркуляции, – с одной стороны; с другой – продуктивность такой системы будет в десятки раз меньше второй; с третьей – равновесие такого агрегата будет равновесием бомбы, способной взорваться от первого толчка». [7, с. 440].

8. В томе 1. обнаруживается конкретный пример социальной аналитики. Исследование Сорокиным «родового социального явления» включает в себя рассмотрение феномена духовно-идеологического и социокультурного порядка, названного им «символическим проводником». Признавая множественность таких явлений в современном ему обществе, Сорокин выделяет ряд их характеристик, которые, объединенные вместе, образуют концептуальную основу социальной аналитики «символических проводников».

Прежде всего, концепция содержит понимание «символического проводника» как явления общественной жизни и его конкретизацию применительно к российскому обществу 1918–1919 г.г. Сорокин считает, что «символические проводники» наблюдаются во всех сферах общественной жизни и «на всех ее ступенях» [См.: 6, с. 186]. При этом всякое, малейшее ухудшение в сфере «символических проводников» самым чувствительным образом отражается на «существовании и жизни процессов взаимодействия». Он подчеркивает: «...все то, что способствует такому атрофированию символических проводников (падение знания, деятельность власти, экономическая бедность и т.д.), все это вместе с тем служит и фактором разрушения коллективных единств» и заключает, актуализируя свой вывод: «...поток человеческого взаимодействия во всех формах высыхает в пределах России. Если прогресс высыхания будет длиться и дальше – одичание людей не будет неожиданностью» [6, с. 353–354].

Важным моментом концептуального рассмотрения «символических проводников» становится попытка их классификации, выделение основных элементов: флаг, портрет государственного деятеля, люди-символические

проводники, приветствие вождям. « Люди готовы и умирать, и убивать за флаг». «Один фетишизирует портрет царя, другой – портрет Ленина...». «Стоит прочесть множество коммунистических приветствий вождям, – Ленину, Троцкому, Зиновьеву, – чтобы воочию видеть, как совершается на наших глазах фетишизация людей самыми крайними социалистами» [См.: 6, с. 186, 191, 192].

Далее Сорокин выделяет основные функции исследуемого социального явления: внешне-прикладную («фигурирование в роли эмблемы»); внутренне-деструктивную («...он гипнотизирует людей, решительным образом деформирует их психику»); субъектно-коммуникативную («...роль символа-проводника определенных переживаний»)

Вместе с тем, в концепции Сорокина основное место отведено вопросу соотносительности функционирования «символических проводников» с происходящим, по его мнению, в современном обществе процессом фетишизации. Во-первых, он подчеркивает распространенность процесса фетишизации «символических проводников» в обществе. Во-вторых, явления фетишизации людей историчны, они принимают социально-детерминированные формы. Современная Сорокину форма – «иная форма». Он считает, что существуют явления фетишизации людей «и в наше время и не только среди реакционеров, но и среди революционеров и социалистов» [6, с. 192]. В-третьих, в рассуждениях Сорокина присутствует качественная характеристика любого фетиша – «самодовольный и самодостаточный». В-четвертых, выделяется особый случай фетишизации – человек-фетиш. Сорокин подчеркивает: «Выступая часто в роли символа-проводника определенных переживаний, человек становится фетишем, живым божеством, всемогущим властелином. В нем как бы теряется все обычно человеческое, в глазах людей он становится богом». [6, с. 191].

Перечитывая конспект книги «Система социологии», снова убеждаешься в том, что в своих рассуждениях Сорокин всегда конкретен, точен, актуален. И здесь он прежде всего социолог. Но с другой стороны, рассуждения Сорокина не только теоретически концентрированы, но и методологически наполнены. Рассматривая вопросы о строении простейшего социального явления и сложных социальных агрегатов, Сорокин высказал мысли, научная ценность которых для изучения различных сторон современного российского общества равнозначна той, какой была почти 90 лет.

Литература

1. Русская философия: Словарь / Под общ. ред. М. А. Маслина. М.: Республика, 1995, С. 463.
2. Согомонов А. Ю. Судьбы и пророчества Питирима Сорокина // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992, с. 5.

3. Советская историческая энциклопедия / Гл. ред. Е. М. Жуков. Т. 13. М.: «Советская энциклопедия», 1971, С. 346–347.
4. Философская энциклопедия / Гл. ред. Ф. В. Константинов. В 5 тт. М.: «Советская энциклопедия», 1970, Т. 5. С. 57–58.
5. Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев и др. – М.: «Советская энциклопедия», 1983, С. 627.
6. Сорокин П. А. Система социологии. Т. 1. Социальная аналитика. Ч. 1. Учение о строении простейшего (родового) социального явления. – Пг.: Изд. тов-ва «Колос», 1920. – 360 с.
7. Сорокин П. А. Система социологии. Т. 2. Социальная аналитика. Ч. 2. Учение о строении сложных социальных агрегатов. – Пг.: «Колос», 1920 – 463 с.
8. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992.

А. С. Попов

ПГПУ им. В. Г. Белинского

ЧАРЛЬЗ РАЙТ МИЛЛС «О ПОЛЬЗЕ ИСТОРИИ»

Чарльз Райт Миллс – один из самых оригинальных социологов XX века, автор известной концепции социологического воображения. Радикал, бунтарь, бескомпромиссный критик американского общества и социологического истеблишмента, Миллс был образцом высокопрофессионального отношения к ремеслу социолога.

Отстаивая традиции классической социологии, он выступал за синтез истории и социологии, утверждая, что «история является стержнем обществоведения» [3, с. 165]. Он был абсолютно убежден в плодотворности взаимного сотрудничества этих близких друг другу наук, недаром целая глава его знаменитой книги «Социологическое воображение» (1959) называлась «О пользе истории».

Миллс теоретически обосновал необходимость синтеза истории и социологии. Он подчеркивал, что каждое хорошо продуманное социальное исследование требует исторической концептуализации и максимально полного использования исторических материалов. Вывод, к которому он пришел, на основе серьезного анализа причин тесной связи между историей и социологией, гласит: «никакая общественная наука не может выйти за пределы истории. Вся социология достойна называться «исторической социологией» [3, с. 168]. С этой точки зрения, по его мнению, социологию необходимо рассматривать как историческую дисциплину. Поскольку социолог, как, на его взгляд, верно выразился Пол Суизи, пытается записывать «настоящее как историю», он должен быть погружен в историю, свободно оперировать историческим материалом. Только это обеспечивает понимание исторического многообразия

типов человеческого общества и социальных структур, как исторических, так и современных.

Именно с этих позиций Миллс подверг суровой критике так называемую «Высокую теорию», под которой понимал бесплодное формальное, оторванное от реальности и истории, теоретизирование, которое сводится к умножению понятий и бесконечному манипулированию ими и, в конечном счете, является не более чем «неуклюжей высокопарной бессмыслицей» [3, с. 37].

Как наиболее яркий пример «Высокой теории» он рассматривал труд одного из лидеров американской социологии Толкотта Парсонса «Социальная система» (1951), обвиняя его в фетишизации понятий, разрыве с историей и реальностью. Главный признак «Высокой теории» и вместе с тем её основную проблему он видел в оторванности от изучения конкретных проблем в их историческом и структурном контекстах, что в конечном итоге, на его взгляд, приводит к отказу от попыток «дать ясное описание и объяснение поведения человека и общества» [3, с. 46]. Миллс язвительно замечал, что «магическое устранение конфликта и чудесное достижение гармонии лишают «систематическую» и «общую» теорию возможности иметь дело с социальными изменениями, то есть с историей ... «Высокой теории» вообще недоступны какие-либо систематические представления о действительном ходе истории, о ее механике и процессах» [2, с. 56]. Он утверждал, что «Высокая теория» игнорирует коллективное поведение доведенных до крайности людей, возбужденных толп и массовых движений, чем столь богата современная эпоха.

Очевидно, что это несколько упрощенный, но в то же время не лишенный основания подход к творчеству признанного мэтра американской и мировой социологии. Теоретическая система Парсонса справедливо подвергалась критике не только со стороны Миллса, но и других социологов, за её абстрактность, статичность, внеисторизм.

Резкой критики удостоился и другой мэтр американской, на этот раз не теоретической, а прикладной социологии, к тому же его босс – Пол Лазарсфельд, руководитель Бюро прикладных социальных исследований Колумбийского университета, сотрудником которого являлся Миллс. Помимо того, что Миллс обвинил Лазарсфельда в «Абстрактном эмпиризме», т.е. в фетишизации метода, он подверг его, как и Парсонса критике за антиисторизм. В качестве доказательства он ссылается на статью Лазарсфельда «Что такое социология?» (1948), в которой тот утверждал, что в социальных исследованиях явный упор делается на изучении современных, а не исторических общественных событий. Миллс усматривает в этом «эпистемологический крен», противоречащий научному изучению общества [3, с. 77].

Социологическим взглядам Парсонса, Лазарсфельда и их сторонников Миллс противопоставляет концепцию «социологического воображения»,

которая стала одним из его важнейших теоретических и методологических достижений.

Миллс утверждает, что социолог обязан обладать социологическим воображением, т.е. способностью понимать, какое влияние оказывает действие исторических сил на внутреннее состояние и жизненный путь людей. Для него социологическое воображение, методологически адекватное историко-социологическому синтезу, «дает возможность постичь историю и обстоятельства человеческой жизни, а также понять их взаимосвязь внутри общества» [3, с. 14].

Почему? Как и любая общественная наука, социология, согласно Миллсу «имеет дело с биографиями, историями и их пересечениями в социальных структурах». Именно эти три измерения – биография, история и общество, по его мнению, «составляют систему координат для объективного изучения человека» [3, с. 165].

Таким образом, в основе концепции социологического воображения лежит взаимосвязь истории и социологии, которая обусловлена тем, что «жизнь индивида и ход истории общества нельзя понять по отдельности, без постижения того и другого вместе», поскольку «история как дисциплина не только побуждает к уточнению деталей, но также вдохновляет исследователя расширить свой кругозор и увидеть поворотные события эпохи в развитии социальных структур» [3, с. 165–166].

Тесную связь между историей и социологией ученый подкрепляет методологическими соображениями. В частности, он ставит весьма важный методологический вопрос: являются ли сами социальные науки историческими дисциплинами, ответ, на который для него, несмотря на известную дискуссионность, очевиден. Прежде всего, потому что «общую проблематику теории истории нельзя отделять от общей проблематики теории социальной структуры» [3, с. 62]. Кроме того, Миллс убежден в том, что исторические материалы необходимы обществоведам для правильной постановки и выполнения своих задач.

Во-первых, значимость исторических фактов для социологии, согласно Миллсу, обусловлена самой постановкой социологических вопросов, для решения которых необходимо сравнительное изучение всех доступных социальных структур, как исторических, так и современных, так как, ограничившись анализом лишь нескольких признаков только одного общества, нельзя четко выявить действующие в нем закономерности и отношения. Ученый считает, что социологические исследования должны опираться на исторический и сравнительный анализ, который требует привлечения всех имеющихся многообразных исторических материалов. Для иллюстрации этого положения он рассматривает проблему социальной однородности, которую нельзя правильно сформулировать и, тем более, должным образом решить без сравнительного изучения современных и традиционных обществ.

Во-вторых, как полагал Миллс, внеисторические исследования тяготеют к статике, тогда как исторические исследования открывают подлинный простор изучению социальных изменений – динамики общества. К тому же, как справедливо считал он образ всякого общества – это конкретно-исторический образ, поэтому любое общество может быть понято лишь в контексте того времени, в котором оно существует. Согласно Миллсу единственный способ выяснить, как факторы макроуровня влияют на ограниченные сферы повседневной жизни, это обратиться к историческим материалам, что требует «и на словах и на деле признать, что общественные науки мы воплощаем в жизнь как исторические дисциплины» [3, с. 171].

В-третьих, как считал Миллс, историческая точка зрения ведет к сравнительному исследованию обществ, поскольку нельзя понять и объяснить основные фазы, через которые прошла или проходит та или иная страна, и её современное состояние только в терминах национальной истории. Нельзя даже сформулировать исторические или социологические проблемы отдельно взятой социальной структуры без ее сопоставления с социальными структурами других обществ. Он приходит к выводу: «сравнительные и исторические исследования очень тесно переплетаются», поскольку «историческая точка зрения ведет к сравнительному исследованию обществ» [3, с. 173].

В-четвертых, по Миллсу исторические материалы необходимы для того чтобы определить исторические тренды, понять динамику изменений современной социальной структуры, попытаться выделить долгосрочные тенденции развития, ответив на вопрос: каков механизм тенденций, вызывающих изменения в социальной структуре общества? Миллса убежден, что каждый обществовед стремится понять природу современной эпохи, определить её структуру и выделить главные движущие силы, раскрыть присущую ей механику исторического процесса, что требует полного и искусного использования исторических материалов.

Оставаясь верен себе, Миллс подвергает критике довольно распространенный, по его словам, скорее ритуальный, чем преследующий содержательные цели, способ обращения к истории. Он имеет в виду короткие и скучные скетчи по истории, которыми часто предваряются исследования современного общества, а также процедуру, известную как историческое объяснение. Такие объяснения, опирающиеся на прошлое лишь одной отдельной страны, по мнению Миллса, редко бывают адекватными.

В связи с этим Миллс выступает с парадоксальным на первый взгляд заявлением, о том, что «изучение истории нам необходимо, чтобы преодолеть её» [3, с. 177]. При этом он поясняет, что то, что часто принимается за историческое объяснение, на самом деле стоит рассматривать лишь как то, что еще надлежит уяснить. Например, вместо того, чтобы объяснять какое-то явление как пережиток прошлого, следует поставить вопрос, почему оно сохранилось?

Миллс выступает с дискуссионной и по собственному признанию с довольно противоречивой идеей о том, что «историческая природа данного конкретного общества в данный период времени может быть такова, что «историческое прошлое» имеет лишь косвенное значение для его понимания» [3, с. 178]. В качестве иллюстрации он сравнивает медленно изменяющееся общество, подобно «миру пустыни» Ибн Хальдуна, застрявшее на века в замкнутом круге бедности, традиций, страданий и невежества, и Соединенные Штаты или государства Северной Европы и Австралию, которые не застряли в железном цикле истории. В первом случае, по его мнению, необходимо изучать историческое прошлое и устойчивые исторические механизмы, приводящие к ужасающей зависимости от собственной истории, что требует глубокого исторического анализа. Во втором же случае, всякая попытка понять динамично развивающиеся страны в связи с их прошлым, закончится неудачей, фактически оборачиваясь трансторической бессмыслицей.

Согласно Миллсу «релевантность истории сама подчинена принципу исторической определенности», поэтому для него смысл фразы о том, что любое явление «вышло из прошлого» является проблематичным, поскольку в мире порой происходят совершенно новые события, а, следовательно «в некотором смысле история и повторяется, и не повторяется» [3, с. 179]. По Миллсу все зависит от того, история какой социальной структуры и какой эпохи изучается.

Миллс утверждает, что такой социологический подход вполне применим к американскому обществу, так как оно переживает период, для которого историческое объяснение менее существенно, чем для других обществ и других исторических эпох. Впрочем, этот вывод не выглядит у него особенно убедительным, так как, сам он тут же заявляет, что только на основе сравнительных исследований можно убедиться в том, что отсутствие определенных исторических фаз у общества оказывается зачастую совершенно необходимым для понимания его современного состояния. Причем примером для иллюстрации этого положения служит Миллсу именно американское общество, для которого отсутствие эпохи феодализма являлось неотъемлемым условием формирования многих его черт, в частности, социальной структуры.

Понимая, некоторую противоречивость и спорность выдвинутого им положения, Миллс переводит его в дискуссионную плоскость, заявляя, что «само представление об исключительной важности исторического объяснения является идеей, которая должна обсуждаться и проверяться на соответствующих данных. Даже рассматривая один тип современного общества, отрицая роль исторического материала можно зайти слишком далеко» [3, с. 180].

Подчеркивая значение исторического исследования для задач и перспектив общественной науки, Миллс призывает всех обществоведов «руководствоваться социологическим принципом конкретно-исторической определен-

ности» [3, с. 180]. Он утверждает, что «адекватно сформулированные задачи общественных наук должны включать исследования общества, личности, биографий, исторического процесса и всевозможные отношения между ними. Внутри этих отношений оказываются индивид и общество» [3, с. 256]. Именно на этом основывается его концепция социологического воображения.

Поэтому обращаясь к молодым социологам он, рекомендовал им развивать и применять социологическое воображение, а, следовательно, подробно изучать не только статистические факты и взаимосвязи между ними, но и уникальные исторические события. Он предлагал им соотносить проблемы своих изысканий с исторической реальностью, охватывать в исследовании всю историческую эпоху, а в качестве временных рамок выбирать весь ход человеческой истории, размещая внутри него те недели, годы, эпохи, которые подлежат изучению. Миллс обращал внимание молодых социологов на трактовку истории и на понимание того, как она делается, подчеркивая при этом, что «нужно постоянно пересматривать свои взгляды на проблемы истории, биографии и социальной структуры, в которой биографии и история взаимодействуют друг с другом» [3, с. 255].

Миллс призывает обратиться за помощью к бесценному наследию прошлых поколений, поскольку именно в социологической традиции наилучшим образом представлена перспектива дальнейшего развития социальных наук в целом. В частности, он предлагает использовать опыт теоретического осмысления истории классиками социологии О.Контom, К. Марксом, Э. Дюркгеймом, М. Вебером и др. По его мнению, их социология представляла собой попытку энциклопедически охватить всю целостность общественной жизни человека. «В то же время она является исторической и систематической дисциплиной: исторической, поскольку изучает и использует факты прошлого, а систематической, потому что, занимаясь историей, пытаюсь выделить «стадии» исторического процесса и повторяющиеся явления социальной жизни» [3, с. 33]. Такая постановка задач и осознание перспектив социального исследования, на его взгляд, являясь характерной чертой классической социальной мысли, по сути, совпадает с принципами социологического воображения, которое «дает возможность постичь историю и обстоятельства отдельной человеческой жизни, а также понять их взаимосвязь внутри общества» [3, с. 14].

Кстати заметим, что если бы Миллс был знаком с российской социологией, то у него были бы все основания для включения в ряд названных им западных классиков наших соотечественников, известных сторонников синтеза истории и социологии В. О. Ключевского, М. М. Ковалевского, Н. И. Кареева и некоторых других. Например, стоит обратить внимание на то, насколько суть социологического воображения Миллса совпадает с взглядами одного из пионеров российской социологии Николая Ивановича Кареева, который больше чем за полстолетия до него провозгласил: «личность, общество и

их история – вот три понятия, сблизившие между собой отдельные социальные науки и придавшие им действительно гуманитарный характер» [1, с. 28].

Миллс был убежден в том, что ни одно социальное исследование, если оно не обращается к проблемам человеческой жизни, истории и их взаимодействию в обществе, не может выполнить стоящие перед ним задачи. Какие бы специальные вопросы ни затрагивало изучение социальной реальности, оно должно ставить перед собой группу вопросов, касающихся места общества в истории. Среди них такие вопросы, как «Какое место занимает данное общество в человеческой истории? Каковы механизмы его изменения? Каковы его место и роль в развитии всего человечества? Какое влияние оказывает тот или иной элемент структуры изучаемого общества на соответствующую историческую эпоху и что в этом элементе, в свою очередь, обусловлено исторически? В чем заключается сущность конкретной исторической эпохи? В чем ее отличие от других эпох? Каковы характерные для нее способы «делания» истории?» [3, с. 15]. По Миллсу подобные вопросы составляют интеллектуальный каркас классических исследований о поведении человека в обществе, поэтому их неизбежно задает каждый, кто обладает социологическим воображением.

Сам Миллс в своем творчестве твердо следовал провозглашенному историко-социологическому синтезу. Так одна из его наиболее известных работ «Белый воротничок: американские средние классы» (1951) была построена в основном на историко-сравнительном анализе старого и нового среднего класса – «белых воротничков», позволившем проследить эволюцию социальной структуры Соединенных Штатов Америки.

Биограф Чарльза Р. Миллса Ирвинг Горовиц сообщал, что в конце жизни у него возник грандиозный замысел историко-социологического труда «Сравнительная социология» в 6-9-ти томах, в котором он намеревался рассмотреть социальную структуру всех современных обществ. В частности, один из томов посвящался социологическому изучению четырех мировых эпох: античности, средневековья, индустриальной и постиндустриальной. К сожалению, Миллс оставил только общие наброски (пролегомены) того, что называл своим главным трудом, призванным поднять социальную теорию до уровня подлинной науки [2, с. 115]. Впрочем, даже если бы его творчество ограничилось только созданием концепции социологического воображения, основанной на синтезе истории и социологии, этого было бы вполне достаточно, чтобы занести его имя в «анналы» мировой социологии. Так оно и случилось. Показательно, что согласно проведенному в 1997 году опросу членов Международной социологической ассоциации «Социологическое воображение» Ч. Р. Миллса было признано книгой, оказавшей самое большое воздействие на социологическую мысль XX века после «Экономики и общества» (1922) Макса Вебера.

Литература.

1. Кареев Н. И. О сущности гуманитарного образования // Кареев Н.И. Историко-философские и социологические этюды. СПб., 1895. – 300 с.
2. Кравченко А.И. «Социологическое воображение» Р. Миллса // Социологические исследования. № 1, 1994. с. 114–122.
3. Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. М.: Издательский дом «Стратегия», 1998. – 264 с.

Биографическая справка

Чарльз Райт Миллс (Charles Wright Mills) родился 28 августа 1916 г. в Уэйко, штат Техас в семье, принадлежащей к среднему классу. Отец – страховой агент, мать – домохозяйка.

В 1920 г. семья переезжает в Даллас. После окончания школы в 1934 г. Миллс поступил в Техасский аграрный и механический университет. Однако уже через год он перевелся в университет штата Техас в Остине, где начал изучать социологию. В 1939 г. после окончания университета перебрался с женой Дороти Хэлен Смит (женится в 1937 г.) в Мэдисон в университет Висконсина, где в 1941 г. под руководством Говарда Беккера защитил докторскую диссертацию: «Социологические основания прагматизма: исследование в области социологии знания».

С 1945 г. сотрудник Бюро прикладных социальных исследований Колумбийского университета (Нью-Йорк), руководимого Полем Лазарсфельдом. С 1956 г. он – профессор того же университета.

Миллс был три раза женат, имел двух дочерей Памеллу и Катрин и сына Николаса.

Скоропостижно скончался от сердечного приступа в Вест-Найэке, штат Нью-Йорк, 20 марта 1962 г. на сорок шестом году жизни.

Основные работы: «Новый человек во власти: лидеры американских трудящихся» (1948), «Белый воротничок: американские средние классы» (1951), «Властвующая элита» (1956), «Социологическое воображение» (1959).

Т. Г. Скороходова

ПГПУ им. В. Г. Беллинского

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ СВАМИ ВИВЕКАНАНДЫ: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ

Наследие индийского философа-гуманиста Свами Вивекананды (Норендронатх Дотто, 1863–1902) неизменно привлекает внимание философов и историков, религиоведов и социологов. И если религиозно-философским воззре-

ниям мыслителя уделяется преимущественное внимание, то его социально-философская мысль изучается менее интенсивно [См.: 1; 3; 11; 14; 15; 17], хотя важность обращения к ней несомненна для современного российского [5, с. 94] и мирового сообщества. Не претендуя на исчерпывающую полноту охвата идей Вивекананды, мы предлагаем реконструкцию его социально-философской концепции в контексте эпохи Бенгальского Возрождения XIX– 1-й половины XX вв. [См: 8], в которую он жил и творил.

В эпоху Бенгальского Возрождения происходит сложное и многостороннее переосмысление индийского социокультурного наследия под влиянием комплексного воздействия Запада на традиционное общество Индии в социальной, экономической, политической, культурной и духовной сферах. В поисках Ответа на Вызов западной цивилизации мыслители бенгальского «творческого меньшинства» (А. Бергсон) предлагают различные варианты синтеза индийской и западной социокультурных парадигм для оптимального вхождения индийского общества в мир современности с сохранением собственной идентичности и культурного своеобразия. Из этих вариантов выстраивается общий проект возрождения как развития Индии в изменяющихся условиях. Однако в сознании и мышлении представителей творческого меньшинства происходит непрерывный диалог либерализма и консерватизма. И если либерализм исходит из западных по происхождению представлений о социальной справедливости, равенстве прав, демократии и, соответственно, необходимости социальных реформ и изменений во имя выхода из состояния социального и культурного упадка и во имя развития, то консерватизм возлагает надежды на внутренние нравственные преобразования в человеке и на переосмысление традиции как устойчивого религиозного основания для развития – в противовес внешним социальным изменениям [См. подробнее: 8, с. 76–84]. На социально-философских построениях бенгальских мыслителей неизменно сказывается этот диалог либерализма и консерватизма; не является исключением и Свами Вивекананда.

Одним из ключей к пониманию социально-философской концепции Вивекананды, таким образом, является контекст эпохи, благодаря которому в его философии происходит синтез восточного и западного, либерального и консервативного начал. Другой ключ к пониманию – биографический контекст.

Родившийся в Калькутте в семье преуспевающего адвоката из касты *каятха* (писцы), Норендронатх Дотто получил блестящее западное образование и хорошо ориентировался в европейской философии и науке (так,

он переписывался с Г. Спенсером). Повышенный интерес к духовной жизни сначала привёл Норендронатха в религиозно-реформаторское общество Брахмо Самадж («Общество Брахмо», т. е. Единого Бога), а затем, после встречи с бенгальским святым-проповедником Рамакришной (1836–1886), он стал его учеником и впоследствии принял монашеский обет (*саньясу*), желая посвятить жизнь религиозному служению. Приняв имя Вивекананда, он несколько лет странствовал по Индии и был потрясён нищетой и социальным угнетением народа. В итоге он пришёл к заключению, что религия сможет стать фактором социального развития только после преодоления голода, болезней, бедности и зависимости. В 1893 г. Вивекананда едет в США и участвует во Всемирном Конгрессе религий в Чикаго, где заявляет о духовных ценностях индуизма и привлекает внимание мировой общественности к социальным проблемам Индии. В течение четырёх лет в Америке и Европе он выступает с лекциями по индийской философии и проповедует интенсивный культурный обмен между Западом и Востоком. Вернувшись в Индию как национальный герой, Вивекананда разворачивает активную кампанию помощи населению страны и основывает в 1897 г. социально-гуманитарную организацию «Миссия Рамакришны» для содействия общечеловеческому братству, облегчения участи масс и служения человеку как Богу. Во время второго визита на Запад (1899–1900) Вивекананда, критически анализируя противоречия социальной жизни Европы, приходит к мысли о том, что путь к преодолению многих проблем лежит через восприятие духовных ценностей Востока. Воздавая должное трудолюбию и социальной активности европейцев и американцев, демократическому духу и достижениям Запада в социальной и экономической сферах, философ критиковал социальное неравенство и всевластие имущих слоёв, политику великих держав в мире, расизм и социальную дифференциацию. Вскоре после возвращения в Индию после тяжелой болезни Вивекананда уходит из жизни.

Социально-философская концепция Вивекананды развивается в общем русле социальной мысли Бенгальского Ренессанса, возникающей в проблемном поле взаимодействия западной философии Просвещения и эмпирии индийской социальной действительности [См.: 8, с. 208–214], поскольку традиция социальной мысли как размышления об обществе в Индии отсутствовала. Вместе с постановкой проблемы человека – центральной для индийской философской мысли XIX в. [2, с. 159] – не только в онтологическом, но также в социальном аспекте, в бенгальской мысли возникает достаточно напряжённое осмысление общества и бытия в нём человека. В силу этого социальная мысль может быть названа – с известной долей условности, допускающей различия между европейским и индийским смыслами этого термина, – персоналистской. Этот персонализм, с глубоким религиозным содержанием – является основанием концепции Вивекананды.

Не останавливаясь подробно на видении философом проблемы человека (это вполне может стать темой особой работы), сформулируем его представления в виде кратких положений, дающих возможность понимания его социальной концепции. 1) Подлинным «Я» человека, непреходящим началом является его душа – часть универсального Абсолюта, поэтому цель и смысл его существования – проявление в себе божественности и достижение свободы. 2) Реализация смысла существования происходит в четырёх формах: путь труда (*карма-йога*), путь познания природы и себя (*раджа-йога*), путь философствования (*джнана-йога*) и путь любви (*бхакти-йога*). 3) Все действия человека должны покоиться на этических принципах бескорыстия и отречения, которые являются залогом счастья. Эгоизм же, напротив, есть причина страдания, так как он лежит в основе разных форм зависимости и привязанности – к человеку, миру, результатам труда и т. п. 4) Достижение свободы и идеала, освобождение от эгоизма и корыстной заинтересованности в результатах происходит в человеческой деятельности. 5) Величие человека в мире проявляется в труде, а именно в бескорыстном повседневном следовании долгу соответственно требованиям общества и нравственным ценностям по принципу «каждый велик на своём месте». Соответственно этим убеждениям Вивекананда строит концепцию общества на основе персонализма, а не социоцентризма.

«Концепция общества и индивида у Вивекананды делает его оппонентом Дюркгейма, – подчёркивает в своей небольшой работе Трилочан Дас. – Согласно Дюркгейму, жизнь индивида детерминирована обществом, “groupement professionnel” социальным milieu (окружением. – Т. С.). Но у Вивекананды индивид – это творец и преобразователь. ...Он – сверхиндивидуалист, и его концепция индивида указывает на естественное сходство с идеями Бергсона, Эспинаса, Шпрангера и Канта с одной стороны, и с идеями Рабиндраната Тагора и Ауробиндо Гхоша – с другой» [13, с. 4]. С человека начинается единство с другими, так как в его душе проявлено единое универсальное начало, которое становится основой социального целого.

Духовное, религиозное начало, по мысли Вивекананды, является основой социальной организации и структуры; но религия начинается в обществе тогда, когда возникают и начинают развиваться этические идеи. Они приходят изнутри человека, осознающего необходимость ограничения своих импульсов, желаний, помыслов и поступков. «... Как можно жить совместно без терпения и терпимости? Как может один человек жить рядом с другими, не сдерживая время от времени своих импульсов, не ограничивая себя, не воздерживаясь от поступков, которые, возможно, ему хотелось бы сделать? Это невозможно. Так рождается идея самоограничения. Вся социальная организация основывается на этой идее самоограничения, и мы все знаем, что все мужчины и женщины, не усвоившие этот урок терпения и самоограничения, более всех несчастны» [18, т. II, с. 109].

Религия и этическое представление о Боге оказываются у Вивекананды главной силой развития человека и общества. В обществе религия – это конституирующее начало, благодаря которому все сферы жизни людей – социальная, моральная, духовная, культурная, научная и др. – есть не что иное, как различные проявления религиозности. «Сможет ли религия реально улучшить что-либо? – задаёт вопрос Вивекананда и отвечает: – Может. ... Она сделала человека тем, что он есть, и будет создавать из этого человека-животного – бога. Вот что может сделать религия. Уберите религию из человеческого общества – и что останется? Ничего, кроме леса зверей» [18, т. III, с. 4].

Человечество/общество имеет своей целью счастье интеллектуальное и духовное, достижение высшей мудрости, духовного знания, а отнюдь не чувственного наслаждения, которое роднит его с миром животных. Для достижения этого счастья требуется социальный идеал, вокруг которого выстраивается жизнь общества. Главный императив социального идеала по Вивекананде – его соответствие истине: *«Истина не склоняется перед обществом, древним или современным. Общество должно склониться перед истиной, или умереть»*. Общества должны формироваться в соответствии с истиной, а не приспосабливать самоё истину к себе» [18, т. II, с. 84]. Если общество не признаёт высоких истин, приемлемых для индивида, то задача последнего – иди дистанцироваться от него, или стремиться в меру сил и возможностей изменить ситуацию. «Если такую благородную истину, как бескорыстие, нельзя осуществить в обществе, – лучше для человека отринуть такое общество и уйти в леса. Такой человек бесстрашен. Есть два вида отваги. Одна – отвага перед лицом оружия. И другой – отвага духовной убеждённости». И далее: «То общество величайшее, где высочайшие истины становятся практическими. Это мое мнение, и если общество не соответствует высочайшим истинам – сделайте его соответствующим им, и чем раньше, тем лучше» [18, т. III, с. 85].

Скрытая полемика с Дюркгеймом продолжается в решении Вивеканандой вопроса о соотношении личного и общественного. «Счастье индивида есть счастье всего целого, вне целого сама жизнь индивида невозможна – это вечная истина и краеугольный камень, на котором построена вся вселенная» [18, т. IV, с. 463]. С одной стороны, человеческий индивид реализует смысл существования в единстве с другими, в чувстве симпатии и сопричастности обществу, с другой – и Вивекананда неоднократно говорит об этом – общество склонно подчинять себе индивида самыми разнообразными способами, и результатом этого становится превращение людей в «безжизненные машины», отсутствие духовной активности, чистосердечия, биения жизни и надежды, желания новизны и восприятия нового [18, т. IV, с. 489]. «Наша родина, – пишет Вивекананда в 1898 г., – ярчайший пример результатов и следствий вечного подчинения индивида обществу и насильственного самопожертвования

посредством институтов и дисциплины» [18, т. IV, с. 488]. Вслед за своими предшественниками, в первую очередь философом и реформатором Раммоханом Раем (1872–1833), он критикует гипертрофию коллективного начала в жизни восточных обществ, отношения социального принуждения и конформизма, и неудивительно, что раскрытие личной инициативы человека, его активная деятельность в обществе видится Вивекананде как оптимальное решение этой извечной проблемы. В этом акценте на созидательной деятельности очевидно прослеживается влияние европейской философии.

В размышлениях Вивекананды о социальной структуре также прослеживается влияние европейской социологии: несмотря на то что мыслитель трактует социальную структуру как кастовую иерархию, в которой присутствуют священнослужители (брахманы), правители и воины (кшатрии), торговцы и предприниматели (вайшьи), простой народ – земледельцы и рабочие (шудры), он говорит о касте как социальном установлении [18, т. I, с. 22], которого нет в религии. «...Четыре касты – брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры – всегда существовали во все времена во всех цивилизованных обществах. Под воздействием могущественных обстоятельств времени их количество и власть также менялись в разные времена и в разных странах», – пишет Вивекананда в статье «Современная Индия»¹. Мировое развитие общества в истории философ трактует как смену социальных слоёв у власти: 1) царство брахманов – на основе интеллектуальной силы; 2) царство кшатриев, опирающихся на физическую силу; 3) царство вайшьев, основанное на власти золота; 4) грядущее царство шудр – трудового населения. Обществу нужны сначала жрец, затем царь — это «историческая необходимость» для него в его «младенческом состоянии». Каждый из слоёв реализует собственный интерес, и только народ не достиг уровня самоорганизации и самоуправления для реализации своих прав и интересов: «Сила народа борется за самовыражение косвенными и неупорядоченными путями, без какого бы то ни было метода. У людей ещё нет осознанного представления даже о существовании этой силы». Самоуправление не вышло за рамки общинно-группового уровня, и его развитие – дело будущего.

Социальная приниженность народа («шудр») – результат длительного действия исторического механизма социальной изоляции. Основанной на кастовой исключительности. Примеры социального возвышения шудр «благодаря знаниям и доблести», крайне немногочисленные, несколько не изменили социального статуса низших слоёв. Результатом такого сокрушительного подавления и тирании стало существование двух социальных типов – «низко-

¹ Интересное продолжение мыслей Вивекананды в применении к западному обществу находим в беллетристической форме у английского писателя Джона Голсуорси: в романе «Остров фарисеев» (1904) он беспощадно рисует кастовую замкнутость английских аристократических слоёв, которые – добавим – по своей идеологии и социальным установкам ничем не уступают индустриальным высшим кастам.

поклоняющегося у ног высших классов» или бесчеловечного, словно грубое животное [18, т. IV, с. 469].

Тем не менее, Вивекананда оптимистически надеется, что начало пробуждения шудр во всех странах приведёт к установлению их власти в будущем. Шудры – «настоящее тело общества», только благодаря их физическому труду возможны влияние брахманов, доблесть кшатриев, богатство вайшьев [18, т. IV, с. 467–468], – и это несмотря на отсутствие у шудр упорства и решимости в действиях. Он предвидит социальную революцию и отмечает её первые признаки на западе в виде социализма, анархизма и нигилизма. Называя себя социалистом, Вивекананда пояснял, что страдания народа – это главная причина материального и культурного отставания Индии: «Я социалист не потому, что считаю это совершенной системой, но потому, что полбуханки хлеба лучше, чем совсем ничего» [18, т. VI, с. 381]. Его социализм – это стремление улучшать положение бедных, угнетённых, невежественных масс, преодолеть их зависимость от кастовой системы вышестоящих классов и от тирании священства, обеспечить им доступ к образованию и культурному наследию, чтобы народ получил возможности и условия для *духовного* развития и освобождения [См.: 14; 15]. И в формировании такого социализма по Вивекананде важнейшую роль играет правовое равенство; в этом смысле показательно его высказывание о британской власти в Индии: «Улучшение положения низших классов Индии будет продолжаться до тех пор, пока в Индии существует правительство, относящееся к своим подданным *безотносительно к их касте и положению*» (курсив мой. – Т. с.) [18, т. IV, с. 470].

Но означает ли равенство прав – сущее и должное – и «социализм» в концепции Вивекананды равенство *социальное*? Он признает «великую мотивирующую силу» идеи равенства людей на земле и её воздействие на общество – так, что эта идея стала важнейшим импульсом распространения христианства в Римской империи. «Истинного равенства никогда не было и никогда не будет на земле, – говорит Вивекананда. – Как можем мы все быть равными здесь? Этот невозможный вид равенства означал бы всеобщую смерть. <...> Абсолютное равенство, которое означало бы полное равновесие всех борющихся между собой сил, никогда не может быть в этом мире. Прежде чем вы достигнете этого состояния, этот мир должен стать совершенно неподходящим для любой формы жизни, и никакой жизни здесь не будет» [18, т. I, с. 113–114]. Неравенство – физическое, интеллектуальное, культурное, социальное – трактуется как основа формирования общества, так же как и борьба, состязание, конфликт из-за неравенства названы в онтологии Вивекананды основой всякого творения. Неравенство и стремление к равенству – это две противоборствующие силы единого процесса, и это определяет человеческую мотивацию: одни направляются в сторону порабощения и зависимости, другие – к освобождению. Соответственно это проецируется в обществе, где су-

ществуют иерархии и социальные полюса, и где различные социальные движения стремятся так или иначе преодолеть тиранию высших классов с помощью разнообразно понимаемой идеи равенства. «Сколько бы ни накопилось гор отбросов и грязи на поверхности общества, – однако под этими горами мусора обнаруживается его жизненное дыхание, пульсирующее в гармонии со вселенской любовью и самоотверженным состраданием ко всем» [18, т. IV, с. 463].

Эти размышления Вивекананды имеют очевидные параллели с теорией социальной стратификации П. А. Сорокина, принявшей окончательную форму в 1930-х гг., после осмысления им опыта 1917 года. «Общества без расчленения, с реальным равенством их членов – миф, так никогда не ставший реальностью за всю историю человечества», – писал социолог [9, с. 304]. И далее: «... В любом обществе в любые времена происходит борьба между силами стратификации и силами выравнивания. Первые работают постоянно и неуклонно, последние – стихийно и импульсивно, используя насильственные методы» [9, с. 334].

Размышляя о вероятном наступлении социализма в будущем, в частном письме Вивекананда говорит об относительно лучшем по сравнению с неизменной социальной поляризацией «распределении страдания и удовольствия поровну», однако из-за неизменности общей суммы добра и зла в мире «иго будет просто переходить с одних плеч на другие» [18, т. VI, с. 381]. Распространение физического комфорта – единственное преимущество «царства шудр», но падение культуры, несмотря на широкое распространение среднего образования, философ считает недостатком («выдающиеся гении будут появляться всё реже и реже» [18, т. VI, с. 381]) Лучшим было бы идеальное (но вряд ли возможное!) общество, в котором объединились бы знание, культура, коммерческий дух и равенство – всё лучшее из всех периодов развития, «но без их зол».

К тому же духовный компонент и цель социальной жизни – обретение свободы – побуждает Вивекананду не выстраивать утопии будущего, но интенсивно размышлять о методе *обретения свободы*. К традиционному индийскому представлению об индивидуальном освобождении от перерождений прибавляется социальное измерение свободы. Дихотомия «свобода—зависимость» проходит через всю жизнь человека и социальных групп, и их естественное состояние – стремление к свободе и борьба против зависимости — физической и духовной, внешней и внутренней. В отличие от традиционных представлений, свобода оказывается стремлением общества к прогрессу, к овладению внутренней и внешней природой, к достижению свободы при жизни, в социальном и природном мире [18, т. I, с. 172]. Субъективный смысл свободы связывается с рефлексией: осознание свободы есть освобождение, убеждение в зависимости – попадание в рабство [18, т. II, с. 81–182]. Объек-

тивный смысл всецело связан с *социальностью* свободы: так, по Вивекананде, жизнь общества есть утверждение принципа свободы, которое проявляется даже в таких негативных состояниях, как борьба, войны, социальные конфликты, насилие и жестокость. Свобода обоснована и как цель, и как средство социального развития.

Доступным каждому методом освобождения философ признаёт труд ради самого труда, а не ради результата, – самое трудное, но освобождающее действие. Труд в соответствии со своим религиозно-нравственным и социальным долгом в социальной философии Вивекананды восходит к древнеиндийской философской поэме «Бхагавадгита», где каждому индивиду предписывается исполнение своей *дхармы* в соответствии со своим ролевым и социальным статусом и жизненными стадиями, но философ специально подчёркивает необходимость труда как исполнения долга для современного человека, которому не всегда доступны иные способы раскрытия своей сущности. Важность всякого без исключения долга по сути делает неактуальным какую-либо социальную иерархию в этой сфере: «Мусорщик на улице столь же велик и славен, как и король на троне. Заберите у него трон и заставьте выполнять работу мусорщика, и посмотрите, как он справится с ней. Возведите мусорщика на трон и посмотрите, как он будет править» [18, т. I, с. 42]. Труд человека оказывается у Вивекананды смысловым стержнем истории общества, который направляет развитие последнего во времени. Благодаря этому народ, создающий духовную и материальную культуру, становится равноправной силой исторического развития наряду с великими религиозными учителями, реформаторами и политическими деятелями. Важно лишь осознать освобождающее начало неэгоистического труда: «...Вы должны трудиться как *хозяин*, но не как раб... ..Девяносто девять процентов человечества трудятся как рабы, и результаты этого плачевны; это эгоистический труд. Трудитесь свободно! Трудитесь с любовью!» [18, т. I, с. 57].

В настойчивом подчёркивании Вивеканандой значимости труда в социальном и духовном измерении довольно хорошо прослеживается воздействие европейской культуры. По мысли Е. Б. Рашковского, «ни одна из предшествующих цивилизаций не вознесла и не закрепила так высоко представления о человеке и его труде, как цивилизация Европы, и не в последнюю очередь – идею труда как угождения Богу, как подражания, уподобления Христу (*imitationis Christ*), как некоего духовного послушания» [7, с. 100]. Но помимо этого есть и индигенное влияние на позицию Вивекананды – влияние сикхизма, в котором труд расценивается как важнейшее служение Богу, как деятельность, неизмеримо превосходящая по значению такие религиозные пути, как ритуал, аскетизм, монашество [10, с. 113, 127].

В интерпретации свободы у Вивекананды сходятся два измерения свободы – индивидуальное, восходящее к Упанишадям «понятие о свободе внут-

ренней безотносительно к внешним условиям нашего существования» (Е. Б. Рашковский) [6, с. 12], и социальное, в котором, с одной стороны, каждый человек соотнесён с другими людьми через систему общих религиозных и социальных ценностей, норм, обязанностей и прав, с другой, – желает так или иначе преодолеть состояние зависимости от различных форм природной и социальной несвободы и отчуждения.

Специальный акцент Вивекананда делает на религиозном смысле труда; последний предстаёт как почитание Бога через помощь другим людям, как великая привилегия, данная человеку. «Наш долг в отношении других означает помощь другим, делание добра миру, – говорит философ. – <...> Мы не можем отрицать, что в мире много страдания, и идти в мир и помогать другим, следовательно, – наилучшее, что мы можем сделать, хотя в итоге мы обнаруживаем, что, помогая другим, мы всего лишь помогаем самим себе» [18, т. I, с. 75]. Здесь прослеживается общий лейтмотив Бенгальского Возрождения – о служении людям. «Если хотите служить Богу – служите человеку, – повторяет мыслитель слова Раммохана Рая. – Какого ещё Бога вы хотите найти? ... Это он, ваш Бог, протягивает руку к вам миллионами натруженных рук ваших соотечественников» [4, с. 28].

Общая социально-философская концепция Вивекананды в её социологическом и методологическом аспектах объективно полемизирует с позитивистскими установками на отыскание одних лишь общих измерений во всех существующих исторически определённых обществах безотносительно к их особенностям. Философ видит основополагающий стержень особенностей в национальном идеале: «Я вижу, что каждая нация, подобно каждому индивиду, имеет единую тему своей жизни, которая является её центром, главной нотой, вокруг которой все другие ноты принимают форму гармонии. В одной нации политическая власть – это её жизненность, как в Англии, жизнь художественная – в другой, и т. д. В Индии религиозная жизнь формирует центр, ключевую ноту всей музыки национальной жизни...» [18, т. III, с. 220]. И здесь Вивекананда поднимает общую тему понимания Другого в самом широком смысле и говорит о трудности (но не о невозможности!) посмотреть на всё глазами Другого: в этом коренится основание ненависти, зависти, ссор, борьбы, стремление подогнать всё под собственные типичные стандарты поведения [18, т. III, с. 218]. Философ предостерегает от этноцентризма (в первую очередь его мишенью становится европоцентризм) в деятельности и подходах к оценке и исследованию жизни других народов и склоняется к приоритету культурного релятивизма: «...Вряд ли стоит судить один народ по стандартам другого, это несправедливо и непрактично, – говорит Вивекананда, обращаясь к американской аудитории. – ...Идеал – это то, что нация воздвигает перед собой. Когда, говоря о различных нациях, мы исходим из общей идеи единого этического кодекса и идеалов для всех рас, это практически означает: оцени-

вая других, мы считаем благом для каждого всё, что видим благим и правильным для себя, и убеждены, что это не может других привести к упадку» [18, т. VIII, с. 56]. В 1899–1901 гг. Вивекананда для журнала «Удбодхан» (бенг. «Возрождение») написал целую серию статей «Восток и Запад», где пытался развеять устойчивые этнокультурные стереотипы – «взгляды, порождённые взаимным непониманием, поверхностным знанием или невежеством» [18, т. V, с. 443]. Своё сравнение обычаев он предваряет методологической установкой: «Они (западные народы. – Т. С.) хороши, и мы также хороши. “Вы не можете восхвалять одного или обвинять другого, оба равны”. Конечно, есть градации и вариации хорошего – и это всё» [18, т. V, с. 463]. Национальные институты, традиции и обычаи для Вивекананды – это условия, объединяющие народ/нацию, позволяющие ей сохранять себя и свою идентичность во времени и развиваться, в то время как попытки подражания иностранным образцам и некритического перенесения инонациональных институтов на почву народной жизни могут обернуться деградацией народа, но не развитием.

На современном этапе, по мысли Вивекананды, неизменно повторяющейся в его выступлениях, общества должны учиться друг у друга, именно учиться, но не копировать, и этот процесс должен быть взаимным: Индии есть чему учиться у Запада, а последний может возвратиться к утраченному, учась у Индии: «Разве мы, сидя у ног Западных людей, не учились всему, даже религии? – спрашивает Вивекананда. — Мы можем научиться у них механике. Мы можем научиться многим другим вещам. Но мы должны и сами научить их чему-нибудь, и это — наша религия, это наша духовность. Завершённая цивилизация мира ожидает, ожидает сокровищ, которые придут из Индии, ожидает чудесного духовного наследия этой расы, которое, несмотря на десятилетия упадка и страдания, нация до сих пор носит в сердце» [18, т. III, с. 317]. Всё, что воспринимается из других культур, должно быть адаптировано к собственной культуре, но это не означает, что национальное своеобразие должно быть утрачено.

Под развитием общества Вивекананда подразумевает развитие во времени от первобытности к цивилизованному состоянию, к современности. Путь к последнему подобен взрослению человеческого организма; как в каждом человеке заложено стремление к прогрессу, так и общество стремится к обновлению. Саморазвитие общества через смену преобладающих у власти социальных слоёв философ показывает как конфликтный процесс, как социальную борьбу, протекающую в разнообразных формах (например, в форме религиозных движений, в основе которых – социальное содержание) [18, т. IV, с. 462]. Но главным содержанием развития Вивекананда объявляет эволюцию духа и знания, что связано с творческой деятельностью человека.

Все философские размышления Вивекананды в контексте Бенгальского Возрождения нацелены на обоснование идеи возрождения и роста индийс-

кого социума [8, гл. II]. В развёрнутом выступлении «Мой план кампании» в Мадрасе после возвращения из США Вивекананда предлагает собственную модель развития Индии.

Первая цель, на которую Вивекананда ориентирует аудиторию – добиться естественного роста (развития) для всех слоёв общества без исключения, а не только для его малой части – образованных слоёв, для чего требуются основательные реформы. В этом философ интенсивно полемизирует с современными ему социальными реформаторами. «Большинство реформ, за которые агитировали в нашем столетии, были декоративными. Каждая касалась только первых двух (высших – Т. С.) каст, и никого другого. ...Но это никакая не реформация. Вы должны дойти до основания вещей, до корней предмета. Это – то, что я назову радикальной реформой» [18, т. III, с. 216]. Преобразование должно коснуться всей индийской нации, но для этого требуется не деструкция традиций и обычаев, но принципиально иной метод – «конструкция», в котором идеи реализуются в действиях по преодолению зла, а не в создании обществ и написании трактатов. Роста, по мысли Вивекананды, можно достичь упорным трудом, ориентированным на облегчение бедствий народа, чтобы «вывести его из этой прижизненной смерти» [18, т. III, с. 226]. С очевидными христианскими мотивами и одновременно – имея в виду пример своего учителя Рамакришны, он говорит: «Сделавшись слугою всех, индус найдёт, как возвысить себя» [18, т. III, с. 212]. И в этом смысле идеалом выступают индийские философы Рамануджа и Шанкара, поэты-проповедники Нанак, Кабир, Даду, Чайтанья, которые предлагали расти, развиваться, быть едиными, никого не осуждая и опираясь на великие религиозные истины и ценности. Поэтому первый урок и предложение Вивекананды – следовать идеям собственной традиции, не пытаясь бездумно копировать «институты других рас» [18, т. III, с. 219–220]. Но чтобы реализовать реформы для всего народа, требуется сначала сформировать в нём потребность в проведении реформ, а последняя никогда не появится без воспитания народа посредством образования. Философ говорит, по сути, о формировании гражданского общества с Индии: «Где народ? Тирания меньшинства – наихудшая тирания, которую когда-либо видел мир. <...> Прежде создайте силу (power), санкцию, от которой будет исходить закон. Короли ушли, – где же новая санкция, власть народа? Воспитайте её!» [18, т. III, с. 216].

«План» Вивекананды заключается в том, чтобы распространить четыре «дара милосердия» – дар духовности (распространение духовного знания), дар светского знания, дар жизни и дар пищи. Первый из них обусловлен, с одной стороны, особенностями национального идеала Индии: «Каждое усовершенствование в Индии требует прежде всего переворота в религии. Прежде чем наводнять Индию социалистическими или политическими идеями, прежде затопите землю духовными идеями», – и это идеи, восходящие к тра-

диции Упанишад [18, т. III, с. 221]. С другой стороны, духовное знание остро необходимо социально принижённым массам, которых не считали за людей и запугали до животного состояния [18, т. III, с. 224]. Эти необходимо для воспитания в людях силы духа, воли и бесстрашия.

Вивекананда говорит о «созидающей человека религии» и «созидающем человека образовании». Вслед за духовным знанием придёт знание светское. Для того чтобы реализовать этот план, он выдвигает идею развития института волонтеров, которые будут нести образование в массы, бороться с голодом, болезнями и смертью до тех пор, пока массы не будут способны сами решать свою судьбу [18, т. III, с. 223]. Отчасти в это прослеживаются отголоски российской идеи «хождения в народ», которую по всей видимости, Вивекананда позаимствовал у П. А. Кропоткина, с которым встречался в Европе. Несмотря на известный утопизм этого плана, Вивекананда выступил как идеолог-предтеча массовой социальной работы в современной Индии, которую, наряду с государством осуществляют общественные благотворительные организации (так называемые grassroots).

Социально-философская концепция Вивекананды – один из удачных примеров выстраивания философской концепции общества, опираясь на персоналистские позиции и идею смысловой соотнесённости индивидуально-личностной и общественной организации с высшим духовным порядком вселенной. Именно этот духовный порядок задаёт высокий ориентир *должного* и для самого общества, и для тех, кто анализирует его состояние и проблемы.

Общество у Вивекананды предстаёт как система, развивающаяся и устремлённая к социальной свободе, как и индивиды, её составляющие. Высокая цель побуждает индивидов прилагать усилия для усовершенствования наличных условий и борьбы с социальным злом, и главным эффективным методом преобразований философ считает внутреннее преобразование индивида через этику и бескорыстное действие. Соответственно и развитие Вивекананда рассматривает как преимущественно эволюционное, хотя он не исключает социальных конфликтов, по разрешении которых общество переходит на новую стадию развития. Он достаточно реалистически смотрит на социальную иерархию и возможности её преодоления, но именно Вивекананда не только специальное внимание уделяет социально-принижённым массам, «низведённым до уровня животных», но предлагает обществу ориентироваться на реальное улучшение их положения и раскрытие социальной инициативы народа.

Методологически продуктивно предложение Вивекананды о неразделимости общих универсальных основ жизни обществ и учёта национальных характеристик и особенностей разных народов. И первостепенной задачей становится понимание других культур – с необходимым для этого устранением предубеждений, стереотипов восприятия и позитивным отношением.

Литература

1. Бродов В. В. Индийская философия Нового времени. МГУ, 1967.
2. Костюченко В.С. Классическая веданта и неоведантизм. М., 1983.
3. Костюченко В.С. Вивекананда. М., 1977.
4. Никхилананда Свами. Вивекананда. СПб., 1991.
5. Прусак А.И. Теория действия с. Вивекананды // Социологические исследования. 2000. №1.
6. Рашковский Е.Б. Осознанная свобода: материалы к истории мысли и культуры XVIII–XX столетий. М., 2005.
7. Рашковский Е. Б. Смыслы в истории: исследования по истории веры, познания, культуры. М., 2008.
8. Скороходова Т. Г. Бенгальское Возрождение. Очерки истории социокультурного синтеза в индийской философской мысли Нового времени. СПб, 2008.
9. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
10. Успенская Е. Н., Котин И. Ю. Сикхизм. СПб., 2007.
11. Arora V.K. The Social and Political Philosophy of Swami Vivekananda. Calcutta, 1968.
12. Das Gupta S. Humanism of Swami Vivekananda // Bulletin of the Ramakrishna Mission Institute of Culture. Calcutta, 1982. Vol. 33. № 3–4.
13. Das Trilochan. The Social Philosophy of Swami Vivekananda. Calcutta, 1949.
14. Mohapatra Kalpana. Political Philosophy of Swami Vivekananda. New Delhi, 1996.
15. Parameswaran P. Marx and Vivekananda: A Comparative Study. New Delhi, Bangalore, 1987.
16. Rao V.K.R.V. Swami Vivekananda: The Prophet of Vedantic Socialism. New Delhi, 1979.
17. Roy B.K. Socio-Political Views of Vivekananda. New Delhi, 1972.
18. Vivekananda Swami. Complete Works. Mayavati Memorial Edition. 12th ed. In 9 vols. Mayavati – Almora, 1998–2002.

Т. И. Лавренова

ПГПУ им. В. Г. Белинского

АНАЛОГИИ ПРЕЕМСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ В РАЗВИТИИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ И НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Преемственность в культуре мы рассматриваем как одну из основных закономерностей ее развития, которая проявляется в пространственно-временных взаимодействиях культурных единиц. Анализ конкретных форм развития духовной культуры приводит к выводу, что доминировавшая долгое время версия о принадлежности философской категории «преемственность» закону отрицания отрицания верна наполовину. Культурные единицы изменяются не только во времени, но и в процессе взаимодействий с другими культурными единицами. Один из первых исследователей данной проблематики, Э. А.

Баллер рассматривал преемственность как «связь между различными этапами или ступенями развития как бытия, так и познания, сущность которой состоит в сохранении тех или иных элементов целого или отдельных сторон его организации при изменении целого как системы, то есть при переходе его из одного состояния в другое» [2, с. 15]. Очевидно, что «изменение целого как системы» может происходить в результате саморазвития этого целого, и тогда это будет переход от «старого» к «новому», но изменение может стать результатом взаимодействия с каким-то другим целым. По мере того, как классическая парадигма изучения культуры утрачивала свою бесспорность, все больше внимания привлекала идея множественности и разнокачественности культурных явлений, и, в целом, культур. Многообразие и непохожесть культурных единиц создают предпосылки для их взаимодействия.

Сравнительный анализ многочисленных исследований по истории культуры, искусствоведению, литературоведению, культурологии и социологии позволил сделать вывод о том, что, несмотря на различные способы определений видов и типов культурных взаимодействий, все они могут быть отнесены либо к «вертикальной», либо к «горизонтальной» преемственности. Если взаимодействуют культурные единицы, существование которых не совпадает во времени, или речь идет о саморазвитии культурной единицы, мы имеем дело с вертикальной преемственностью. В этом случае главной формой взаимодействия будет использование предшествующих культурных форм последующими. Если же взаимодействие осуществляется между культурными единицами, существующими одновременно, обнаруживает себя горизонтальная преемственность. Бесконечное множество эмпирических вариантов таких взаимодействий можно сгруппировать в несколько основных форм: 1) полное поглощение одной культурной единицы другой; 2) частичное усвоение одной культурной единицей свойств другой культурной единицы; 3) «паритетное» взаимодействие, когда изменяются обе взаимодействующие единицы; 4) «нулевое» взаимодействие, когда после контакта ни одна из культурных единиц не воспринимает свойств другой. Следует обратить внимание на то, что речь идет не только о традиционном понимании культурного взаимодействия – между культурами, разделяемыми по этническим признакам. Культурные единицы могут принадлежать к разным уровням и разным элементам духовной культуры.

Рассматривая научное знание как часть духовной культуры, можно предположить, что в его развитии должны обнаруживаться те же формы преемственности. Однако, например, В. С. Библер считает, что существуют принципиальные различия между формами преемственности в науке и в искусстве [3, с. 281–282]. У Э. А. Баллера мы находим утверждение о том, что в науке преемственность осуществляется в плане содержания, а в искусстве – в плане художественной формы [2, с. 142–144, 156]. Для того, чтобы ответить на вопрос, чего больше, различий или аналогий, обратимся к методологии науки.

В данном контексте важно напомнить о принципе соответствия и принципе дополнителности, сформулированных Нильсом Бором [5]. Эти принципы были предложены им в разное время, хотя оба относились к обоснованию квантово-механической теории. Н. Бор подчеркивал эвристические функции принципа соответствия, как принципа, «выражающего стремление до предела использовать понятия классической теории», распространив их за рамки того фактического материала, на котором они сложились и развились. Другими словами, принцип соответствия следует рассматривать как принцип развития нового знания на базе установления пределов старых представлений. Принцип дополнителности получил известность после выступления знаменитого физика на международном конгрессе по антропологии и этнологии в 1938 г., главное содержание его заключается в тезисе о том, что разные человеческие культуры дополнительны друг другу. Данные принципы являются общеметодологическими, интертеоретическими, не зависят один от другого. Мы видим в этих принципах не что иное, как отражение преемственности в развитии науки, в частности, принцип соответствия отражает вертикальную преемственность, так как «устанавливает связь между теориями, образующими перманентную цепь и логически следующими одна за другой», а принцип дополнителности – горизонтальную преемственность, поскольку он «предполагает необходимость привлечения для описания одного и того же объекта двух теорий» [9, с. 251].

Большое влияние на формирование представлений о развитии науки оказали неопозитивистский и постпозитивистский подходы к проблеме. Программа неопозитивистского анализа науки не была ориентирована на изучение динамики и способов осуществления научного познания. Это стало одним из исходных моментов критики неопозитивистской концепции, поскольку развитие самой науки и распространение идей историзма требовали осмысления динамических, эволюционных процессов в науке, а не только ее логической организации. Начало критики неопозитивистской программы было положено К. Поппером, который, как подчеркивает его ученик и последователь И. Лакатос, разделяет антикумулятивистскую точку зрения на характер эволюции научного знания. Он отвергает мысль о том, что наука развивается просто как накопление знания. Согласно К. Попперу, эволюция научного знания связана с решительной критикой выдвигаемых и существующих теорий, что и приводит к смене данных теорий и позволяет выявить новый круг научных проблем.

Книга Т. Куна «Структура научных революций» положила начало развитию идей культурологической направленности в методологии науки. В рамках данного подхода наука рассматривается как явление культуры, именно в этом аспекте решаются проблемы дискретности и непрерывности в ее развитии. Согласно концепции Т. Куна, система знания, существующая в определенный

период времени, представляет собой целостное образование, которое характеризуется собственной «формой научной жизни», то есть собственными познавательными и нормативными установками, определяемыми парадигмой. Это период «нормальной» науки. Парадигма задает способ научного видения, способ постановки научных проблем и их решений. История науки с этой точки зрения представляет собой историю функционирования и смены парадигм, причем смена парадигм означает смену «форм научной жизни», сдвиг научного видения, происходящие в ходе научной революции. В результате должно происходить преобразование всей системы знания в целом, все полученное ранее в рамках прежней парадигмы эмпирическое знание либо полностью теряет смысл, либо переосмысливается с новых позиций. Сам Т. Кун, объясняя характер такого изменения, часто говорит об аналогичности смены парадигм и «гештальт-переключения» [7].

После 70-х гг. интерес к такой трактовке ослабел, и термин «научная революция» стал встречаться все реже. Л. А. Маркова [8] объясняет это тем, что трансформировалось само понятие научной революции, что выразилось в утрате этим понятием своего характерного значения разрушения старого и замены его новым. Теории прошлого рассматривают уже не как ошибки, заблуждения, а как обладающие своей непреходящей значимостью, особенностью и как присутствующие в нашей современности именно в таком своем качестве. Разрушительная функция научной революции ставится под вопрос; существенной для понимания исторического процесса является созидательная функция, возникновение нового знания, но без разрушения старого. «На передний план выдвигается представление о сосуществовании прошлого с настоящим. При этом сосуществование предполагает не идею снятия, когда прошлое утрачивает все свое своеобразие и просто поглощается настоящим, а равноправное сосуществование» [8, с. 45].

Изменение содержания понятия «научная революция» отмечает и А. В. Ахутин [1], объясняя это двойственностью самого процесса познания. Действительно, всякое серьезное открытие, усовершенствование техники, принципиальное изменение теоретической модели, выдвижение оригинальной и продуктивной идеи – все это можно назвать революционным. Но для научного познания, весь смысл которого в открытии нового, в постоянной ревизии основ, все эти действия представляют норму существования. Отвергая точку зрения о случайном характере появления гелиоцентрической теории Н. Коперника, автор утверждает: «...потому-то гипотеза Коперника и превратилась в теорию, ...что, помимо успешных расчетов и наблюдений, она поддерживалась глубинным движением интеллектуальной культуры эпохи» [1, с. 99]. Фактически автор обосновывает то, что понятие «научная революция» относительно. Всякая революция вызревает в период эволюции, применительно же к науке это означает, что всякое открытие, всякая инновация вырастает из

уже имеющегося знания, либо утверждая его на более высоком уровне, либо отвергая, что вполне согласуется с механизмом вертикальной преемственности на основе одностороннего взаимодействия.

Эти же механизмы вертикальной преемственности определяют диалектику репродуктивной и продуктивной научно-познавательной деятельности. Т. А. Блажевич рассматривает экстенсивный и интенсивный тип единства репродуктивной и продуктивной деятельности: «Экстенсивная научно-познавательная деятельность – деятельность, при которой доминирует воспроизводство старого научного знания, производство же нового научного знания осуществляется в рамках данного качественного состояния научного знания. Интенсивная научно-познавательная деятельность – деятельность по углублению знания, когда воспроизводство старого знания (знания в рамках данного качественного состояния) подчинено производству качественно нового научного знания» [4, с. 13].

Можно привести и другие примеры описания развития отдельных теорий, соотношения старого и нового знания, способов овладения знанием, подтверждающие в разной форме идею универсальности категории преемственности для отражения закономерностей развития науки. Ограничимся еще несколькими, чтобы показать аналогии горизонтальной преемственности. Они проявляют себя в научном знании как интеграция наук. Термины для обозначения форм взаимодействия могут быть разными. Например, О. М. Сичивица [10] рассматривает следующие интегративные образования: а) общие теории – форма интеграции знания по предмету исследования; б) комплексные науки – интеграция по объекту исследования; в) системы наук – соединение общих теорий и комплексных наук; г) научные конгломераты. Все эти формы базируются на комплексном подходе к исследованиям, сущность которого – междисциплинарный характер анализа единого многогранного явления, когда одна наука использует методы и средства, заимствованные из других дисциплин. Л. С. Сычева дифференцирует формы взаимодействия наук следующим образом: а) методы одних наук используются для изучения объектов других наук, но это не приводит к образованию новых дисциплин; б) взаимодействие наук ведет к образованию специфических «стыковых», или пограничных, наук, типа биофизики, геохимии и т. д.; в) одна наук выступает для другой в качестве методологической исследовательской программы и служит основанием для аналогий, задающих общий категориальный подход к явлениям [11]. В исследованиях по данной проблематике можно встретить и такие названия форм взаимодействия наук, как «цементация», «переплетение», «стержнезация», «комплексообразование» и другие [6].

Таким образом, при всем своеобразии, научное знание развивается на основе преемственных связей, как и вся духовная культура в целом. По-разному описываемые, они проявляют себя как взаимодействие нового и старого зна-

ния, научной традиции и открытия, научной традиции и научной революции, как интеграция и кооперация наук и отдельных дисциплин.

Все эти взаимодействия есть не что иное, как осуществленная преемственность в ее вертикальном и горизонтальном измерениях.

Литература

1. Ахутин А. В. Как возможна научная революция? // Традиции и революции в истории науки. М., 1991
2. Баллер Э. А. Преемственность в развитии культуры. М., 1969
3. Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры. М., 1991
4. Блажевич Т. А. Репродуктивный и продуктивный аспекты становления научного знания. Свердловск, 1979
5. Бор Н. Избранные научные труды. Т. 2. М., 1971
6. Взаимодействие наук: теоретические и практические аспекты. М., 1984
7. Кун И. Структура научных революций. М., 1975
8. Маркова Л. А. Разрушает ли научная революция старое знание? // Традиции и революции в истории науки. М., 1991
9. Раджабов У.А. О взаимосвязи принципов дополнительности и соответствия // Принцип дополнительности и материалистическая диалектика. М., 1976
10. Сичивица О. М. Сложные формы интеграции науки. М., 1983
11. Сычева Л. С. Пути формирования «стыковых» наук. // Взаимодействие наук: теоретические и практические аспекты. М., 1984

А. Г. Мясников

ПГПУ им. В. Г. Беллинского

ЛОЖЬ КАК ПРЕДМЕТ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ²

На стыке веков, а тем более тысячелетий люди почему-то начинают вдумчивее относиться к простым и давно известным заповедям, например, «не убий», «не лги», «не укради» и др. Наверное, само время подталкивает к тому, чтобы вновь продумать глубокий жизненный смысл этих норм.

Мы уже говорили о полемике немецкого философа Канта и французского политика Константа, которая происходила в самом конце XVIII столетия. В конце XX века она вновь вызвала к себе интерес, вполне обусловленный стремительным ростом информационных технологий и различных способов коммуникации. Нынешняя эпоха ставит перед людьми множество моральных и психологических проблем, решение которых остаётся за конкретным человеком, оторванным от прежних устоев и традиций. Такие личные решения

² Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта РГНФ («Библийская заповедь «не лги» и современная философия»), проект № 07-03-93602 а/К.

нередко оказываются тягостными и мучительными, а подчас и просто вызывающими.

Современные философы пытаются осмыслить эти внутренние коллизии и приходят к разным результатам. Например, немецкий философ Конрад Лиссманн констатирует следующее: «мы все лжём, без исключения; лгать для нас – это не только удовольствие и потребность, мы лжём не только из собственной выгоды и необходимости, но и из радости от заблуждения, неистинного высказывания»³. С ним полностью согласен российский философ Борис Шалютин: «Всепроникающее присутствие лжи в человеческом мире очевидно. Лгут все. Спросите встречного, доводилось ли ему сказать неправду, и если он ответит «нет» – можете быть уверены, что перед вами отъявленный лжец»⁴.

Люди *хотят* обманывать и обманываться – этот довод настолько силён и внушитель, что давно удерживает у себя в плену нравственно-религиозные требования «не лги» и «будь правдив» как опасные для всеобщего человеческого применения. Ведь люди хотят обманывать и не любят разоблачений, пусть лучше они делают это спокойно, без лишних эмоций и мучений совести. Всё должно быть в удовольствие!

Если ложь нравится людям, она удобна для них, то зачем все эти разговоры о моральных нормах и заповедях, не лучше ли вообще отказаться от невыполнимого требования «не лги». Тем более что некоторые мыслители настаивают на врождённости наших характеров. Ещё в начале XIX века Артур Шопенгауэр «утешал» своих современников мыслью о том, что «кто каким родился – таким и останется». Поэтому все рассуждения моралистов об исправлении человеческого рода просто бессмысленны.

Если все мы строго детерминированы своими характерами, то зачем судить о добрых и злых поступках, не достаточно ли говорить об их правомерности или неправомерности, наказуемости или ненаказуемости? Не достаточно ли вообще только *юридического мышления* для регулирования общественных отношений?

Однако с такой постановкой вопроса не мог согласиться даже Бенжамен Констан – открытый оппонент Иммануила Канта и один из активных сторонников права на ложь. Он понимал, что совершенный отказ от принципа правдивости ведёт к разрушению общества, так как «будут ослаблены все основы морали»⁵. Следовательно, необходимо искать основание для исключений из всеобщего и безусловного долга правдивости. Одним из них является известный принцип *цель оправдывает средства*.

³ Liessmann K. Der Wille zum Schein. Über Wahrheit und Lüge, 2004. S.1.// <http://homepage.univie.ac.at/konrad.liessmann/schein.pdf>

⁴ Шалютин Б.С. Человек лгуший // Человек, № 5, М., 1996.

⁵ Constant B. Über politische Reaction // Kant und das Recht der Lüge. Würzburg, 1986. S. 24.

Насколько применимо это основание для оправдания права на благонамеренную и человеколюбивую ложь? И был ли прав Кант, категорически запрещающая всякую ложь? Попробуем найти ответы у современных философов.

Если цель оправдывает средства...

В современной отечественной философии об этом основании рассуждает известный философ–этик Абдусалам Гусейнов. В статье, посвящённой этике Льва Троцкого, он пишет, что если благие цели могут оправдать самые жестокие и бесчеловечные средства их достижения, то значит, эти средства не имеют автономии, они должны быть полностью подчинены намеченным «благим» целям. Возникает явное противоречие между сомнительными средствами и благими целями. «Диалектически-резиновые формулы», пишет он, «позволяют оправдать любые преступления, сохраняя при этом маску приличия»⁶. *Только содержательное и субъектное единство целей и средств позволяет избежать страшных злоупотреблений и последствий.*

По мнению Гусейнова, из этого следует: «Именно средства выявляют истинный смысл целей»⁷. Это будет прямым подтверждением правоты кантовской позиции, ибо ложь в качестве средства достижения благородной цели (например, спасения жизни человека) остаётся всё же позорным и опасным поступком, вовлекающим участников ситуации в цепь непредсказуемых последствий, которые, будучи порождёнными ею, несут на себе следы «позорности» и «опасности». Эти следы отчётливо видел Ф. Достоевский в образе Раскольникова, решившего осчастливить весь мир с помощью убийства ничёмной старушки-процентщицы, однако убившего вместе с ней и невинную девушку.

Это хитроумное прагматическое основание (цель оправдывает средства), действительно, нуждается в философском разоблачении, без которого невозможно понять и кантовского отношения ко лжи. Так, если мы имеем доброе намерение – цель *спасти своего друга от злоумышленника*, и используем для этого неправдивые высказывания, т.е. ложь в качестве необходимого средства, возникает вопрос: **может ли доброе намерение (мотив поступка) нейтрализовать негативные качества лжи (как средства)?**

Ответ на этот вопрос предполагает понимание того, что намерение и высказанная ложь относятся, говоря точным юридическим языком, к разным сторонам дела. Субъективное намерение претендует на то, чтобы «*исправить*» (чудесным образом преобразить) объективно негативное действие, в данном случае неправдивое высказывание. Субъективное намерение имеет иное мо-

⁶ Гусейнов А. А. *Этика Троцкого // Язык и совесть. Избранная социально-философская публицистика.* – М., 1996. с. 62.

⁷ Там же. с. 63.

ральное качество, чем допускаемое ради него действие, следовательно, эмпирический результат, скорее всего, будет не совпадать с намерением.

Кроме того, ложь не может быть признана надёжным и эффективным средством достижения такой цели как спасение жизни человека, так как она будет опосредована многими обстоятельствами, а главное – произвольным решением злоумышленника. Нужно учитывать, что в указанной ситуации L ни лживый, ни правдивый ответ на вопрос злоумышленника не создают *необходимого и неизменного условия* для предотвращения возможного преступления. Эти ответы вряд ли смогут изменить максимум воли злоумышленника, а тем более не могут оказать физического сопротивления.

Для нас важно установить принципиальную *несоразмерность* благого намерения и недобросовестного средства, которая ставит под сомнение так называемую «ложь во спасение».

А. Гусейнов категорически возражает против всякого рода обмана в статье «Красно поле рожью, а речь ложью». Он пишет: «Ложь во спасение невозможна. Никогда. Ни при каких обстоятельствах. Это хитроумная уловка Сатаны»⁸. Он обращает внимание на строгое соблюдение морального требования «не лги», которое играет фундаментальную роль в жизни любого сообщества. По поводу кантовского требования «всегда быть правдивым» он проявляет умеренную сдержанность. С нравственным идеалом правдивости нужно быть осторожными, ведь, как говорили в XIX веке, тираны больше всего ценят в своих подданных искренность. Политическая реальность требует умолчания.

Прекрасно понимая эти непростые обстоятельства, он настаивает на недопустимости лжи в качестве «намеренного искажения истины», но при этом вынужден допустить легальные (разрешённые) формы обмана, ибо «они не губительны для общественной жизни, поскольку речь идет о четко обозначенных общественно-контролируемых отступлениях от нравственного принципа»⁹. Конечно, эти «отступления» касаются, прежде всего, деятельности государства и системы политической власти, для которых право на ложь оказывается допустимым и даже необходимым условием функционирования.

В другой статье академик Гусейнов вновь возвращается к кантовской проблеме, рассматривая ее в контексте фундаментальной этической проблемы соотношения закона и поступка¹⁰. Вслед за Ханной Аренд он отличает «действие» от «поступка». *Действие* (в том числе и человека) подчинено всеобщим и безличным законам (*т.е. законам природы*) и ведёт к определённым *результатам*, которые, по всей видимости, не налагают моральной ответственности на их исполнителя. *Поступок* совершается «в условиях принципиальной неоп-

⁸ Гусейнов А. А. Красно поле рожью, а речь ложью // Язык и совесть. Избранная социально-философская публицистика. – М., 1996. с. 102.

⁹ Там же. с. 104.

¹⁰ См.: Гусейнов А. А. Закон и поступок (Аристотель, И. Кант, М. М. Бахтин) // Этическая мысль. – Вып. 2. – М.: ИФ РАН, 2001. с. 3-25.

ределенности результата» и сам этот результат «не существует вне отношения к нему того, кто делает выбор»¹¹. Поступок зависит от самого исполнителя и сложившейся ситуации. Как отмечает, Гусейнов «поступки – неопределенная область, где все может легко поменяться коренным образом, опрокидывающим смысл, заложенный в них тем, кто их совершил...»¹². Очевидно, что речь идёт о возможных негативных последствиях человеколюбивой лжи в кантовской ситуации L. Человек хотел помочь своему другу, решился обмануть злоумышленника, а оказался чуть ли не соучастником преступления. Он должен признать за собой вину, но только морального характера, ибо он *не знал*, что наступят именно такие ужасные последствия для его друга.

Интересно, что когда Гусейнов описывает ситуацию L, требующую сделать жесткий альтернативный выбор – *солгать* или *сказать правду*, то он относит второе решение не к сфере «поступков», а к области «действий», подчинённых всеобщим и безличным законам (в данном случае – категорическому императиву). Из этого следует, что, говоря правду злоумышленнику, мы *знаем* «чем это закончится для того, о ком спрашивают», т.е. *знаем* все последствия этой ситуации по аналогии с механизмом природы. Значит, за это *действие со «знанием»* мы должны отвечать не только морально, но и юридически, ведь мы *знали* о практических результатах своей правдивости и стали соучастниками убийства в виде предательства друга.

Мы не можем согласиться с тем, что моральный закон у Канта принуждает нашу волю подобно закону природы, и тем самым делает нас безответственными за последствия моральных действий. Кант убеждён, что человек сам принимает ту или иную максиму поступка, и, конечно, осознает свою ответственность именно за выбор максимы и за правомерность деяния. Мы можем считать себя ответственными за все возможные эмпирические последствия моральной и правомерной максимы, но это будет лишь нашим частным делом, нашей внутренней виной, которая не может получить ни публичного морального осуждения, ни юридической квалификации.

Также мы не согласны с трактовкой Гусейновым этической стратегии Канта, которая якобы ориентирует человека только на взаимные обязанности людей друг к другу или на всеобщий закон поведения, теряя при этом долг «перед конкретным лицом в конкретной ситуации, реализующийся в единичности поступков». Речь идёт о конкретно-индивидуальных отношениях, а точнее моральных обязанностях, которые могут зависеть только от нашего личного отношения к другому лицу и нашего личного понимания сложившейся моральной ситуации.

Представим себе, что мы оказались в кругу недоброжелателей, которые хотят получить от нас достоверную информацию, чтобы использовать её про-

¹¹ Там же. с. 9.

¹² Там же.

тив наших близких родственников. Должны ли мы быть откровенными с этими людьми? Конечно, нет. Но должны ли мы их обманывать? Если и не *должны*, то вполне *можем* допустить обман в качестве средства защиты. Такое моральное решение будет произвольным, и конечно, оно будет нами оправданно, так как мы поступили благоразумно. Но насколько может распространяться наше благоразумие? Зачем человеку брать на себя чрезмерную ответственность за других людей, т.е. братья за то, что он не в силах сделать или предотвратить? Ведь любая ответственность (не говоря уже о чрезмерной) – это тяжелое бремя, от которого можно устать и потерять всякий интерес к другим людям, даже, к своим близким.

Таким образом, Кант намерен снять с человека чрезмерную ответственность за других людей (конечно, если это не дети). Самостоятельные и совершеннолетние лица должны отвечать сами за себя и перед собой. Чрезмерная ответственность означает расширение круга обязанностей, а следовательно и прав по отношению к другим людям, что в свою очередь может ограничивать их пространство свободы. Кант считает опеку за взрослыми людьми просто унижительным, а потому требует, чтобы забота о других людях не превращалась в добродушное насилие по легкомыслию.

Гусейнов находит в этой стратегии кенигсбергского философа некую моральную опасность, а именно, что следование всеобщему долгу может снимать с индивида «моральную ответственность за практические результаты поступка, за сам поступок в его конкретном выражении, идя в этом направлении настолько далеко, что ему, как мы видели, разрешалось сохранять чистую совесть (сознание своего достоинства) даже при соучастии в убийстве...»¹³. Получается так, что Кант оправдывает соучастника убийства. Это уже юридическая квалификация поступка и её следует проверить.

Долг правдивости и свобода

В статье современного немецкого философа Георга Рёмппа «Язык свободы. Кантовское морально-философское понимание языка» поднимается проблема соотношения правдивости и свободы¹⁴. Он направляет читателей к определению лжи как «преступления человека против своего собственного лица». *Почему именно «преступление»?* По мнению этого современного немецкого философа, для разъяснения вопроса следует учитывать телеологическую аргументацию Канта, в соответствии с которой говорить неправдиво означает преследовать цель, противоположную «естественной целесообразности его способности сообщать свои мысли»¹⁵.

¹³ Там же. с. 11.

¹⁴ Römp G. Die Sprache der Freiheit. Kants moralphilosophische Sprachauffassung // Kant-Studien 95. Heft 2. Jahrg. 2004, S. 182-203.

¹⁵ Кант И. Метафизика нравов // Сочинения. В 8-ми т. Т. 6. М., 1994. с. 472.

Сама форма неправдивых высказываний отрицает личность говорящего и является «**инструментализацией человека**», с помощью которой физический субстрат применения языка будет использоваться только как средство. Поэтому Кант называет человека, принимающего максимум неправдивости, «говорящей машиной» («Sprachmaschine»)¹⁶.

Естественная целесообразность в применении языка, по мнению Рёмппа, должна рассматриваться именно в контексте кантовского учения о добродетели как учения о свободе. Цели, которые должны быть определены в учении о добродетели, могут быть *естественными* для человека только внутри практической философии, а не в философии природы. «*Естественной*» будет такая цель применения языка, которая делает человека свободным. Если человек использует свой язык только для реализации природных склонностей, то он будет той самой «говорящей машиной», полностью подчинённой природным закономерностям. Следовательно, такому применению языка чуждо безусловное требование правдивости, а значит, и назначение человека сводится к одному лишь физическому существованию.

Рёмпп ставит перед собой задачу, показать роль правдивости в комплексном понимании языка. Заповедь правдивости принадлежит к артикуляциям принципа обязательности. Подобные артикуляции предполагают внутреннюю дифференциацию субъекта как морального и как физического существа для того, чтобы выйти из состояния автономии (самодостаточной воли) и приобрести статус моральной автократии. Моральная автократия позволяет осуществить самодифференциацию (мысленное разделение) морального субъекта на интеллигибельное и феноменальное Я. При этом интеллигибельное Я становится господствующим над другими, а феноменальное – господствующим над самим собой. Отсюда момент господства приобретает особые черты: обязывающий и обязываемый находятся в одном субъекте, но при этом внутренне дифференцированы. Их согласие возможно только с помощью артикуляции заповеди правдивости, исполнение которой обнаруживает внутреннее единство интеллигибельного и феноменального Я, и является *не стратегическим применением языка*, не противоречащим его естественной целесообразности. В то же время Рёмпп подчёркивает противоречивость лжи, которая состоит в том, что «слова означают знаки того, что говорящий что-то хочет, в то время как в своих мыслях он этого не хочет»¹⁷. Таким образом, противоречие имеет место быть между способностью *мыслить* и способностью *выражать свои мысли*.

Не стратегическое использование языка предполагает принципиальное моральное обязательство, реализующееся в идентичности языка и самого говорящего субъекта, ибо высказывания не являются рефлекторной деятельностью говорящего, а выражают свободную дифференциацию (дистанциро-

¹⁶ Там же. с. 473.

¹⁷ Ibid. S. 190.

вание) по отношению к предметам мира. Если человек отказывается от такой свободной дифференциации через правдивые высказывания, т.е. свободного отношения к вещам и лицам, то он теряет свою личность и язык. По словам Рёмппа, ложь предполагает способность различать между языком и вещами в качестве свободного отношения. Ведь я могу лгать, а могу и не лгать – в этом состоит моя автократия или власть над самим собой. Выбор зависит от меня, и в нём нет ничего предопределённого. Такое свободное отношение к миру является условием возможности правдивых высказываний, и вместе с тем сама правдивость оказывается свидетельством возможности свободного отношения к вещам.

Кант понимает ложь как принцип чисто *стратегического применения языка*, в котором субъект обнаруживает себя несвободным, идентичным не с собой, а со своим объектом, точнее зависящим от объекта своих намерений. Как отмечает Рёмпп, моральность должна быть представлена в форме правдивости, выражающей ту самую свободу внутри применения языка, действительность которой может показаться проблематичной для субъекта чувственного опыта.

Если язык есть «свободное высказывание о вещах», то правдивость будет ничем иным, как *языком свободы*, который не позволяет человеку превратиться в «говорящую машину». Для нас также интересно небольшое примечание современного немецкого философа о том, что кантовский ход мысли ведет к правовому пониманию языка. Если право трансформирует моральность внутреннего Я в различных формах внешних взаимодействий людей, то тогда оно должно представлять собой условие возможности языка в соответствии с его моральным понятием. По его словам, право должно систематически предполагать язык, так что всегда, когда язык оказывается успешным в человеческом смысле в отличие от процесса животной реакции говорящей машины, уже должно возникать правовое отношение между людьми, т. е. по меньшей мере, гражданское состояние во временном смысле. Георг Рёмпп полностью созвучен с Кантом в том, что правовое состояние общества невозможно без подлинного языка свободы или правдивости.

Среди сторонников морально-правового учения Канта есть мнение, что кантовский безусловный запрет лжи является «провокацией» – вызовом современности. Например, об этом говорила Беатриса Химмельманн (Берлин) в своём докладе на кантовском конгрессе 2000 года «Кант о лжи как проблеме практической философии», указывая на *ненадежность* констановского ограничения долга правдивости¹⁸. Ложь служит производству ложной действительности для других и по отношению к самому себе. Поэтому она является для Канта «зерном всякого зла».

¹⁸ См.: Himmelmann B. Kant über der Lüge als Problem der praktischen Philosophie, 2000 Режим доступа // www2.hu-berlin.de/phil/kantkongress/7/

Почему же речь идёт о «провокации» со стороны великого философа? Обычно это связывают с радикальным требованием юридического наказания даже за благонамеренную ложь. Неужели такое наказание будет когда-нибудь установлено?

Этому вопросу, дающему повод говорить о «провокации», можно противопоставить другой вопрос: *каким образом мы должны быть защищены от негативных последствий лжи в нашей повседневной жизни?* Такая постановка вопроса точнее показывает нацеленность Канта на то, чтобы раскрыть предпосылки, препятствующие реализации внешней и внутренней свободы каждого разумного существа и сообщества в целом. Тем более, что без совершенствования правового регулирования общественных отношений не будет очевиден и моральный прогресс. Эту мысль Кант высказывает в своем позднем сочинении «Спор факультетов»: «Не во все возрастающем количестве *моральности* в образе мыслей, а в увеличении продуктов ее *легальности* и в соответствующих *долгу* поступках, какими бы мотивами они ни были продиктованы, т.е. в добрых *деяниях* людей, все увеличивающихся и все более удачных, следовательно, в проявлениях нравственного начала в человеческом роде, только и можно полагать главный итог его изменения к лучшему. – Ибо мы основываем свое предсказание на эмпирических данных (на опыте), а именно – на физической причине наших поступков, поскольку они происходят, т.е. сами суть явления, а не на моральной, содержащей понятие долга по отношению к тому, что должно произойти, причем это понятие может быть установлено только чисто а priori»¹⁹.

Для понимания этого кантовского фрагмента нужно иметь в виду, что действие, совершаемое по законам свободы, имеет два момента: во-первых, оно представляет собой *материальное выполнение* долга согласно законам конформативности действия, а во-вторых, является *формальным выполнением* долга из уважения к закону. Первый момент ведёт к легальности действия, второй – к его моральности. **Моральность действия не обнаруживается в явлении.** Моральность остаётся свойством умопостигаемого характера. Значит, одна лишь **легальность действия** может служить для нас надёжным ориентиром реализации свободы. Законосообразность поступков или легальность действий является, по Канту, единственным условием исторического прогресса, ибо только *эмпирический характер* человека может «продвигаться» во времени и совершенствоваться, в отличие от *умопостигаемого характера*, который находится вне времени и пространства, а значит, не может изменяться.

В этом философско-историческом объяснении Кант последовательно применяет метод ньютоновского естествознания, который ориентирован на **познание** эмпирических явлений и их закономерных отношений в сфере возмож-

¹⁹ Кант И. Спор факультетов. – Калининград: Изд-во КГУ, 2002. с. 216.

ного опыта. А так как человеческая история подчиняется законам природы, то предвидеть её развитие можно только на основе материальных результатов человеческой деятельности, т.е. на основе результатов *технического творчества* человека и достижений *прагматического благоразумия*, наиболее отчётливо выраженных в государственном и международном законодательстве и в практике правовых отношений. Плоды легальности человеческих действий могут наблюдать все разумные существа, и могут содействовать их увеличению независимо от индивидуальных представлений о счастье и от уровня морального сознания. Если человек хочет быть свободным, то это его природное назначение должно реализоваться в истории, независимо от божественного содействия. Только при этом условии мы можем требовать от человека самостоятельного и ответственного соблюдения моральных и правовых норм, без которых невозможно никакое сообщество.

Ложь разрушает человека

Обманы, совершённые человеком в его жизни, надолго сохраняются в памяти и при любом воспоминании создают зоны аффективного напряжения. Мозг пытается устранить подобное напряжение, во-первых, с помощью самообмана и вытеснения мучительной информации (забывания), а во-вторых, через *признание*. В первом случае страх перед наказанием или публичным порицанием усиливает внутренний конфликт между внутренним моральным законом и совершённым поступком, что в свою очередь порождает многочисленные дисфункции организма. Во втором случае, когда человек решается быть искренним, то снимает с себя груз обмана и умолчания. Чистосердечное признание восстанавливает естественную целесообразность мышления и речи, снимает конфликт и возвращает личность к нормальному состоянию.

Мы выдвигаем следующую **гипотезу: отказ от общения оберегает, а искренность лечит...**

В мировой практике человечества давно закрепились такие утверждения, как «молчание – золото» и «рассказать правду – снять с души камень». Чаще всего эти утверждения не находили согласия между собой, потому что в реальной жизни у большинства людей практиковалась и оправдывалась скрытность. В качестве компенсации предлагалась церковная исповедь. Тайна исповеди была предназначена защитить исповедующегося от возможных материальных рисков и наказаний, и в то же время помогала снять моральное напряжение.

Если же человек решался публично быть правдивым, подчас рискуя своей жизнью и не только ею, то обычно его называли глупцом, хотя в редких случаях он становился героем. Мужественность правдивого человека всегда восхищала слабых и малодушных, нередко вызывая приступы зависти, и вместе

с тем пугала представителей власти. Поэтому властелины народов предпочитали ложь и скрытность, чтобы рассчитывать на слабых и малодушных подданных.

Не случайно, что в народном и языке закрепилось возвышенное отношение к правде и правдивым людям. Быть причастным к правде–истине, значит не просто что-то знать, но и уметь пользоваться этим знанием по своему усмотрению и убеждению.

Человек несёт своё знание жизни, людей, мира утверждая и объясняя собственную жизнь, а потому искренность необходима для простоты и цельности человеческой жизни – здорового долголетия и счастья.

М. И. Ефремкин

ПГПУ им. В. Г. Белинского

ДУХОВНОСТЬ КАК ВЫСШЕЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА

Единого понимания духовности в отечественной философии пока не сложилось. Можно выделить несколько точек зрения на эту проблему, крайне важную для современного российского общества, явно испытывающего дефицит духовности. Достаточно широко распространенным является понимание духовности как чего-то безусловно положительного, как первенства духовных интересов над материальными. Согласно другой точке зрения, духовность выражает способность индивида возвыситься над животным миром, над животной жизнью, над плотскими влечениями.

В. А. Лекторский связывает духовность с выходом за пределы эгоистических интересов, личной пользы, своекорыстия, мелочных расчетов; она предполагает, что цели и смысложизненные ориентиры личности прочно вошли в систему надындивидуальных ценностей [6, с. 31].

По мнению Л. П. Бугевой, в содержание духовности входят, прежде всего, ценности, на основе которых решаются наиболее важные, смысложизненные проблемы человека. При их решении осуществляется духовное становление личности, освоение духовной культуры. И главное здесь, не получение разнообразных знаний, а установление их смысла и цели. Духовность формирует определенную иерархию ценностей, целей и смыслов, она концентрирует в себе проблемы, относящиеся к высшему уровню духовного освоения мира человеком. Духовное выражает восхождение человека по пути обретения истины, добра, красоты, справедливости и других высших ценностей, составляющих основу человеческого в человеке [2, с. 4].

Довольно часто содержание духовности сводят к религиозным ценностям, а иногда прямо заявляют, что без усвоения основ библейских знаний «возродить нашу страну из руин беззакония, безнравственности и бездуховности»

невозможно, поэтому необходимо введение в школе изучения закона божьего [См.: 3, с. 143]. Такое категорическое требование основано на неправомерном представлении об абсолютном и всеобщем значении религиозных ценностей для реальной духовной жизни современного человека. Абсолютизация религиозного аспекта духовности, во-первых, не отвечает сложившимся потребностям и ценностям значительной части населения нашей страны, во-вторых, она заметно ограничивает возможности духовного становления и развития личности. К тому же, по словам Н. А. Бердяева, русское православие никогда не ставило перед личностью слишком высоких нравственных задач. От человека требовалось, прежде всего, смирение, в награду за которое ему все давалось и все разрешалось. Девиз православия: лучше смиренно грешить, чем гордо совершенствоваться. Слишком героический путь личности православие признает гордыней и видит в этом путь к демонизму, уклон к человекобожеству [1, с. 335–336].

Почему же вдруг в наш просвещенный и безбожный век православие изменит свои ориентиры и сумеет сделать то, чего ей не удалось сделать за всю многовековую историю? Ведь религиозное воспитание, призывающее исключительно к смирению и никогда к чести и достоинству, не в состоянии обеспечить формирование гармоничной свободной личности, объективно оценивающей свое место и роль в преобразовании общественных отношений, отличающейся самостоятельной гражданской позицией и чувством высокого гражданского долга, ибо религия требует от человека творить не свою волю, а волю всевышнего.

Духовность выражает социальную природу человека, меру его социальнойности. Она есть особая специфическая форма отражения объективного мира, средство ориентации во внешней среде и взаимодействия с ней. Только в рамках духовности и через духовность человек обнаруживает себя как социальное существо в противовес своему природному бытию. Духовность как таковая есть общественно-определенная форма человеческой жизнедеятельности и представляет собой идеальную реальность, включающую в себя смысло-жизненные ценности, идеалы, установки, детерминирующие содержание, качество и направленность социального и индивидуального бытия людей. Духовность есть бытие, определившее себя и действующее на внешний мир через человеческую деятельность, объективируясь в ее результатах, но при этом, не переходя во внешность, не сливаясь с ней, сохраняя свою самобытность. Человеческая духовность не должна превращаться в «непосредственную производительную силу», ибо материальное бытие духовного не есть само духовное, а только форма его выражения в деятельности человека, поэтому духовность должна сохранять внутреннюю предопределенность на долгосрочную интеллектуальную и нравственную перспективу, обеспечивая индивидам их человеческую сущность.

Духовная реальность обладает принципиальной автономностью, развивается по собственным законам, но полностью оторваться от материального основания не может, поскольку обеспечивает ориентацию и поведение человека и общества в окружающем мире. Без духовного осмысления действительности человек не может осуществлять взаимодействие с природой, не может оперировать вещами, вовлеченными в процесс общественного производства. На пути духовного освоения мира раскрываются творческие способности человека, его умение соотносить свои действия с определенной системой ценностей, с нравственными и эстетическими критериями, осмысливается и переживается субъектом собственное бытие и свое взаимоотношение с природной и социальной средой.

Если человек пассивно, равнодушно воспринимает внешние условия, то в содержании духовности нарастают энтропийные процессы, хаос, разрушающие целостность и монолитность духовной составляющей человеческой личности. Если же человек теряет фундаментальные ценности и идеалы в силу объективных причин, то качество его духовной жизни резко снижается. Он теряет ориентиры в жизни, на которые прежде опирался, в его душе возникает, так называемый, «экзистенциальный вакуум», порождающий апатию, равнодушие к жизни, саморазрушительный пессимизм, его активность резко падает. Если же смысловые ценности вновь обретаются субъектом, то его пассивная позиция преобразуется в активную, события начинают выстраиваться в определенные смысловые, структурные, иерархические ряды, его духовная жизнь приобретает твердую определенность, действия становятся более уверенными и целенаправленными.

Духовность воплощает человеческое и в самом человеке, и в условиях его бытия, она выражает переход к подлинно человеческому образу жизни как конкретно-историческому совпадению сущности и существования человека. Духовность выражает тенденции развития человеческой индивидуальности, способность человека «бесконечно совершенствовать свою жизнь и природу, не выходя из пределов человеческой формы» [10, с. 753]. Через духовность человек выражает свою индивидуальность, развивает и совершенствует ее в процессе взаимодействия с природной и социальной средой. Духовность – это не только внутренняя определенность личности, она вместе с тем обеспечивает перенесение смысловых установок из внутреннего мира личности в окружающую ее действительность. Чем глубже и основательнее воспроизведена в сознании индивида сущность природных и социальных связей, тем богаче духовная жизнь человека, тем шире и разнообразнее спектр возможностей при выборе линии поведения, поэтому развитие человека неотделимо от процесса формирования и сохранения его духовного содержания.

Самосохранение духовности есть, прежде всего, сохранение ее способности обладать субъектом и давать ему нравственно значимые цели и средства

их реализации, контролировать и направлять его действия, удерживать его от безмерной чувственности. А неспособность сдерживать животные инстинкты означает бессилие духа и ведет к формированию негативной духовности, не стремящейся удержать человека от постыдного поведения. Однако, одержав победу над плотью, духовность может использовать свою власть над человеком и для достижения безнравственных целей. Человек может подавлять свою низшую природу только для того, чтобы гордиться своей высшей силой, считать себя сверхчеловеком и потому такая победа духа не сможет нести людям благо. Если же подавление плоти не служит средством формирования духовности, а превращается в цель саму по себе, становится самоцелью, то возникает так называемый ложный аскетизм, в котором всякое телесное мучение рассматривается как добродетель. Этот ложный аскетизм, не имея первоначально злого умысла, в дальнейшем может легко становиться злом, превращаясь в самоубийство или особый вид сладострастия [См.: 11. с. 99–100].

Преобладание духовности, духа является необходимым условием нравственного достоинства человека. Действия людей, лишённые духовного смысла, выражают животную природу человека, а удовлетворение чувственных потребностей на основе духовных ценностей возвышает его над животным миром и характеризует его как цивилизованное существо. Животная душа постоянно стремится к самостоятельности, пытается привлечь на свою сторону духовную силу и усилиться за ее счет. Это возможно потому, что хотя по идеальной сущности духовное бытие неоднородно с материальным, но по своему фактическому существованию в действительном человеке оно является только лишь трансформацией материального бытия, то есть животной природы человека. Животная душа сильна только слабостью духа, а потому дух для своего сохранения и усиления требует ослабления влияния плоти, переводя ее из действующего состояния в потенциальное, превращая ее из действительности в возможность [См.: 11, с. 91–92].

Вл. С. Соловьев выделяет ложную и истинную духовность. Ложная духовность отрицает плоть, чувственные наслаждения и удовольствия. Она нацелена на саму себя и не может выразить действительную сущность человека, объяснить суть его многообразных устремлений и желаний. Истинная духовность нацелена на перерождение и преобразование животной природы человека, она насыщает чувственные потребности человека духовным содержанием и возвышает его над миром чувственных наслаждений, ставя их под контроль разума. Духовно богатый человек контролирует свои страсти, свои чувственные потребности он удовлетворяет цивилизованно [См.: 10, с. 782].

Процесс становления ложной духовности проходит три ступени. Сначала в уме возникает представление об одной из дурных наклонностей нашей природы. Это представление побуждает дух на помысел о ней. Помысел развивается в целую мечтательную картину определенного характера – сладостраст-

ную или злобно-мстительную. Эта картина заставляет дух заниматься ею. И если ум на этой второй стадии вместо того, чтобы отвлекаться от картин греха, останавливается на них, то наступает третий этап, когда уже не только ум, но весь дух отдается греховному помыслу и наслаждается им. Победа греховного возбуждения над духом переходит в страсть и порок. Тут уже человек теряет свою разумную свободу, а нравственные требования теряют свою силу над ним и духовность вместо добра и блага несет зло [См.: 11, с. 98–99]. Духовность не может игнорировать агрессивность животной души, ее цель в этом противостоянии – преобразование плотских устремлений человека, поэтому «ложная духовность есть отрицание плоти, а истинная духовность есть ее перерождение, спасение, воскресение» [10, с. 782].

Нравственное требование подчинения плоти духу предполагает, во-1-х, оградить духовную жизнь от захватов животного начала, а, во-2-х, покорить животное начало, сделать животную жизнь только потенцией духа. В силу неразрывной связи и непрерывного взаимодействия между духовной и плотской сторонами человеческого бытия как единого процесса, эти два требования – самосохранение духа от плоти и осуществление духа в плоти – не могут осуществляться по отдельности, они переходят друг в друга, то есть дух может противостоять захвату плотью лишь отчасти осуществляясь в ней, а осуществление духа возможно только при непрерывных актах самосохранения его от покушений плоти на его самостоятельность. Поэтому в сфере духовности, по мнению В. С. Соловьева, должен действовать принцип: *подчиняй плоть духу, настолько это нужно для его достоинства и независимости, не будь закабаленным слугой бунтующей матери* [См.: 11, с. 92].

Ядро истинной духовности образует нравственность, объединяющая в единое целое Истину, Добро и Красоту. Обеспечить нравственность человека, по твердому убеждению В. С. Соловьева, могут три основных чувства: **стыд**, **жалость** и **благоговение** перед высшим авторитетом.

Чувство **стыда** свидетельствует о высшей, по сравнению с животными, нравственной природе человека. «Я стыжусь своей животности, следовательно, я еще существую как человек», – пишет В.С. Соловьев [11, с. 79]. Стыдясь своих природных влечений, человек тем самым показывает, что он является не только животным существом, но представляет собой нечто более высокое. Стыдясь своей животности, человек демонстрирует свое отличие от животных. Отсутствие стыда, бесстыдство означает, что духовное начало человека, которым он отличается от животного мира, или еще не раскрылось, или уже потеряно, что этот человек еще не возвысился над скотским состоянием или снова к нему вернулся [См.: 11, с. 80]. Стыдливость признается как хорошее естественное качество личности, поэтому разум требует от человека воздерживаться от постыдных действий, выражающих преобладание чувственной природы над духовной. Поведение, регулируемое стыдливостью, порождает

самообладание, свободу духа, его власть над материальным бытием, формирует состояние, дающее человеку высшее удовлетворение, ибо даже самая маленькая победа над собой делает человека сильнее и увереннее.

Чувство *жалости* состоит в том, что человек ощущает чужое страдание и проявляет тем самым свою солидарность с другими. И если человек бесстыдный демонстрирует свое возвращение в скотское состояние, то человек безжалостный падает ниже животного уровня [См.: 11, с. 81]. Истинная сущность жалости состоит в признании за другими права на существование и возможное благополучие. Видя страдающее существо, человек не отождествляет его с собою, а только в воображении становится на его место и признает его однородность с собой. Идея жалости, взятая в своей всеобщности и независимо от субъективных душевных состояний, в которых она проявляется, то есть взятая логически, а не психологически, по мнению В.С. Соловьева, есть правда и справедливость. Правда состоит в признании того, что другие существа подобны мне, и справедливо, чтобы я относился к ним так же, как к себе. На основании этого разум выводит принцип отношения ко всем другим существам: *поступай с другими так, как хочешь, чтобы они поступали с тобой* [См.: 11, с. 109–111]. Способность к жалости дает человеку норму для альтруистической деятельности по правилам справедливости и милосердия, а такая деятельность приводит к нравственному благу и солидарности с другими.

Чувство *благоговения*, или преклонения перед высшим авторитетом, по словам В. С. Соловьева, составляет у человека нравственную основу религии. Вместе с тем это чувство нельзя ограничивать только сферой религиозного сознания, оно по своему содержанию гораздо шире и включает в себя все многообразие человеческой жизнедеятельности. Преклонение человека перед высшим авторитетом порождает такие сложные явления нравственной жизни, как стремление к идеалу, самосовершенствование, нацеленность на достижение более высоких рубежей. Оно связано с признанием главенства над человеком объективных законов, принципов добра, истины, красоты.

Истинная духовность требует соответствия внутренних замыслов и целевых устремлений личности действующим нравственным нормам и принципам. Она не может возникнуть, если в человеке не заложены чувства стыда, жалости и благоговения, непосредственно определяющие отношение человека к природному и социальному миру, к окружающим его людям. Истинная духовность кроме идеальных образов включает в себя реальное требование того, чтобы нравственное содержание не оставалось только теоретическим, а практически осуществлялось в деятельности человека.

Когда дух преодолевает давление плоти, берет ее под свой разумный контроль, тогда действие человека направляется на достижение блага, добра, справедливости, его бытие определяется нормами морали. Когда же в человеке возобладает животная душа, тогда его деятельность наполняется жадной

наслаждения, насилия, власти, попирающей все человеческие законы, и становится безнравственной. Насилие реакционное и насилие революционное оказываются в одинаковом несоответствии с процессами, происходящими во внутреннем мире личности, в ее духовном становлении. Истинную духовность нельзя навязывать силовыми методами, она может складываться только на основе свободного выбора форм духовной жизни, уходящей своими корнями в недра общественного бытия. Принудительное навязывание духовных ценностей, форм духовной жизни порождает только тоталитарное мышление, тоталитарную духовность, стержнем которой становится стремление к власти, к господству над слабыми и униженными и которой чуждыми оказываются чувство сострадания и сочувствия.

Чтобы стать реальностью, духовность должна принять форму идеи, «поскольку идея есть единство понятия и реальности» [4, с. 211]. Идея – это понятие, определившее себя как реальность. Дух, который не был бы идеей, по Гегелю, был бы мертвым духом. В идее духовное поднимается до уровня целей и стремлений субъекта. Созданный субъектом духовный образ становится его внутренней актуальной потребностью и этот образ он должен внести в мир посредством своей деятельности. Идея – это конец духовности и начало объективности. Своеобразие идеи состоит в том, что в ней духовность развивается до самоотрицания и намечается переход в иную сферу – практическую, влияющую на действия и поступки людей. Без сознательного целенаправленного действия духовность человека не реализуется, не становится фактом духовной жизни. Реальность духовного выражена в его диалектическом единстве с социальным бытием, в котором постоянно происходит переход материального в идеальное, а идеального в материальное. Практическая реализация идеи предполагает напряжение всех сил и способностей человека, всего его внутреннего содержания, в том числе и его воли, о которой Гегель говорил так: «В то время как интеллект старается лишь брать мир, каков он есть, воля, напротив, стремится к тому, чтобы теперь только сделать мир тем, чем он *должен быть*» [5, с. 418]. Это воление объективно по своему содержанию, оно выражает духовность сквозь призму потребностей субъекта по целенаправленному преобразованию мира. В волении человека действительность и ее закономерности представлены не в абстрактности и изолированности, а в конкретной полноте. Чисто волевые решения, не опирающиеся на достоверные знания, ведут к субъективизму и волюнтаризму.

Для реализации идеи требуются, чтобы у человека созрела твердая решимость действовать в соответствии с данной идеей. В формировании этой решимости важная роль принадлежит вере в истинность идеи, в реальную возможность воплощения идеи в действительность. «Сознательно и разумно делать добро я могу только тогда, – писал В. С. Соловьев, – когда верю в доб-

ро, в его объективное, самостоятельное значение в мире...» [11, с. 121]. Вера есть знание, оплодотворенное волей, чувствами, стремлениями человека, перешедшее в убеждения. Внутренняя убежденность, уверенность в истинности знания, в правильности избранных средств является необходимым условием успешного взаимодействия человека с внешним миром. Без превращения идеи в личное убеждение человека невозможна практическая реализация духовного содержания человеческой жизни. В вере объективно-истинное содержание духовности переходит в субъективную уверенность, которая побуждает человека претворять идеи в жизнь и обеспечивает реализацию духовности как необходимого элемента социального бытия человека.

По крылатому выражению В. В. Розанова, «русская душа испугана грехом». Н. А. Бердяев убежден, что душа грехом «ушиблена и придавлена» и этот «первородный испуг» мешает русскому человеку мужественно творить, овладевать своей землей и национальной стихией [См.: 1, с. 308–309]. Для русского сознания, по Бердяеву, характерна так же склонность морализировать над историей, то есть применять к истории моральные категории, взятые из личной жизни. Историческая жизнь есть самостоятельная реальность, обладающая собственными ценностями. Но русская душа не принимает истории как объективной необходимости, не раскрывается перед многообразной действительностью, не проникает в конкретность текущей жизни, а упрощенно принимает старые схемы и подходы [См.: 1, с. 312–314].

Этот «испуг», склоняющий русского человека к покаянию за свои и чужие грехи, и морализаторство, не принимающее историю как объективную необходимость, свойственны определенной части современного российского общества, поэтому вместо научного исследования истории России XX в. общественное сознание россиян настойчиво подталкивается к поиску действительных и мнимых грехов советской власти. Можно понять и принять личную неприязнь к советскому строю исследователя, подвергавшегося репрессиям, но его личная судьба не должна мешать объективному анализу исторических событий прошлого. Ведь задача исследования состоит в установлении объективных причин исторической драмы нашего народа для того, чтобы исключить всякую возможность возвращения тоталитарного прошлого. Вместо этого на протяжении 20-ти последних лет средства массовой информации и духовные институты воспитывали наших граждан на антисоветизме, антипатриотизме, антигосударственности. Жизнь показывает, что в истории любой страны есть страницы славы и страницы позора. Если мы будем воспитывать народ на страницах позора, мы, как государство, по словам автора популярной в 80-е гг. книги «ЧП районного масштаба» Ю. М. Полякова, развалимся. Если же на страницах славы, как это делается в США, Англии, Франции, хотя позора у них было гораздо больше, чем у нас, – тогда все будет нормально. Но это должно стать государственным нацпроектом [См.: 9].

Нравственный долг, развитие духовности требуют уважительного отношения к своим предшественникам, которые упорным трудом, подвигами и лишениями вывели страну из феодальной отсталости и почти полной безграмотности на передовые рубежи в науке, культуре, технике и создали могучее государство, которое уважали и с которым в мире считались. «Благочестивая память о предках обязывает нас к деятельному служению им», – предупреждал В. С. Соловьев [11, с. 123], а не к их поруганию и облыжному охаиванию прошлой истории. Чрезмерная ангажированность и идеологизация социального познания привели к тому, что советский период истории России сводится почти исключительно к репрессиям и ГУЛАГу. При этом игнорируются совершенно очевидные достижения того времени: возрождение экономики после разлухи мировой и гражданской войны; индустриализация, превратившая Россию в мощную экономическую державу, проложившую человечеству дорогу в космос; ликвидация безработицы; создание развитой системы социального страхования; ликвидация неграмотности, сделавшая Россию самой читающей страной мира; бесплатное образование и здравоохранение; низкие цены на товары первой необходимости и детские товары и др. Такой перекокс неизбежно порождает негативное отношение к власти значительной части населения, жизненный уровень которой ощутимо ниже советских времен и это вызывает у них ностальгию по прошлому.

История общества есть единый процесс, соединяющий между собой настоящее и прошлое, потому что «движение вперед есть *возвращение назад* в *основание, к первоначальному и истинному*, от которого зависит то, с чего начинают, и которое на деле порождает начало» [4, с. 127]. Прошлое – это основа последующих этапов развития. Из прошлого вырастает нечто иное или совершается переход в нечто иное, которое содержится в прежнем состоянии в снятом виде, в возможности. Поэтому от исторического прошлого нельзя произвольно отказаться, его невозможно выбросить на свалку как ненужную вещь. Как ни гони прошлое, оно неминуемо возвращается потому, что у прошлого есть своя правда. И если с этой правдой не считаться, то прошлое вернется отстаивать ее и заодно утвердит свою неправду, предупреждал испанский философ Х. Ортега-и-Гассет [См.: 8, с. 331–332].

Поэтому нашему обществу пора перестать сходить с прошлым врукопашную, пора перейти от сознания преимущественно отрицательного к сознанию положительному, так как отрицательная реакция ограничивает теоретическую активность народных масс и затрудняет понимание сущности исторического процесса, а, следовательно, получение объективной истины о событиях прошлого. Если мы хотим сохранить единство и целостность нашей истории, поставить ее на службу патриотическому воспитанию молодежи, росту ее духовности, то мы должны отказаться от негативных стереотипов мышления, начать мыслить творчески, объективно исследовать исторические

события, выявлять реальные причины и давать им оценку не с позиций современной идеологической конъюнктуры, а исходя из объективных условий и возможностей субъектов совершать те или иные действия. Такой подход к истории будет способствовать обогащению духовной жизни общества, потому что для укрепления и расширения содержания духовности нашего общества необходим не отказ от своего исторического прошлого, а повседневная забота о сохранении и развитии свойственных обществу традиций, идеалов, норм, являющихся залогом духовности.

Духовность как основа человеческой личности создает необходимые условия для функционирования исторической памяти, сохраняющей все позитивное из духовной сферы прошлого для укрепления и развития духовной жизни настоящего. Духовные традиции прошлого, сохранившие свою ценность для потомков, придают человеку уверенность в своем будущем, укрепляют основные компоненты современного общества. Опорным пунктом для национального самосознания россиян и укрепления их духовности является история Великой Отечественной войны. Разрушая историю Великой Победы, наши недруги, по словам профессора Н. А. Нарочницкой, добиваются того, чтобы у нас в сознании не осталось ничего, чем мы могли бы гордиться и на чем могли бы воспитывать нашу молодежь. Разрушение национального исторического сознания народа лишает его ориентиров, понимания того, откуда мы и куда идем. В этих условиях происходит распад национально-государственной воли к продолжению себя в мировой политике, и народ становится материалом для чужой истории, для чужой экономики, для чужой безопасности [См.: 7].

Разрушение национального самосознания резко негативно воздействует на духовное состояние общества, лишая человека гордости за свой народ, за свою страну. Поэтому для сохранения духовности нашего общества хотя бы на нынешнем уровне необходима коренная ломка общественного сознания, переориентация его на новые духовные ценности, необходимо вернуть обществу понимание верховенства духовных интересов над материальными.

Литература

1. Бердяев Н. А. Судьба России. М., Харьков. 1998.
2. Буева Л. П. Духовность и проблемы нравственной культуры // Духовность, художественное творчество, нравственность (материалы «круглого стола») // Вопросы философии, 1996. № 2.
3. Бурдаков Ю. В. Недопустимо создавать заслон в деле всестороннего развития наших юных граждан // Вестник российского философского общества. 2(46). 2008.
4. Гегель Г. В. Ф. Наука логики, т. 3. М., 1972.
5. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук, т. 1. М., 1974.
6. Лекторский В. А. Духовность и рациональность // Духовность, художественное творчество, нравственность (материалы «круглого стола») // Вопросы философии, 1996. № 2.

7. Нарочницкая Н. А. Комсомольская правда, 2008, 15 октября.
8. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Эстетика. Философия культуры. М., 1981.
9. Поляков Ю. М. Комсомольская правда, 2009, 7 марта.
10. Соловьев В. С. Смысл любви // Спор о справедливости. М., Харьков. 1999.
11. Соловьев В. С. Оправдание добра. М., 1996.

В. Л. Очкин

ПГПУ им. В. Г. Белинского

МАРКSOVA КРИТИКА ИДЕОЛОГИЗМА И СОВРЕМЕННОСТЬ

«Здесь, как и вообще относительно идеологов следует заметить, что они неизбежно ставят предмет на голову и считают свою идеологию творческой силой и целью всех общественных отношений, между тем как в действительности она есть лишь их выражение и симптом».

К.Маркс и Ф. Энгельс. «Немецкая идеология».

Принципиальную характеристику своего миропонимания как последовательно (а потому – и диалектически) материалистического, его создатели видели в том, прежде всего, что оно *«вовсе не обходится без предпосылок, а эмпирически изучает как раз действительные материальные предпосылки как таковые и потому является впервые действительно критическим воззрением на мир»* [2, т. 3, с. 224]. Критичность такого способа миропонимания и мышления оказывается одновременно и его собственной *самокритикой* в процессе его постоянного соотнесения с объективной реальностью, жизнью, практикой, и вместе с тем, «истинной критикой», в определенном смысле «подлинно философской критикой», которая отличается от «вульгарной критики» и потому «всё ещё догматической критики, борющейся со своим предметом», именно тем, что только она и способна «постигать специфическую логику специфического предмета», не опускаясь «с высоты философской точки зрения на другую точку зрения, которая рассматривает предмет не в его отношении к себе самому» [2, т. 1, с. 325, 353]. А такое *подлинно критическое*, – а не вульгарно критиканское, – «позитивное понимание существующего» непременно «включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели», т.е. выступает как *диалектика*, которая «каждую осуществленную форму...рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему

критична и революционна» (2, т. 23, с. 22). Характеризуя в этом отношении в письме Марксу (2. XII. 1861) книгу Ф. Лассаля «Система приобретенных прав», Энгельс среди прочего подчеркивает: «большое суеверие со стороны этого парня – все еще верить в «идею права», в абсолютное право... Даже с чисто философской точки зрения он должен был бы уразуметь, что абсолютом является только процесс, а не просто временный результат последнего, и тогда у него не могло бы получиться никакой другой правовой идеи, кроме самого исторического процесса» [2, т. 30, с. 165–166]. Соглашаясь с этой критикой в своем ответном письме (9. XII. 1861), Маркс резюмирует: «Идеологизм проходит через все, а диалектический метод применяется *неправильно*. Гегель никогда не называл диалектикой подведение массы «случаев» под общий принцип» [2, т. 30 с. 168]. То есть *правильное*, материалистически критическое применение диалектического метода несовместимо с *идеологизмом*. Попытка их соединения превращает диалектику в разновидность идеологического метода спекулятивного конструирования, по принципу: «словами диспуты ведутся, из слов системы создаются». Но если такой гигант диалектического мышления, как Гегель, «очень часто внутри *спекулятивного* изложения даёт *действительное* изложение, захватывающее самый *предмет*», то спекуляция идеологических пигмеев, «желая отделаться софистикой от разумной и естественной зависимости от *предмета*,... попадает именно в самую неразумную и неестественную *рабскую подчиненность* предмету, самые случайные и самые индивидуальные определения которого она вынуждена конструировать как абсолютно необходимые и всеобщие» [2, т. 2, с. 66, 67].

Учитывая историю развития данной проблемы в марксизме, понятие *идеологизма* разумно рассматривать как обобщающее и сокращенное выражение таких фигурирующих изначально и постоянно в классическом марксизме терминов, как «идеология», «идеологическое воззрение», «мистицизм» («мистерии»), равно как и «идеологический (соответственно, «априорный», «абсолютный», «спекулятивный» и т.п.) метод».

Вряд ли будет большим преувеличением сказать, что связанная с этим мировоззренческо-методологическим аспектом проблематика проходит через всю идейно-творческую биографию основоположников марксизма, составляя некий сущностно критический стержень и лейтмотив всего их миропонимания. И если следовать рекомендации премудрого Козьмы Прутковка: «отыщи всему начало, и ты многое поймёшь», то в отношении рассматриваемой проблемы начальный подступ можно обнаружить уже в докторской диссертации Маркса. Так, к примеру, он при анализе диалектики «чувственной достоверности» формулирует лапидарно, на языке логики, как своего рода предпосылку последующего исследования механизма формирования феномена идеологизма, следующий принципиальный тезис: «В обыденном мышлении всегда оказываются налицо готовые предикаты, которые оно отделяет от субъекта.

Все философы делали из самих предикатов субъекты» [2, т. 40, с.78]. В таком ходе мысли проявляется, по его словам, «несовершенство» всякой философии (и соответственно, спекулятивно теоретизирующей мысли вообще), «знающей, что представления даны в сознании, но не знающей их предела, их принципа, их необходимости». То есть, в подобных случаях «необъяснимым признается то, что должно быть объяснено – создание, возникновение и внутреннее воспроизведение мира в мышлении, и за объяснение выдается наличие этого представления в сознании». Таким образом обнаруживается, что подобное «объяснение есть лишь самоотчет сознания, а суть дела мистифицируется». Ибо за объяснение «выдается сам объясняемый объект, отодвинутый в туманную даль измышляющей абстракции». И согласно Марксу, вообще «такова сущность всех объяснений представляющего сознания, скованного предпосылками», которых оно не знает и не понимает, поскольку здесь сам «метод измышляющего, представляющего сознания борется лишь со своей тенью; какую окажется тень, – это зависит от того, как на нее смотрят, от того, как отражающее – из этого своего отражения – обратно отражается внутри себя» [См.: 2, т. 40, с. 34, 40, 42, 45, 46 и др.].

«Понять, значит преодолеть» – учил великий диалектик. Его гениальный ученик, начиная аналитико-критически понимать мистифицирующий действительный мир фантазирующую (в смысле деятельности «*большой фантазии*», по Ленину) природу и работу идеологических образований «измышляющего» сознания, тем самым намечает уже в самом абстрактном, пока еще, виде и общую логику критического преодоления самого метода такого – идеологически извращенно изображающего действительность – сознания. Но в докторской диссертации проблема анализа *измышляющего* и даже мистифицирующего мир сознания представлена ещё пока сугубо абстрактно, в духе «*чистой, совершенно философской философии*» (Энгельс). Зато при изложении в письмах к А. Руге (из «Немецко-французского ежегодника») программы предполагаемой деятельности «нового направления», борющегося за осуществление «порядка свободных людей вместо порядка мёртвых вещей», указанная проблема начинает обретать гораздо более конкретную и революционно практически нацеленную форму. «Преимущество нового направления – подчеркивает Маркс – как раз в том и заключается, что мы не стремимся догматически предвосхитить будущее, а желаем только посредством критики старого мира найти новый мир». И потому, «если конструирование будущего и провозглашение раз навсегда готовых решений для всех грядущих времён не есть наше дело, то тем определённое мы знаем, что нам нужно совершить в настоящем, – я говорю о *беспощадной критике всего существующего*, беспощадной в двух смыслах: эта критика не страшится собственных выводов и не отступает перед столкновением с властями предрержащими» [2, т. 1, с. 379]. Однако, такая *беспощадная критика* и критическое разоблачение сущес-

твующего в действительности «превратного мира», мира *извращенной* социальной реальности, непременно предполагает четко определенную «реформу сознания». Последняя же состоит *«только* в том, чтобы дать миру уяснить себе своё собственное сознание, чтобы разбудить мир от грёз о самом себе, чтобы *разъяснить* ему смысл его собственных действий» и тем самым, между прочим, «придать вопросам религии и философии форму, соответствующую человеку, осознавшему самого себя». Отсюда и следует принципиальный марксов вывод: «Таким образом, наш девиз должен гласить: реформа сознания не посредством догм, а посредством анализа мистического, самому себе неясно-го сознания, выступает ли оно в религиозной или же в политической форме» [2, т. 1, с. 281].

Эти высказанные 166 лет назад мысли молодого гения и по сей день не утратили в сущностном смысле своей методологической значимости, актуальности и какого-то даже живого созвучия («что-то слышится родное...») с нашим днём текущим. Может быть, еще и потому, что записаны они были в то время, когда, по его же словам, «в Германии всё насильственно подавляется, в ней настала пора настоящей анархии ума, воцарилась воплощенная глупость», между тем как «судно, полное глупцов» (вспоминает он известный образ) плывёт «навстречу своей неминуемой судьбе именно потому, что глупцы этого и не подозревают. И эта судьба – предстоящая нам революция» (2, т. 1, с. 272, 278). Не стремясь заниматься здесь игрой в исторические параллели, нельзя все же не заметить, что «анархия ума» (под флагом плюрализма и видимости свободомыслия) и «воплощенная глупость» (множества доверчивых «совков», обманутых псевдореформами, обернувшимися буржуазной контрреволюцией), или, как теперь чаще повторяют вслед за булгаковским проф. Преображенским, «разруха – в головах», – настолько характерны для так называемого перестроечно-реформаторского процесса в родимой отчизне, что его прямо подчас именуют новым «Смутным временем» России. А то и со средневековьем аналогии проводят, как бы подтверждая афоризм Станислава Ежи Леца насчет того, что «у каждого века есть свое средневековье». И разве не средневековьем отдаёт гальванизация религиозных настроений и всяческого мистицизма, равно как и националистического квазипатриотизма, коими тщатся заменить образовавшийся после дискредитации коммунизма идейно-нравственный вакуум, а то и просто пошлейший нигилизм?! Вот и получается, между прочим, что в идущей ныне идеологической войне не только в целом чрезвычайно актуальна марксова критика идеологизма, но оказывается особо значим заново для нынешней России марксистский (в его принципиальном отличии от вульгарного и примитивного атеизма) анализ такой его массовой и вековой формы, как религия, религиозное сознание. Тем более, что и вообще «критика религии – предпосылка всякой другой критики». Поскольку именно в религии представлен «священный *образ* человеческого самоотчуждения»

как «самосознание и самочувствование челове-ка, который или ещё не обрёл себя, или уже снова себя потерял». Ведь именно она, религия, и есть обобщенно популярное (народное или квазинародное) «*превратное мировоззрение*», эмоциональное по форме, мифологическое по содержанию отражение «*мира человека*», выступающего на этом этапе истории («*предыстории*»!) человеческого общества как «*превратный мир*», являясь его «*священным ореолом*». Ибо именно религия и есть «общая теория этого мира, его энциклопедический компендиум, его логика в популярной форме, его спиритуалистический point d'honneur, его энтузиазм, его моральная санкция, его торжественное восполнение, его всеобщее основание для утешения и оправдания».

Более того. Гигантская активная (как реакционная, так и в чем-то даже в свое время революционная) роль религии, религиозной идеологии в истории обусловлена как раз тем, что «*религиозное убожество* есть в одно и то же время *выражение* действительного убожества и *протест* против этого действительного убожества». Причем, объективным, симптоматическим проявлением (хотя в то же время и заглушеванием и заглушением) этого протеста является даже и то, что религия по сути своей и есть – «вздых угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она – дух бездушных порядков», как и то, что она «претворяет в *фантастическую действительность* человеческую сущность, потому что *человеческая сущность* не обладает истинной действительностью». И если эта грандиозная первобытная («детская») идеология выступает в качестве «*иллюзорного счастья народа*», является его «*духовной усладой*», «*опиумом* народа» и т. д., – то всё это ведь именно потому, что в этом мире, как некой «*юдоли плача, священным ореолом* которой является религия», все еще в ходу поговорка: человек предполагает, а бог (т.е. господство чуждых, неподконтрольных человеку сил социально-исторического процесса) располагает. И потому же отнюдь не дают этой «угнетенной твари» её религиозные иллюзии «*действительного счастья*», а выступают как всего лишь тот самый «*опиум* народа», или, в других выражениях, как «небесная водка», «духовная сивуха» и т.п., вуалируя духовно-наркотическими иллюзиями такое социальное состояние и положение, «*которое нуждается в иллюзиях*». Отсюда неизбежно и получается, что «борьба против религии есть косвенно борьба против *того мира, духовной усладой* которого является религия» и потому, в конечном счете, неминуемо «критика неба превращается, таким образом, в критику земли, *критика религии – в критику права, критика теологии – в критику политики*» [2, т. 1, с. 414–415]. Этот блестящий по содержательности и лаконизму марксов анализ религии как самого массовой, живучей, ко всему приспособляющейся эмоционально-мифологической формы идеологизма, по большому счету применим ко всем его проявлениям вплоть до самых наимоднейших мифологем.

В дальнейшем, начиная с «К критике гегелевской философии права», «Экономическо-философских рукописей 1844 года» и, особенно, со «Святого

семейства» и «Немецкой идеологии», создателями материалистически критического миропонимания было многократно конкретно продемонстрировано, что все многообразные, вплоть до самых «туманных», идеологические проявления «мистического, самому себе неясного сознания», в том числе и всякие спекулятивные, различным образом мистифицирующие действительность, «конструкции, так же как и гегелевский метод, можно критиковать лишь показывая, как они строятся, и тем самым доказывая, что ты господствуешь над ними» [2, т. 3, с. 15]. Но вообще-то говоря, примерами подобного рода критического разоблачения и преодоления всевозможных проявлений и вывертов идеологизма в различных областях познания и практики насыщены едва ли не все основные сочинения классиков марксизма. Приходится поэтому по необходимости ограничиваться лишь самыми общими, простыми и актуально значащими характеристиками этого процесса, выступающего в качестве атрибутивной составляющей марксистского способа мышления.

Раскрывая сущность «старого излюбленного идеологического метода, называемого также априорным», на примере такого типичного философствующего идеолога как Е. К. Дюринг, Энгельс разъяснял, что согласно этому методу свойства какого-либо предмета познаются не путем познавательного обнаружения их в самом предмете, а путем логического выведения их из так или иначе полученного понятия, мысленного или представляемого образа предмета. То есть, сперва из предмета тем или иным способом (скажем, «подведением массы «случаев под общий принцип») делают себе «понятие», «идею» предмета; затем переворачивают все вверх ногами и превращают полученное отражение предмета, его понятие, идею, принцип и т.п. в мерку, в мерило, в критерий истинности самого предмета. «Теперь уже не понятие должно соотносываться с предметом, а предмет должен соотносываться с понятием» (как жертвы Прокруста с его ложем), а вся эта спекулятивная конструкция оказывается «чистой идеологией, выведением действительности не из нее самой, а из представления» [См.: 2, т. 20, с. 97].

Путем такого переворачивания, извращения действительных отношений, когда и пока это *qui pro quo* еще не раскрыто, и образуется, говорит Энгельс (как раз в письмах уже 90-х годов, разъясняя дополнительно плохо понятые читателями и почитателями моменты марксова учения), «то, что мы называем *идеологическим воззрением*» [2, т. 37, с. 419]. И подчеркивает при этом (NB!), как *само собой разумеющееся* для них с Марксом, что такого рода превратное духовное образование в различных идеологических областях (к примеру, в области права, нравственности, политики и т.п.), «в свою очередь, оказывает обратное действие на экономический базис и может его в известных пределах модифицировать» (там же). Это-то активное обратное влияние идеологических образований на все общественное развитие, даже на экономическое, – хотя сами они в конечном счете находятся под господствующим влиянием эконо-

мического развития, которое, правда, не всегда легко доказать, – именно это очевидное, подчас очень значительное активное воздействие идеологических областей на исторический процесс, вкуче с видимостью их самостоятельного развития в истории, «прежде всего и ослепляет большинство людей», тысячами отражаясь в их сознании всевозможными, идеологизирующими их миропонимание, идеалистическими и религиозными иллюзиями.

В методологическом смысле суть дела здесь именно в той социально-исторической диалектике, согласно которой «историческое явление, коль скоро оно вызвано к жизни причинами другого порядка, в конечном итоге экономическими, тут же в свою очередь становится активным фактором, может оказывать обратное воздействие на окружающую среду и даже на породившие его причины» [2, т. 39, с. 83, 84]. То есть, весь великий ход исторического развития происходит в форме взаимодействия, в котором причина и следствие меняются местами, взаимопревращаются, как это и свойственно в особой степени именно органической (в том числе, социально-экономической) системе. В которой, по выражению Маркса, «все отношения существуют одновременно и опираются одно на другое». Причем, таким образом, что «каждое положенное есть вместе с тем и предпосылка» [2, т. 4, с. 134; т. 46, ч. 1, с. 229].

Разумеется, не следует это понимать грубо-прямолинейно и догматически, не учитывая того важнейшего обстоятельства, что преобладание экономического развития над той или иной отраслью разделения интеллектуального (и идеологического) труда «имеет место в рамках условий, которые предписываются самой данной областью». Так, например, в отношении такой особой области разделения труда, выступающей в качестве высоко воспаряющей над бренной действительностью духовной сферы, как философия, воздействие экономических влияний оказывается чрезвычайно опосредованным. Во-1-х, имеющимся налицо, в качестве предпосылки, определенным в каждую эпоху философским мыслительным материалом, который передан ей ее предшественниками и из которого она исходит. Во-2-х, это господствующее влияние экономического развития здесь осуществляется в большинстве своем только в своем идейном, идеологическом же выражении: правовом, политическом, нравственном, художественном и т.п. Стало быть, «экономика здесь ничего не создает заново, но она определяет вид изменения и дальнейшего развития имеющегося налицо мыслительного материала, но даже и это она производит по большей части косвенным образом, между тем как важнейшее прямое действие на философию оказывают политические, юридические, моральные отражения» [1, т. 37, с. 420].

Ко всей этой гигантски возросшей в современном обществе системе идеологических надстроек над социально-экономическим базисом применима, в принципе, диалектическая ленинская формула насчет того, что поскольку «политика есть концентрированное выражение экономики», постольку,

соответственно, «политика не может не иметь первенства над экономикой» [1, т. 42, с. 278]. В самом деле, если «политика есть концентрированное выражение экономики», то разве *идеология*, в свою очередь, не является духовным (в разных взаимодействующих формах) обобщающим и концентрированным *выражением* политики, прежде и более всего. Как честно отзывался о своей науке известный историк: «история есть политика, опрокинутая в прошлое». И каждый день сегодняшних исторических отечественных экскурсов (а-ля сванидзе, млечиных и т.д.) блестяще подтверждает сей афоризм. И это вполне понятно. Как многократно доказали авторы «Немецкой идеологии» и «Комманифеста», «господствующими идеями любого времени были всегда лишь идеи господствующего класса» как «выражение тех отношений, которые как раз и делают один этот класс господствующим; это, следовательно, мысли его господства» [2, т. 3, с. 46; т. 4, с.445]. Разработкой и пропагандой которых и занимаются – искренне или цинично, сознательно или не очень – его разнообразные *идеологи*, в какой бы сфере деятельности они ни подвизались. Поэтому-то целенаправленная идеологическая борьба, беспощадная истинная (в вышеуказанном марксовом смысле) критика и разоблачение *всей* казенной и либеральной науки, которая «*защищает* наемное рабство» (В.И.Ленин), всей внутренне противоречивой системы буржуазной идеологии (в особенности, по выражению Маркса, «практически истинных иллюзий», выступающих как «особого рода фикция без фантазии, религия вульгарного обывателя» – [см.:2, т. 26, ч. III, с. 471, 509, 529], т.е. всей системы мировоззрения, мироощущения и способа мышления противостоящих пролетариату классов, есть неперемное условие и предпосылка для выработки сознательной, научно обоснованной политики подлинно коммунистической партии, руководящейся марксистско-ленинской методологией в полном её объёме и аутентичности. Без «научной победы» в том смысле как это понимал Маркс, т. е. не только в смысле критического разоблачения земных корней и механизмов человеческих заблуждений и иллюзий, но и раскрытия объективных закономерностей исторического процесса, без такого научного базиса не может быть и окончательной победы социальной в плане перехода от «предыстории человеческого общества» к его подлинно человеческой, сознательно совершаемой и коллективно направляемой истории в той её общественной форме, «основным принципом которой является полное и свободное развитие каждого индивидуума».

К чему ведет недопонимание и недооценка этой стороны коммунистического «общего дела» (Ленин бы, пожалуй, тут заметил, что «это не «сторона» дела, а *суть* дела») современная история чрезвычайно ощутимо и трагично для миллионов и миллионов людей продемонстрировала в процессе крушения первой исторически значимой попытки построения коммунистического общества в СССР. Здесь в очередной раз, как это многократно повторилось и

на протяжении предшествующих тысячелетий, проявилось то, что Маркс и Энгельс, вслед за Гегелем, называли трагической иронией мировой истории, «когда благие намерения при их реализации превращаются в свою прямую противоположность» А подобное превращение в противоположность и «достижение в конечном счете такого пункта, который полярно противоположен исходному, составляет естественно неизбежную судьбу всех исторических движений, участники которых имеют смутное представление о причинах и условиях их существования и поэтому ставят перед ними чисто иллюзорные цели. «Ирония истории» неумолимо вносит здесь свои поправки» [2, т. 25, ч. 11, с. 151; т. 22, с. 21–22].

Ну, в самом деле, разве не «чисто иллюзорной целью» оказалось заявленное намерение «построить коммунизм к 1980-му году, какое пришлось заменить, как острили циники, Олимпийскими играми?! И разве не «смутным представлением», или идеологической иллюзией, оказались разглагольствования о «полной и окончательной победе социализма», о «развитом социализме» и т.п. по отношению к обществу, в недрах которого, неведомо как для его творцов, созрело его буржуазное отрицание как превращение в «свою прямую противоположность»?! Причины, условия, факторы этого превращения, как своего рода геополитической катастрофы, нуждаются, несомненно, в углубленном и всестороннем исследовании. Без этого для России нет ответа ни на гоголевский, ни на гамлетовский вопросы. То есть, нет ни предвидения будущего, ни ясного осознания своей цели и стратегии существования и развития. Значит, все это будет навязываться извне. И скорее всего, по логике З. Бжезинского: «мировой порядок будет строиться против России, за счет России, на обломках России».

Не имея возможности касаться здесь всей совокупности причин и обстоятельств поражения социализма в СССР, в их числе, однако, считаю необходимым обратить особое внимание на тот парадоксальный факт, что в условиях номенклатурной бюрократизации советского общества само учение Маркса, проникнутое, как выше сказано, пафосом критического разоблачения и преодоления самой сути всех разновидностей *идеологизма*, стало в той или иной степени превращаться – усилиями не по уму усердных его почитателей (но не *читателей!*), равно как и приспособленников и карьеристов – в некое новое подобие догматической идеологической конструкции, свыше навязываемой обществу и апологетически оправдывающей все деяния власть имущих. То есть, происходило то, чего более всего опасались творцы марксизма, страстно боровшиеся против всяких попыток превратить разработанную ими теорию развития и метод мышления в своего рода всеспасающую идеологическую догму правоверной секты, в «окаменелую ортодоксию, к пониманию которой рабочие должны прийти, не руководствуясь собственным классовым чутьем, а проглотив ее залпом и без рассуждений в качестве символа веры» [2, т. 39, с. 207, 256].

Следствием в итоге и оказывалось то, что иронически выразил, к примеру, Феликс Кривин:

Несовершенство государства
Пускай не ставят нам в вину.
Мы строили его по Марксу,
Построили по Щедрину.
И это не было случайно.
Хоть Маркса каждый почитал,
Для нас любой градоначальник
И «Манифест», и «Капитал».

Или, грубее, Игорь Губерман:

Мне Маркса жаль: его наследство
Свалилось в русскую купель:
Здесь цель оправдывала средства,
И средства обосрали цель.

Ибо:

Возглавляя партии и классы,
Лидеры вовек не брали в толк,
Что идея, брошенная в массы, –
Это девка, брошенная в полк.

Увы, правы во многом поэты. И почитали гениев больше, чем читали. И наследство толковали вкривь и вкось: чего одна дискуссия товарников с антитоварниками стоит! И опешляли как могли, в меру своего недопонимания. Как тут не вспомнить хрущевское представление о «коммунизме», в котором главное – мяса и молока будет больше, чем в Америке. Или брежневскую «экономную экономику» и т. п. Как ни анекдотичны подобные моменты они лишь один из симптомов главного идейного порока развившейся после Сталина номенклатурно-бюрократической системы «мутантного социализма» (А. В. Бузгалин). Суть дела в том, что социализм, как начальная ступень коммунистического преобразования общества, не может развиваться стихийно, подобно всей предшествующей истории, а должен основываться на сознательной, планомерной организации общественного процесса жизнедеятельности и развития людей. Следовательно, на познании объективных законов этого процесса. От верности, глубины этого познания зависит сама возможность господства над ним, контроля и управления общественным развитием. А для этого нужен беспощадно критический и самокритический

конкретный анализ складывающихся в обществе конкретных ситуаций и тенденций, но ни в коей мере не должно допускаться то, что как раз и свойственно, согласно марксову анализу, самой сущности бюрократии. А именно: *авторитет* есть... принцип её знания, и обоготворение авторитета есть её *образ мыслей*». Поэтому *действительная* наука представляется бюрократу бессодержательной, как действительная жизнь – мёртвой» [2, т. 1, с. 272)]. Идеологизм есть своего рода, если воспользоваться выражением Маркса, «бюрократия ума», и он также несовместим с марксизмом, как бюрократизм с подлинным социализмом, не говоря уж о коммунизме как «ассоциации, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех». Бюрократия превращает государство, по словам Маркса, в свою «частную собственность» и тем самым отрицает социализм как свободное творчество и самоуправление трудящихся масс. Подобно этому идеологизация марксизма, превращение его в священную догму, в частную собственность «попов марксистского прихода», вынимает из него, по ленинскому выражению, «его душу живу», подрывает его «коренные теоретические основания – диалектику, учение о всестороннем и полном противоречий историческом развитии», подрывает его «связь с определенными практическими задачами эпохи, которые могут меняться при каждом новом повороте истории» [1, т. 20, с. 84]. Печальные последствия этих превращений у всех перед глазами и ждут своего осмысления.

Литература

1. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое.
2. Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе.

А. С. Дудкин
ПГПУ им. В. Г. Белинского

ТЕЗИСЫ О КОЛИЧЕСТВЕ И КАЧЕСТВЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ

Социальная помощь как общественное явление обладает количественной и качественной характеристиками. Диалектика внутренней и внешней определенности данного явления и мера перехода одного качества в другое, несомненно, составляют ключ к правильной постановке многих вопросов философии помощи человека человеку.

Исходное наше утверждение в связи с этим состоит в том, что социальная помощь как общественное явление в целом может быть первоначально рассмотрена через определение количественной и качественной составляющих данного явления.

Итак, что же является “количеством” социальной помощи и какова его мера, где его границы? Как гласит традиционное определение, количество есть внешняя определенность предмета, характеризующаяся числом, величиной, объемом. Понятно, что в этом смысле социальная помощь всегда была неотделима от пищи, воды, лекарств, одежды, жилища, и денег как всеобщего эквивалента стоимости этих благ практически в той же степени, в какой сознание неотделимо от материи. Кем бы и как бы помощь ни оказывалась, она всегда была неразрывно связана с материальной стороной действительности, с вещами и предметами, поддающимися подсчету. С другой стороны, удовлетворяют потребности не только предметы сами по себе, но также и услуги. Это второй аспект измерения количества социальной помощи. И еще одна величина, характеризующая помощь с количественной стороны – это число тех, кем и кому она оказывается на данный исторический момент.

При этом нельзя забывать о третьем количественном параметре – числе субъектов помощи. То есть количество имеет как бы три взаимосвязанные стороны: поддающаяся подсчету масса людей, испытывающих потребность в социальной защите и не удовлетворяющих эту потребность, масса тех, чьи потребности в помощи в данный исторический момент удовлетворяются и масса тех субъектов (не обязательно только людей, но и организаций, объединений, служб), кто помощь оказывает.

Очевидно, что простое численное измерение социальной помощи количеством предоставленных материальных благ в денежном выражении на самом деле весьма относительно, так как оно не отражает специфику помощи как общественного явления. Самые парадоксальные и неприглядные формы принимает количественное выражение помощи, измеряемое подобно товару, в деньгах, если это самое выражение берется вне учета количества тех, кто помогал, кому помогали и тех, кто еще нуждается в поддержке в связи с определенными обстоятельствами.

По количественному признаку, формально, на бумаге, вполне можно приравнять помощь неимущим на сумму в 10000 рублей, поступившую от богатого господина, с помощью 1000 небогатых граждан, внесших в благотворительную копилку по 10 рублей. Математически это одинаковый объем благ, тогда как социально это совершенно разные акты оказания помощи.

Хотя формально действие богатого господина в чистом меновом эквиваленте равно объему благ, собранных с той же целью сотней людей, тем не менее, общественный характер здесь совершенно иной. Таким образом, меновое выражение количества предоставленных благ взятое само по себе никак не отражает действительные общественные отношения между людьми. Вся вульгарность денежного способа “подсчета” социальной помощи, когда только он один берется за основу, предстанет перед нами еще рельефнее, когда в нашем примере мы возьмем в расчет еще два условия: количество лиц, полу-

чивших помощь на 10000 рублей и общее количество тех нуждающихся, кто вообще остался без помощи.

Таким образом, хотя стоимость благ и услуг, которые предоставлены субъектом социальной помощи и измеряется в деньгах, денежная сумма вовсе не является в полном смысле слова количеством социальной помощи. Количество материальных благ, которые могут быть задействованы в процессе защиты нуждающихся, характерное для данной стадии развития общества, определяется совокупными возможностями производительных сил. И это количество материальных благ еще не есть собственно количество социальной помощи, если брать его само по себе, в отрыве от диалектики взаимодействия субъектов и объектов помощи и исторических условий этого взаимодействия.

Качество помощи – это тоже категория сложная и многоаспектная. Классическое определение гласит, что качество предмета или явления составляет определенное множество свойств, органически связанных между собой общим законом взаимодействия. С одной стороны, качество социальной помощи – это совокупность ее свойств и особенностей, отличающих ее от других явлений общественной жизни, то есть специфическое качество явления, которое у него всегда одно. Наряду с ним, социальная помощь обладает множеством других качеств, общих с другими явлениями. На фоне различия этих двух определений “качества”, качество помощи можно понимать (и зачастую оно так и понимается) как еще и качество ее оказания.

Чтобы разобраться в этом вопросе, рассмотрим элементарный пример врачебной помощи (то, что в нашем примере оказывается не собственно социальная, а медицинская помощь – это здесь значения не имеет). Больной приходит к специалисту, тот профессионально ставит диагноз, проводит подобающую случаю терапевтическую работу с пациентом, выписывает нужные лекарства. Каково качество такой помощи? Казалось бы, качество тут состоит в том, что помощь оказана именно так, как надо для того, чтобы человек из больного превратился в здорового: немощь бы снялась и превратилась в мощь, болезненное состояние организма изменилось на здоровое.

Является ли это качество оказания специфическим качеством помощи? Разумеется, нет, так как есть в нашем примере, как минимум, еще один, не менее важный аспект содействия больному. Насколько хороша бы ни была квалификация врача и его профессионализм, если лекарства больному недоступны в силу дороговизны, пациент никогда не сможет вылечиться в подобающей врачебным наставлениям мере. Диагноз врача и его рецепт не имеют силы, если лекарства не по карману больному. Качество врачебных услуг в таком случае хотя и приятно для пациента, но бессодержательно для его трудной ситуации. Поэтому качество оказания помощи – это одно из качеств помощи вообще, относящееся к взаимодействию субъекта и объекта помощи. Существует и второй вариант: когда лекарства доступны, или вовсе бесплатны для

больного, однако квалификация врача, его профессиональные и личностные качества делают невозможными эффективное лечение и быстрое выздоровление. В таком случае, уже несмотря на доступность средств излечения, специфическое единое качество помощи страдает от определенных характеристик ее субъекта. Намеренно упуская из виду еще две возможные ситуации (лекарства доступны, помощь врача профессиональна; лекарства недоступны, помощь врача чревата ухудшением состояния больного), отметим очевидное: помимо двух обозначенных нами факторов в процесс в той или иной степени всегда вмешиваются на самом деле намного больше различных детерминант, как то: желание больного консультироваться с врачом и отношение к медицинским специалистам, к традиционным методам лечения; социальное окружение пациента и его влияние на здоровье индивида (социальные болезни: туберкулез, заболевания, передающиеся половым путем, наркомания, алкоголизм); характер трудовой деятельности; размер заработной платы; наличие свободного времени и мн. др. Соединяясь вместе, все эти факторы, составляющие совокупность социального бытия человека, дают в отношении рассматриваемой трудной жизненной ситуации одно-единственное разрешение: либо социальная помощь дает положительный результат, и к человеку возвращается здоровье, либо человек по-прежнему остается болен, храня надежду на выздоровление благодаря силам организма. Таким образом, качество помощи не есть только качество ее оказания, если под ним понимать совокупность параметров предоставления субъектом неких благ и услуг объекту. Качество помощи есть совокупность ее свойств и характеристик, определяющих степень отрицания немощи и превращения немощи в мощь, слабости в силу, зависимости в независимость, растерянности в уверенность.

М. А. Антипов

ПГПУ им. В. Г. Белинского

ЖИЗНЕННЫЙ МИР СОВРЕМЕННОЙ ЛИЧНОСТИ КАК МИР СИМУЛЯКРОВ

Недавно, на одном из интернет-форумов, я случайно прочитал заметку о собственной жизни одного человека – типичной личности: мужчины в возрасте 30-35 лет, женатого, имеющего детей, вполне успешного в профессиональной сфере, со средним уровнем материального достатка. Он пишет: «Жизнь настолько быстро проходит мимо меня, что я не успеваю ничего, кроме работы. Все время проходит за работой, на семью вообще времени нет: когда ухажу на работу, жена и дети еще спят, когда возвращаюсь, они уже спят. Забыл, когда последний раз пил пиво с друзьями».

В этом обыденном высказывании типичной для современного общества личности проявляется проблема, которая с полным основанием может быть

названа метафизическим симптомом – обеднение жизненного мира современной личности, потеря свободы, бегство от нее и отчуждение от основных экзистенциалов бытия – познания, коммуникации, творческого труда и любви. Единственным ориентиром современного человека становится материальный достаток, и все время уходит на его достижение, поддержание и приумножение. Человек тем самым отчуждается от подлинного бытия – бытия коммуникативно-творческого существа. Человек не успевает осмысливать происходящее с ним, наслаждаться жизнью, что невозможно без осмысленного существования.

Жизненный мир современной личности – это мир неподлинный, мир симулякров. Подлинная жизнь – это жизнь в соответствии с сущностью человека, заключающейся в его свободе. Под свободой мы понимаем возможность человека творить, возможность любить, возможность коммуникативного общения и возможность познавать новое. Свобода не бывает абсолютной: человек познает, творит и любит в заданных ему условиях, поскольку он «заброшен» в среду, и не волен выбирать те условия, в которых он бытийствует. Творчество в труде, коммуникативное общение, любовь и познание делают существование человека подлинным, осмысленным, помогают ему преодолевать все трудности, все невзгоды, помогают ему достойно и осмысленно встретить смерть, не сокрушаясь о прожитой жизни.

Удел человека XXI века – стремительная погоня за достатком. Идеалы либерализма и «рынка» привились в нашем обществе совсем не в том виде, в котором они представлены в философских учениях, в которых отражались чаяния и надежды их авторов на справедливое общественное устройство. Вульгаризация идеи свободы привела к формированию в современном российском обществе эгоизма, бездуховности, преобладанию материального начала над духовным. Жизнь типичной личности в нашем обществе емко выражена в строках песни одной из молодежных «альтернативных» групп:

Квартира, карьера, жена и любовница —
Жизнь удалась, и думать не хочется.
Светский прием для солидных господ,
Сытая старость и бархатный гроб [4].

Каждый стремится к денежному обогащению и бытовому благополучию, не задумываясь о духовности, о смысле жизни и смысле смерти, о всеобщем благе и тому подобных «высших материях».

Эта погоня за «золотым тельцом» усугубляется гиперинформатизацией современной социальной жизни и чрезмерным ускорением ее темпа. Жизнь современного человека наполнена каждодневными делами, но все эти дела монотонны и связаны либо с работой, либо с домашними делами. Из таких

повседневных дел складывается весь жизненный мир современной личности, в котором не остается ни места, ни времени для творчества в труде, коммуникативного общения, любви и познания. Я не хочу сказать, что материальный достаток не должен быть важным для человека, и не стою на позициях аскетизма, но наряду с заботой о благоустройстве быта необходимо «наводить порядок» и в собственной душе, искать ответы на вечные вопросы, любить, творить, общаться. Реальность такова, что истинные экзистенциалы бытия замещаются симулякрами: подлинная любовь – «любовью» за деньги, браком по расчету и виртуальной любовью, творчество – монотонным трудом и однообразными делами, коммуникативное общение – общением с посредством новейших информационных технологических средств. Познание замещается погружением в поп-культуру, потреблением огромной массы ненужной информации: чтением бульварной литературы, желтой прессы, просмотром второсортных фильмов и телевизионных передач, прослушиванием безыдейной и безвкусной «популярной» музыки.

Человек поначалу чувствует себя комфортно среди таких симулякров, но рано или поздно к нему приходит разочарование в такой «неподлинной» жизни: приходит понимание того, что денег никогда не будет хватать, сколько бы их не было, монотонная работа надоедает, брак не по любви рано или поздно «дает трещину», продукты поп-культуры начинают казаться все более и более однообразными и искусственными. Но самое значительное воздействие на человека, «вырывающее» его из мира симулякров и возвращающее в мир «подлинностей», является, как бы это абсурдно ни звучало для обывателя, оказывает смерть. Смерть близкого или ожидание скорой собственной смерти заставляет человека по-новому взглянуть на жизненный мир, отсеять «зерна от плевел», смерть, по выражению одного известного волонтариста, представляет собой «катализатор бытия».

Но почему человек предпочитает бытийствовать в мире симулякров? Человек предпочитает мир симулякров подлинному миру, так как страшится ответственности, неотрывно сопровождающей свободу подлинного бытийствования. Симулякры не предполагают такой ответственности, и человеку бытие среди них кажется проще. Такова природа человека – бежать от ответственности, а значит и от свободы в мир симулякров, являющий собой источник материального обогащения для определенной части общества. Стремление к достатку и обогащению, не «облагороженное» идеями заботы о других, достижения истинного бытия приводит к созданию все новых и новых симулякров. Выгодно, когда масса бездумно потребляет продукты поп-культуры. Выгодно, когда люди заняты монотонным трудом, так как однообразие приводит к автоматизму в выполнении рабочих операций. Выгодно, когда возможность реализации потребности в общении невозможна без соответствующих коммуникационных средств.

Человек несет ответственность прежде всего за свою жизнь как основную форму бытия-в-мире. Жизнь это величайшая ценность, и основная цель человека – ее сохранение и приумножение. Вместе с жизнью человеку дается множество потенциальных возможностей, также новые возможности открываются перед человеком в процессе его существования как живого создания. Саму человеческую жизнь можно представить как процесс, состоящий из обретения и реализации или «нереализации» потенциальных возможностей. Если человек реализует имеющиеся жизненные возможности в полной мере, то он тем самым развивает себя, совершенствуется. Если же человек не реализует имеющиеся в нем потенциалы, не развивает их в себе, то о саморазвитии не может идти и речи.

Какие же возможности даны людям? Наряду с уникальными возможностями, которые не даются всем индивидам (например, стать наследником развитой финансовой империи (объективная возможность), или стать виртуозным музыкантом или великим художником (субъективные возможности)), можно выделить ряд универсальных возможностей, то есть возможностей, присущих почти всем членам общества. Универсальные возможности даются каждому вместе с рождением, они суть неотъемлемые компоненты жизни, экзистенциалы бытия, о которых шла речь выше. Лишь в том случае, если такие возможности реализуются индивидом в полной мере, жизнь является по настоящему ценной, является полной, интересной, насыщенной. Жизнь тех индивидов, кому не удастся реализовывать эти возможности, ограничена, скудна, малоценна, зачастую заканчивается трагически.

Человек рождается с потенциальной возможностью найти свою вторую половину, любить, реализовать репродуктивную функцию, либидо заложено в каждого индивида природой, без него не было бы жизни на Земле, одни поколения не сменяли бы другие. Реализовать эту возможность в течение бытия – одна из задач, которые ставятся перед человеком самой жизнью. Бытует точка зрения, что индивид становится по настоящему зрелой личностью, только с того момента, когда у него появляются дети, и он начинает нести ответственность не только за себя, но и за них.

Человеку также изначально присуща возможность продуктивной деятельности, труда, творчества, причем под творчеством я понимаю не деятельность в сфере искусства, а создание чего-то нового, ранее не существовавшего: нового материального предмета или новой идеи. Человек реализует себя в созидательной деятельности, в ходе ее он развивается, совершенствуется, оттачивает свои навыки. Именно, в этом, как уже было сказано, и состоит богоподобие человека. Стоит взглянуть на людей, которые не реализуют данную возможность, не занимаются созидательной, продуктивной деятельностью, и сразу видно, что отказ от реализации данной возможности ведет к личностной деградации и опусканию человека до животного уровня.

В обосновании значимости творчества в жизни человека полезным может быть обращение к мнению по данному вопросу Н.А. Бердяева. Создание Богом человека, писал он, есть творческий акт, Бог – некая творческая сущность, человек – сущность тварная, однако он может приблизиться к Богу, и подобен Богу в творчестве, в деятельности по реализации своей программы действий, реализации себя, проявлению различных форм активности.

Сущностной потребностью человека, несмотря на его индивидуальность, является его социальность или интегрированность в социальный мир, в гибкую систему социальных связей и отношений, будучи социальным существом, осуществляя процесс общения с другими членами общества, человек получает необходимые ресурсы для своего существования. Но взамен за это он делает свой вклад в развитие социальной жизни. Помимо этого общение само по себе является одной из потребностей человека. Лишаясь этой возможности, человек перестает быть человеком в полном смысле этого слова. Религиозный экзистенциалист Мартин Бубер писал о том, что «Нет Я самого по себе, есть только Я основного слова Я – Ты и Я основного слова Я – оно» [1, с. 16]. Человек раскрывается только в общении или, как писал Бубер, в диалоге с другими.

Говоря о познании как стороне жизни человека, необходимо обратить внимание и на потребность человека в осмыслении жизненного мира. Человек изначально создан как единственное существо на земле, которое ищет смысл своей жизни, и этот смысл является его опорой, компасом, который ведет человека по жизненному пути. Как писал Эрих Фромм, «человек – единственное существо, которое способно испытывать скуку, недовольство, переживать состояние изгнанности из рая, то есть такое существо, для которого собственное существование является проблемой, от которой он не в силах уйти». [3, с. 46-47] Камю считал вопрос о смысле жизни «самым неотложным из всех вопросов» [2, с. 223].

Ответственность человека проявляется прежде всего в реализации этих универсальных возможностей. Человек сам выбирает, реализовывать ему их или нет, но он несет всю полноту ответственности за свой свободный выбор.

Литература

1. Бубер М. Я и ты // Два образа веры – М.: Республика, 1995. – 464 с.
2. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Сумерки богов: [сборник] / Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм и др. / Составление и общая редакция А. А. Яковлева [текст] / А. Камю – М.: Политиздат, 1989 г. – 398 с.
3. Фромм Э. Душа человека [текст] / Э. Фромм – М.: Республика, 1992 г. – 430 с.
4. Кубов Т., Малашкевич И. «Антиромантика» // группа I.F.K. альбом I.F.K. 2004 – фирма грамзаписи «Никитин», 2004 г.

«ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА»: ПОДХОДЫ К ТОЛКОВАНИЮ

В последней четверти XX в. человечество вступило в новую стадию своего развития – в эпоху информационного общества со всеми его достижениями, противоречиями и конфликтами, а, следовательно, появились и особенности в системе коммуникации и взаимодействия людей. Появился и термин «информационная культура» как отражение тенденций развивающегося общества.

Термин «информационная культура» в отечественных публикациях впервые появился в 1970-х гг. в публикациях библиографоведов, библиотековедов, книговедов.

С конца 1980-х годов проблемами информационной культуры заинтересовались обществоведы, философы, специалисты в области философии информации. Привлечению внимания научной общественности к феномену информационной культуры способствовало издание в серии «Эврика» книги профессора Московского историко-архивного института Г. Г. Воробьева «Твоя информационная культура» (1988 г.) Популяризации понятия «информационная культура» способствовала также и книга А. П. Суханова «Информация и прогресс» (1988), содержащая отдельную главу «Информационная культура».

В последующие годы в публикациях философов А. А. Виноградова, А. И. Ракитова, Э. П. Семенюка, А. Д. Урсула и других специалистов это понятие стало приобретать категориальный статус и использоваться в широком специально-научном и философском контексте.

Интерес к феномену информационной культуры только увеличивается, однако, вопрос об интерпретации понятия «информационная культура» до сих пор остается не решенным. Позиции различных ученых, в соответствии с их взглядами и полем деятельности, базируются на различных основаниях и подходах к определению данного феномена. Это лишь подчеркивает сложность и разноплановость проявлений информационной культуры в современном обществе. Так М. Г. Вохрышев и Ю. С. Зубов определяют информационную культуру как информационные качества личности, Н. Б. Зиновьева интерпретирует этот феномен как «гармонизацию внутреннего мира личности в ходе освоения всего объема социально значимой информации». Другие толкуют это понятие как информационную деятельность (И. Г. Хангельдиева) [14] или как «информационную деятельность аксиологического характера, т. е. обусловленную ценностями культуры» (А. А. Гречихин) [4]. Иногда информационную культуру связывают с определенным уровнем знаний, «позволяющих человеку свободно ориентироваться в информационном пространстве,

участвовать в его формировании и способствовать информационному взаимодействию» (Е. А. Медведева) [7], с новым типом общения (В. Н. Михайловский). Встречается понимание информационной культуры как характеристики уровня развития общества (Т. Н. Соснина) [13]. Такой разницей в понимании информационной культуры отражает как уровень ее осмысления в социально-философской и культурологической литературе, так и сложность и разноплановость этого феномена. Попробуем в данной статье осветить существующие подходы к пониманию сущности и места информационной культуры в современных условиях.

Анализируя информационную культуру, И. А. Негодоева использует системный подход, который позволяет связать воедино различные аспекты проявления этого феномена. Само словосочетание «информационная культура», по мнению И. А. Негодоевой, представляет собой синтез таких категорий как информация и культура. Информация и культура могут быть представлены как две взаимопересекающиеся сферы, в зоне которых образуется пространство, обозначаемое как информационная культура. Это культура взаимодействия человека с информацией на уровне общества и личности.

Сравнив такие категории, как информация и культура можно обнаружить их сходства и различия. Информация и культура – два феномена, у которых существуют много общих черт. К этим чертам, прежде всего, следует отнести их глобальность, универсальность, которые выражаются в наличии у них связей с самыми различными формами человеческой жизнедеятельности. Информация и культура как бы пронизывает разные способы человеческой деятельности, обеспечивая ей такие характерные черты как творческий характер, целеполагание и др. Другой сходной чертой можно назвать взаимообуславливающее существование информации и культуры: культурные процессы реализуются через информационные, – и наоборот. Культура может эффективно воздействовать на человека и общество лишь через механизм сбора и распространения информации о наличной среде, в которых она функционирует и о самой культуре. Еще одно сходство можно обнаружить в формах существования этих феноменов – для информации, как и для культуры характерны существование в семиотических знаковых системах. Основным продуктом культуры являются артефакты, которые одновременно имеют и информационную значимость. Наконец, информация и культура образуют органическое единство в процессе образования. Культура и информация представляют собой единое многообразное целое.

Однако это единство диалектически противоречиво и включает различие. Различие между информацией и культурой заключается в способах освоения мира. Информация отражает мир в знаковой форме, имеющей численное значение. Артефакты культуры могут выступать в виде художественных образов, нравственных норм и других специфических культурных феноменов. Различ-

ны и сами внутренние идеи развития: для культуры – философско-эстетические нормы, для информации – научно-технические элементы.

Противоречивое единство информации и культуры является конкретным проявлением противоречия между технократией и культурой, которое характерно для современного общества. Возникает парадоксальная ситуация: с одной стороны, происходит широкое внедрение передовой техники и технологии, с другой – острая критика технократии. Это парадоксальное положение, однако, лишь подтверждает наличие существенной связи между культурой и техникой. Лучшим олицетворением этой связи является информационная культура.

И. А. Негодоева, опираясь на системный подход к изучению информационной культуры, выделила два аспекта – социологический и технологический. Социологический аспект предполагает рассмотрение информационной культуры как социокультурного феномена. В социокультурном смысле информационная культура – это совокупность принципов и реальных механизмов, обеспечивающих позитивное взаимодействие этических и национальных культур, их соединение в общий опыт человечества. В этом аспекте информационная культура является элементом общей культуры человечества, важнейшим средством формирования мирового культурного сообщества, создания мирового информационного пространства. Она определяет уровень информационного общения – принципиально новые формы связей без личного присутствия индивидов, в режиме диалога. В эпоху информатизации общества информационная культура представляет собой готовность к освоению нового образа жизни на базе использования информации, построение новой (информационной) картины мира и определение своего места в этом быстро изменяющемся мире. Как часть общей культуры личности информационная культура должна усвоить этику и эстетику, эргономику и вопросы информационной безопасности (как в смысле защиты информации, так и в смысле защиты человеческой психики).

Эту позицию поддерживают многие авторы, определяя информационную культуру как «систему информационных ресурсов общества на данном этапе исторического развития, а также совокупность знаний, умений, норм, правил, ценностей, связанных с созданием этих ресурсов и выполнением информационной деятельности» (М. Я. Дворкина) [5]; «методический аппарат оперирования социальной информацией, сложившийся в ходе эволюции общества и накопивший в себе все многообразие способов взаимодействия человека и информации» (С. М. Оленева). «Информационная культура характеризует уровни развития конкретных обществ, народностей, наций, а также специфических сфер деятельности (например, культура труда, быт, художественная культура). Информационная культура неразрывно связана со второй (социальной) природой человека. Она является продуктом его творческих способностей, выступает содержательной стороной субъект-субъектных и объект-объек-

тных отношений, зарегистрированных при помощи различных материальных носителей» (Т. Н. Соснина, П. Н. Гончуков).

В технико-технологическом смысле информационная культура – это оптимальные способы обращения со знаками, данными, информацией и предоставление их заинтересованному потребителю для решения теоретических и практических задач, механизмы совершенствования технических средств производства, хранения и передачи информации. В таком понимании она является показателем не общей, а скорее профессиональной культуры. В этом аспекте информационная культура – это знание о способах получения, обработки, хранения, выдачи и использования информации, а также умение целенаправленной работы с информацией для ее использования в практических целях. Для саморазвития в этом направлении информационная культура вбирает в себя знания тех наук, которые способствуют ее развитию и приспособлению к конкретному виду деятельности. К их перечню можно отнести кибернетику, информатику, теорию информации, математику, теорию проектирования баз данных и ряд других дисциплин, требующих от человека формирования определенного стиля мышления.

На этом аспекте рассматриваемого феномена также акцентируют свое внимание многие авторы, давая следующие определения информационной культуре: «информационная культура – комплекс знаний, умений и навыков специалиста по организации научно-информационной деятельности» (С. М. Бородин) [2]; «информационная культура отражает степень владения специалистом основами знаний в области методов и технологии работы с информацией, а также наличие опыта, навыков выполнения информационных процедур. В практическом плане это означает знание организации информационных процессов, владения приемами поиска, сбора, обработки, анализа и синтеза информации, умения применить технические средства, используемые в информационном процессе» (Н. И. Гердина) [3]. В этих определениях подчеркивается роль субъекта, в качестве которого выступает специалист, профессионал в своем деле.

Следует отметить, что информационная культура на сегодня еще является в основном показателем не общей культуры в ее социотехническом аспекте, а профессиональной культуры. Умение работать с информационной техникой часто сочетается, в лучшем случае, со знанием информатики, математики и английского языка – т. е. тех областей знания, которые обеспечивают практическое взаимодействие человека с техническими средствами получения и выдачи информации. Однако, рассматривая информационную культуру более широко, следует сказать, что общие методы представления знаний и умений не следует искать лишь в около компьютерной ситуации. Реальная область применения информационной культуры гораздо шире, диапазон ее содержания гораздо богаче.

Представляя по своему содержанию органическое целое, современная информационная культура предстает как степень совершенства человека, общества в целом или определенной его части по использованию информации во всех возможных формах жизнедеятельности.

Говоря о современных тенденциях формирования понятия «информационная культура», И. С. Никитина также обращается к вышеупомянутым понятиям «информация» и «культура», и на их основе предлагает выделить «культурологический» и «информационный подходы» к трактовке этого понятия [9].

В рамках культурологического подхода информационная культура рассматривается как способ жизнедеятельности человека в информационном обществе, как составляющая процесса формирования культуры человечества. Этот подход по своему содержанию напоминает описанный выше социологический аспект информационной культуры, с той лишь разницей, что культурологический подход охватывает более разнообразные аспекты человеческой жизнедеятельности, поднимаясь от уровня национальных культур до уровня формирования культуры всего человечества.

В рамках информационного подхода большинство исследователей таких, например, как С. А. Бешенков, А. П. Ершов, А. А. Кузнецов, Н. В. Макарова, Е. А. Ракитина подразумевают совокупность знаний, умений и навыков поиска, отбора, хранения и анализа информации, то есть всего того, что включается в информационную деятельность, направленную на удовлетворение информационных потребностей.

В последнее время усиливается тенденция к целостному рассмотрению информационной культуры личности с позиции интеграции ее информационного и культурологического компонентов. Вследствие этого информационная культура рассматривается как одна из граней общечеловеческой культуры, связанная с социальной природой человека и являющаяся продуктом его разнообразных творческих способностей.

Исходя из такой интерпретации информационной культуры можно говорить о ее истории насчитывающей не десятки и сотни лет, а тысячелетия. Точкой отсчета можно признать момент смены формального отношения к сигналу ситуации, которое было свойственно животному миру, на содержательное, свойственной исключительно только человеку. Обмен содержательными единицами послужил основой для развития языка. До появления письменности становление языка вызвало к жизни обширную гамму вербальных методик, породило культуру обращения со смыслом и текстом. Письменный этап концентрировался вокруг текста вобравшего в себя все многообразие устной информационной культуры.

Информационная культура человечества в разное время потрясали информационные кризисы. Один из наиболее значительных количественных инфор-

мационных кризисов привел к появлению письменности. Устные методики сохраняя знания не обеспечивали полной сохранности растущих объемов информации и фиксации на материальном носителе, что породило новый период информационной культуры – документальной. В ее состав вошла культура обращения с документами: извлечение фиксированного знания, кодирование и фиксация информации: документографического поиска. Оперирование информацией стало легче, претерпел изменения и образ мышления, но устные формы информационной культуры не только не утратили своего значения, но и обогатились системой взаимосвязи с письменными.

Очередной информационный кризис вызвал к жизни компьютерные технологии, модифицировавшие носитель информации и автоматизировавшие некоторые информационные ресурсы.

Современная информационная культура вобрала в себя все свои предшествовавшие формы и соединила их в единое целое. Как особый аспект социальной жизни она выступает в качестве предмета, средства и результата социальной активности, отражает характер и уровень практической деятельности людей. Это результат деятельности субъекта и процесс сохранения созданного, распространения и потребления объектов культуры.

К. Р. Овчинникова говорит о деятельностном и личностном подходах к понятию информационная культура [10]. Деятельностный подход рассматривает культуру вообще и человека как субъекта деятельности через призму активной творческой деятельности. В современных условиях культурный уровень человека определяется его информационной культурой, которая предполагает не только определенные знания, но и определенные приложения этих знаний для чего-либо, в связи с чем-либо и совершенствование их в процессе той или иной деятельности, связанной с информацией. Важно отметить, что приложение и совершенствование знаний значимо только в творчестве, реализованном в любой сфере человеческой жизнедеятельности. А потому мотивы творчества, мотивы этой деятельности человека являются естественной психологической компонентой такой характеристики личности, как ее информационная культура.

Информационная культура, представляя собой систему, имеет системообразующее ядро, которым является информационная деятельность. Информационная культура связана с социальной природой человека. Она является продуктом разнообразных творческих способностей человека и проявляется в следующих аспектах:

- 1) в конкретных навыках по использованию технических устройств (от телефона до персонального компьютера и компьютерных сетей);
- 2) в способности использовать в своей деятельности компьютерную информационную технологию, базовой составляющей которой являются многочисленные программные продукты;

3) в умении извлекать информацию из различных источников: как из периодической печати, так и из электронных коммуникаций, представлять ее в понятном виде и уметь ее эффективно использовать;

4) во владении основами аналитической переработки информации;

5) в умении работать с различной информацией;

6) в знании особенностей информационных потоков в своей области деятельности.

В рамках данного подхода можно определить место информационной культуры в общей картине. Ведущим звеном здесь является активное творческое деятельностное начало, носителем и выразителем которого является человек. Инструментом для осуществления этой деятельности информационная культура с ее богатством возможностей и широкими перспективами для дальнейшего развития.

Взглянув на эту ситуацию немного с другой стороны, К. Р. Овчинникова акцентирует внимание на личностном подходе. Она переводит свое внимание на субъект деятельности – личность человека. Творчество есть прерогатива свободной, способной к саморазвитию личности, есть способ «личностного» существования в противоположность обезличенному действию, которое в своем предельно «очищенном» виде убивает личность. Не существует обезличенной деятельности, это абстракция. В условиях жизни личностное и деятельностное начала взаимно обогащают друг друга, и могут развиваться только друг через друга.

Творческая личность реализует сама себя, ее нельзя, как любую личность сформировать, а можно только воспитать. О необходимости приоритетного развития творческого мышления, более того, о воспитании такого мышления говорил еще классик психологии и философии Д. Дьюи [1], который утверждал, что «первым ростком в воспитании мышления является активность, особенно интеллектуальная», а на современном этапе развития общества это становится просто насущной необходимостью, ключом для успешной адаптации к быстроменяющимся условиям существования. Интеллектуальную активность, можно назвать, одним из проявлений творческого начала в деятельности личности. Ее внешним проявлением может быть, например, интеллектуальная инициатива, которая понимается как продолжение мыслительной деятельности за пределами определенной ситуации.

Деятельностный и личностный подходы к понятию информационной культуры личности не противоречат друг другу, а взаимно обогащают и дополняют. Связующим звеном между ними является творчество. Для возникновения и реализации творческой деятельности необходимо формировать способность к такой деятельности, что в свою очередь предполагает воспитание креативного стиля мышления, наличие которого отличает информационно—культурного человека.

Описанные подходы с различных позиций освещают информационную культуру. Каждый расставленный акцент имеет свое обоснованное место в социальной системе. Следует отметить, что в каждом из подходов можно наблюдать не противоборство, взаимоисключаемость аспектов, а их диалектическое сочетание, взаимодополнение и обогащение. Только таким способом можно отобразить сложный и всепроникающий характер описываемого феномена. Ведь информационная культура будто тонкими нитями пронизала и скрепила все социальные структуры информационного общества. явилась в виде технических средств, особого вида реальности – виртуальной, нового стиля и образа жизни и мышления.

Литература

1. Атаян А. Информационная культура личности в условиях информатизации общества. – М., 2004.
2. Бородин С. М. Психологические барьеры формирования информационной культуры специалистов.// Психологические и социологические аспекты деятельности научно-технических библиотек и служб научно-технической информации: Тезисы докладов семинара. 28-30 окт. 1986г. – Рига, 1986. – с-32-33
3. Гендина Н. И. Дидактические основы формирования информационной культуры // Школьная библиотека, 2002.- № 7. – с. 25
4. Грехин А. А. Информационная культура: Опыт типологического определения.// Проблемы информационной культуры: Сб. ст. / Под ред. Ю.С. Зубова, И.М. Андреевой. – М., 1994. – с-15
5. Дворкина М. Я. Культура чтения и информационная культура // Проблемы формирования культуры чтения: Материалы Всерос. науч. конф. 25-27 ноября 1994 г. / ТГИК. – Тамбов, 1994. – с. 11–13)
6. Дьюи Д. Психология и педагогика мышления. М. Совершенство, 1997.
7. Медведева Е. А. Основы информационной культуры. // Социс 1994 №11 с-59
8. Негодоева И. А. Информатизация культуры. Ростов-на-Дону 2002.
9. Никитина С. И. Современные тенденции формирования понятия «информационная культура». / Международная научно-практическая конференция «Информационные технологии в образовании» («ИТО-Поволжье-2006») Сборник трудов.
10. Овчинникова К. Р. Информационно-компьютерная культура в контексте готовности личности к самообразованию. Материалы научной конференции «Гражданское образование в современной школе», ЧелГУ,1998, с.99–107.
11. Оленев С. М. Информационная культура на рубеже тысячелетий. – Краснодар, 1999.
12. Полякова Т. А. Информационная культура. // Мир библиографии. 1998 №2
13. Соснина Т. Н., Гончуков П. Н. Словарь трактовки понятия «Информация». – М., 1997. с. 48
14. Хангельдиева И. Г. О понятии “информационная культура” // Информационная культура личности: прошлое, настоящее, будущее: Междунар. науч. конф., Краснодар – Новороссийск, 23–25 сент. 1993 г.: Тез. докл. – Краснодар, 1993.

ФИЛОСОФИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Теория социальной работы как область знания находится в стадии своего формирования и развития. При этом следует различать науку о социальной работе и теорию социальной работы, поскольку наука содержательно более широкое понятие. Наука о социальной работе включает теоретический и практический аспекты. По мнению В. Н. Ярской, теоретический аспект включает в себя философию социальной работы. Предметное поле философии социальной работы образуют социо-антропологические феномены, феномены общественных отношений, отягощенных социальными и индивидуальными неравенствами потенциалов, жизненных сил и возможностей для их реализации [1].

Философия социальной работы рассматривает вопросы, касающиеся нескольких аспектов: связанности теории и практики социальной работы со смысловыми проблемами личности; общественной жизни человека, его включенности в конкретную социальную среду; взаимосвязанности теории социальной работы, внеучного знания (культурные традиции, житейские представления) и ненаучных представлений (религиозные концепции). Помимо этого философия социальной работы уделяет внимание вопросам, касающимся выбору жизненного пути, самоопределения, проблеме субъективной темпоральности (временной параметр самосознания человека), и в зависимости от типа оценки времени личностью формируется определенный тип восприятия социальных трансформаций, уровень активности субъекта [2: 199]. Таким образом, философия выполняет функцию интеграции и синтеза знаний о человеке, рассматривая в системе вопросы смысла жизни и универсальные основания социального бытия.

Современная философия представляет собой неоднородно-единое явление. Профессор А. В. Канке выделяет четыре ведущие философские школы, которые, по его мнению, характеризуют общее состояние развития современной философии: аналитическая, феноменологическая, школа герменевтики, философская школа постмодернизма [3: 76]. Но, тем не менее, развиваясь в рамках различных школ и направлений, общей тенденцией становится привлечение внимания философского знания к проблемам личности, развития и актуализации, т.е. гуманистическое направление, а также вопросы смысловых установок, поиска человеком своего пути, рассматриваемые в русле экзистенциальной психологии. Актуальность вопросов о самоопреде-

лении личности, поиске смысла жизни связана с ускорением темпов жизни, нарастанием социального неравенства и усилением роли личности в обществе, повышении внимания к проблемам социально-уязвимых категорий населения. Особое внимание стоит уделить также накоплению определенной теоретической базы в области социальной работы, научному осмыслению практической деятельности, а также проводимым социологическим и психологическим исследованиям. Разделение философского смысла социальной работы по двум направлениям является следствием переосмысления социальных возможностей, стремления принципиально изменить систему оказания помощи, провести такие социальные изменения, которые способствовали бы предотвращению социальных болезней, и наряду с помощью приводили к снижению уровня социального неблагополучия.

В области исследований в социальной работе следует отметить, что в основном они осуществляются в рамках смежных наук – социологии, психологии, педагогики. В методическом плане вплоть до 70-х годов XX века доминировали социально-ориентированные исследования с репрезентативными опросами, с одной стороны, и психологически направленные разработки на основе эксперимента и тестов, с другой.

В настоящее время происходит адаптация заимствованных методов исследования к конкретным проблемам социальной работы, можно сказать, что в целях развития собственных исследований в области социальной работы необходимо больше внимания уделять качественным методам исследования, поскольку они позволяют произвести смысловой анализ ситуации клиента, больше ориентированы на субъекта, помогают вскрыть контекст конкретного события и подобрать методы для дальнейшего исследования. Создание специальной научно-исследовательской базы в науке о социальной работе переводит её из разряда заимствующей в самостоятельную область научного знания.

Литература

1. Философия социальной работы / Под ред. В.И. Митрохина. Изд-во МГСУ – М.: СОЮЗ, 1998 г.
2. Ежов О. Е., Печенкин В. В., Ярская В. Н., Яковлев Л. С. Пространство и время социальных изменений. Курс лекций. / Учебное издание. Москва-Саратов, 2003 г.
3. Канке В.А. Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия. М.: Логос, 2000 г.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

М. А. Лыгина

ПГПУ им. В. Г. Белинского

СПЕЦИФИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ, ПОПАВШИХ В ТРУДНУЮ ЖИЗНЕННУЮ СИТУАЦИЮ

Новым направлением в воспитании и обучении детей-инвалидов является инклюзивное образование. Если на Западе оно развивается уже в течение 20 лет, и наибольших успехов достигла Канада, то мы пока еще идем маленькими шагами в этом направлении. Инклюзивное, или интегративное, образование – это «включающее» образование, когда ребенок полностью включается в образовательный процесс. Еще в дошкольный период Центр совместно с образовательным учреждением должны помогать ребенку и родителям влиться в коллектив сверстников, адаптироваться в нем, и в дальнейшем перейти в общеобразовательное учреждение и получать знания наравне с другими детьми. Здесь требуются дополнительные финансовые затраты, ведь каждому такому ребенку необходим специально подготовленный человек, который сопровождает его в течение всего учебного процесса, помогает выполнять задания, взаимодействовать с педагогами и учениками. Необходимо в дальнейшем в каждом районе города создать образовательную «вертикаль»: детский сад – центр – общеобразовательная школа. При этом у родителей появляется выбор: либо интернат, либо коррекционная школа, либо общеобразовательная массовая школа с инклюзивной системой.

Решение задачи обеспечения равных стартовых возможностей детей дошкольного возраста при поступлении в школу требует организации дошкольной подготовки детей, не посещающих дошкольные образовательные учреждения. В связи с этим представляется целесообразной организация ДОО особого вида (или Службы), осуществляющих дошкольную подготовку детей 5–7 лет, воспитывающихся дома.

Такая служба может быть организована в центре социальной помощи семье и детям, либо в реабилитационном центре для детей с ограниченными возможностями. Для этого нужно произвести синтез опыта работы по воспитанию детей-инвалидов отделения по реабилитации инвалидов и опыта работы по обучению инвалидов в образовательных учреждениях. Такая служба будет служить связующим звеном между первым и вторым учреждениями.

Служба состоит из 2 отделений:

1. Отделение стационарной работы с детьми-инвалидами.

2. Отделение надомного обслуживания детей-инвалидов с обязательной организацией работы с родителями детей-инвалидов.

Цель работы службы – это оказание детям-инвалидам квалифицированной социально-педагогической помощи, организация их дошкольного воспитания и образования в стационарных и домашних условиях, привлечение родителей к обучению их детей и организация подготовки детей к школе.

В стационарном отделении службы работают с детьми с сохранным интеллектом, с физическими и медицинскими показаниями, позволяющими заниматься социально-педагогической реабилитацией. Реабилитация в стационарном отделении означает, что ребенок находится в Центре каждый день в течение рабочей недели в дневное время. Стационарные группы комплектуются при наличии нескольких детей одного возраста. Работа с детьми в домашних условиях ведется в том случае, если у ребенка сохранен интеллект и его физические и медицинские показания позволяют заниматься социально-педагогической реабилитацией, но характер его заболевания не позволяет ему покидать квартиру или создают трудности в его ежедневной транспортировке.

Возраст детей, которыми занимается отделение, колеблется от 3-х лет до 7 лет и старше в отдельных случаях. Здесь учитывается тот факт, что в связи с болезнью и поздним ее прогрессом развитие ребенка может довольно сильно расходиться с его возрастом (возраст детей-инвалидов, у которых начались улучшения, после которых они могут обучаться, разный). Для таких детей создаются отдельные группы и особые программы.

Работу здесь можно вести в двух направлениях:

1. Индивидуальная работа. Она в свою очередь подразделяется на несколько компонентов:

1.1 Индивидуальная работа непосредственно с ребенком. Ребенок посещает персональные занятия разных специалистов. На этих занятиях каждый специалист работает по своим пунктам индивидуальной программы ребенка. Особенно это касается тех видов коррекции, которые требуют личностного подхода и индивидуальной работы. Например, работа дефектолога. Помимо того, что постановка звуков требует отдельной работы с каждым ребенком, то нужно учесть, что при работе с ребенком с заболеванием ДЦП, нужен соответствующий массаж, подбор наиболее подходящей позы.

1.2 Индивидуальная работа с ребенком и с его родителями. В процессе работы организуется сотрудничество между родителем и специалистом. В случае необходимости родитель может обратиться за помощью к специалисту. Особенно она актуальна для того, чтобы обучить родителей: адекватно воспринимать способности своего ребенка, уметь акцентировать внимание на первоочередных моментах в процессе коррекционной работы. Способность родителей правильно соизмерить тяжесть заболевания своего ребенка с его

интеллектуальными возможностями намного ускоряет коррекционный процесс, который осуществляется под непосредственным контролем специалиста и имеет несколько форм взаимодействия:

◆ Первая форма взаимодействия: специалист – родитель – ребенок. Здесь внимание специалиста акцентируется на подготовке родителей к взаимодействию с ребенком в процессе совместной работы. Все действия специалиста проецируются через родителя на ребенка. Данный вид деятельности требует от родителя непосредственного участия в практической деятельности, в ходе которой он овладевает навыками общения с ребенком и обучается элементам коррекционной работы. Данная форма работы подразумевает совместное пребывание в группе специалиста, родителей и ребенка. В ходе этого родители обучаются сочетанию различных форм реабилитационной деятельности с педагогическими занятиями по соответствующим возможностям ребенка программе. Родитель должен знать, что оценка общего состояния его ребенка в этом возрасте должна производиться с учетом физиологических функций у ребенка, созревание которых приходится именно на возраст от 3 до 5 лет. Учитывая такое обстоятельство необходимо помнить о том, что весь комплекс мер должен соответствовать интеллектуальному и физическому уровню ребенка и изменяться вместе с динамикой его развития.

◆ Вторая форма взаимодействия: специалист – ребенок – родитель. Данная форма заключается в непосредственной подготовке ребенка 5-7 лет к школьному обучению. Форма взаимодействия специалиста, родителей и ребенка изменяется. Родители приобретает статус «учителя», наставника, особенно в процессе подготовки к школе в домашних условиях. Для получения наиболее успешного результата родителю необходимо обладать основными теоретическими знаниями по педагогике.

Немаловажную роль в процессе подготовки играет форма ДЦП ребенка. С учетом ее особенностей регулируются временные рамки занятия, количество заданий и их сложность, ведется подбор предметов мебели, вспомогательного инвентаря.

В дошкольном возрасте у ребенка, в первую очередь, требуется развитие и закрепление навыков, приобретенных ранее: усидчивости, концентрации внимания, самостоятельности. Особый акцент в это время делается на подбор индивидуальной позы за письменным столом и ее корректировке в процессе подготовительных занятий. Имея в основе программу дошкольного воспитания, специалист, совместно с родителем, разрабатывает индивидуальный план подготовки ребенка к школе. Он учитывает все факторы, в особенности интеллектуальные возможности и тяжесть поражения ребенка. Подготовку к школе можно считать успешной в случае, если освоен минимум, определенный специалистом и соответствующий возможностям ребенка.

2. Групповая работа с детьми. На занятиях такого рода проводится развитие познавательной активности детей, развитие мелкой моторики рук. Специалисты развивают творческий потенциал, обучают общению, развивают сенсорные способности, а именно: формируют сенсорные эталоны, обучают способам обследования предметов, развивают аналитическое восприятие, формируют пространственные представления; тренируют наглядно-образное мышление: формируются и совершенствуются мыслительные действия, ведется работа над ориентировкой в пространстве с помощью планов и схем, развивают логическое мышление. Предусматривается развитие внимания и памяти.

На групповых занятиях следует применять нетрадиционные методики, например, музыкотерапия, ароматерапия, арт-терапия, игровая терапия. Кроме того, должны использоваться авторские методики, например “Игры для развитая мелкой моторики у детей с ограниченными возможностями” (Маслова Н. В.), “Сюжетно-ролевые игры в коррекционной работе с детьми с ограниченными возможностями” (дефектолог Е. Л. Кломина); “Дидактические игры и упражнения по сенсорному воспитанию в обучении детей с ограниченными возможностями” (О. Г. Зыкова); “Роль дидактической игры в реабилитации детей-инвалидов” (О. Г. Голубева).

Кроме того, на групповых занятиях можно организовывать подготовку к праздникам, к выступлениям детей. На таких занятиях дети учатся общению между собой.

Отделение надомного обслуживания детей-инвалидов с обязательной организацией работы с родителями детей-инвалидов.

Этот вид реабилитации очень актуален в условиях современной жизни, не адаптированной к потребностям инвалидов. Здесь можно работать по таким направлениям:

1. Подготовка родителей к воспитанию и образованию детей-инвалидов в домашних условиях. Это необходимое условие при работе в этом направлении, ведь родители здесь играют первостепенную роль. Специалист в одиночку, приходя несколько раз в неделю, не сможет достигнуть большого прогресса. Здесь можно предложить такой план работы:

- ◆ Сначала, если это необходимо, нужно провести работу с родителями по программе работы с родителями детей-инвалидов.

- ◆ Затем нужно начать обучение общению с ребенком, его воспитания в соответствии с его возможностями. Научить родителей быть помощниками специалисту и совместно разработать индивидуальную программу, по которой будут идти занятия.

- ◆ Затем можно перейти к обучению непосредственно. Здесь можно и нужно использовать, как и при индивидуальной работе с ребенком и с родителями в условиях стационара, такую форму взаимодействия, как специалист – родитель – ребенок.

2. Занятия с детьми в домашних условиях. На таких занятиях каждый приходящий специалист ведет корректирующую работу и воспитательную работу по своему направлению. Особенно это помогает педагогу. Он занимается с ребенком по тем же схемам, что и в стационаре, только с учетом его более тяжелого дефекта, его изолированности от других детей, и прямой помощью родителей или ее полным отсутствием.

Работа с родителями детей-инвалидов должна вестись в двух направлениях:

1. Индивидуальная работа с родителями. Она проводится в форме личных бесед родителей со специалистом. Здесь можно выделить следующие виды работы:

1.1 Работа по определению отношения родителей к болезни ребенка и к нему самому. Это можно сделать через обследование всех членов семьи, с помощью наблюдения за поведением родителей при общении с ребенком дома и в центре и при личных беседах без ребенка, кроме того, можно использовать анкеты и тесты. На основе собранной информации выбирается способ общения и работы с семьей.

1.2 Работа по формированию правильного отношения семьи к болезни ребенка – это один из главных факторов реабилитации аномальной личности. Нужно научить родителей и других членов семьи принятию ребенка таким, каков он есть, сочувствию ему, но не в виде жалости, а в виде желания и готовности создавать условия, стимулирующие его умственное, физическое и эмоциональное развитие. Ведь именно в семье и с помощью близких ребенок с ограниченными возможностями в состоянии включиться в жизнь – в мир ее звуков, запахов, тактильно-двигательных и зрительных ощущений, образов, предметов. Такая работа очень деликатна. Здесь должны работать одновременно несколько специалистов.

1.3 Работа по психологической помощи тем родителям, которые наиболее остро нуждаются в ней, у кого развивается депрессия или кто находится на грани срыва.

1.4 Работа по объяснению роли родителей в реабилитации ребенка-инвалида. И попытаться доказать что реабилитация немислима без участия семьи.

2. Групповая работа с родителями. Она так же немаловажна. Она может проводиться в виде:

2.1 Обзорных лекций, семинаров, на которых говорится о проблемах, сопровождающих жизнь ребенка с заболеванием ДЦП, о проблемах родителей таких детей и, что очень важно, рассказывается о способах решения этих проблем. На чтение лекций, помимо специалистов, следует приглашать родителей, которые могут поделиться своим богатым опытом в воспитании детей с ограниченными возможностями и рассказать о своих достижениях. Кроме того, так можно наглядно продемонстрировать то, чего можно достичь, если заниматься со своим ребенком.

2.2 Организации дискуссионных групп, в которых родители могут пообщаться между собой и обменяться опытом.

2.3 На групповых занятиях также важно доводить до сознания родителей, что их участие в работе с ребенком необходимо. Особенно это касается тех родителей, внутренняя позиция которых сводится к следующему: мое дело привести к вам ребенка, а уж вы делаете, что положено. Но не следует отрицать то, что и такие родители, в глубине души, заинтересованы в положительных сдвигах в состоянии ребенка. Этим нужно воспользоваться и приобщить их к работе.

2.4 Помимо учебных занятий можно устраивать праздники, экскурсии, чаепития, встречи, выставки, куда приглашаются все семьи. Каждое такое мероприятие заряжает положительными эмоциями родителей и детей.

Таким образом, если индивидуальные занятия и групповые занятия с родителями будут логическим продолжением друг друга, то у нас получится комплексное воздействие на родителей, что можно считать своеобразным мотивационным толчком родителей к участию в воспитании, коррекции, обучении своих детей.

Следовательно, можно и нужно помогать родителям справляться со своими эмоциями, осознать свое новое качество, раскрывать себя как родителя-профессионала. Вместе с другими профессионалами-специалистами такие родители сами смогут помочь своему ребенку не только физически справляться с болезнью, но и развиваться как личность, получающая необходимые знания, навыки, умения, раскрывающая свои способности, потенции.

Поиск эффективных форм коррекционной помощи детям с ограниченными возможностями связан с проведением целенаправленной работы по интеграции их в детское общество.

Интегрированное обучение предполагает овладение ребёнком с отклонениями в развитии знаниями, умениями и навыками в те же сроки, что нормально развивающимися детьми в соответствии с государственным образовательным стандартом. Так, уже 9 лет ведется обучение слабослышащих детей в классах коррекционно-развивающего обучения общеобразовательной школы № 16 г. Пензы. Дети с нарушениями опорно-двигательного аппарата занимаются в школе № 12 г. Пензы. Но остаётся необходимость в расширении сети образовательных учреждений, работающих в инклюзивном пространстве.

Руководители учреждений заявили о том, что помощь в психологическом сопровождении детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями им оказывают специалисты территориальных Центров. Следует отметить, что уже в настоящее время для эффективной работы по внедрению интегративного образования в каждом образовательном учреждении есть лицо, которое отвечает за данную проблему.

Педагогическая интеграция в данном опыте обрамляется социальной, т.е. до введения в массовую школу дети прошли социальную адаптацию в Центре, и этот процесс продолжается.

Постепенно сотрудники Центра передали вопросы обучения школе и родителям, оставив за собой сопровождение специалистов в форме информационно-консультативной поддержки. Психологи школы и Центра совместно решают вопросы прикрепления и перемещения из класса в класс учеников. Дефектолог консультирует учителей по вопросам оценочной системы учеников с умственной отсталостью, методике обучения по программе вспомогательной школы. Проводились совместные консилиумы, педагогические советы с приглашением родителей. Предстоит отработка всесторонне обоснованной системы показателей, технологии взаимодействия и сопровождения специалистов школы и Центра. Обсуждались появляющиеся проблемы низкой скорости фронтальной работы девочек в классе, заниженной требовательности педагогов, снисходительного отношения учителей, дополнительных факультативных занятий и профильного обучения.

Центр продолжает оказывать помощь семьям интегрированных детей. Все воспитанники получают медицинскую и профилактическую помощь и питание в Центре.

Для выяснения состояния дел по воспитанию и обучению детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья в образовательных учреждениях был проведен опрос руководителей, в котором приняли участие 9 респондентов. 2 директора знакомы с понятием «Интегративное образование» и положительно относятся к введению данной системы в образовательные учреждения. 2 руководителей понятие «Интегративное образование» применили только по отношению к использованию межпредметных связей, а один руководитель относится к интегративному образованию отрицательно. 4 руководителя не дали определения этому понятию, и соответственно не выразили своего отношения к этой системе обучения детей-инвалидов. Готовность принимать участие в мероприятиях интегративного плана выразили 3 руководителя. 5 человек из опрошенных, указали, что существует необходимость курсовой подготовки педагогов по работе с детьми-инвалидами, а также, оказания методической помощи педагогическим коллективам по организации работы с «особой» категорией детей. 1 образовательное учреждение готово принять детей-инвалидов с соматическими заболеваниями, незначительными проявлениями детского церебрального паралича, а также с нарушением слуха и речи.

Родители в основном положительно относятся к процессу инклюзивного обучения детей-инвалидов. Они говорят о том, что в массовых образовательных учреждениях не уделяют особого внимания нуждам детей-инвалидов, особенно обучающихся на дому. Общение школы с семьей «особого» ребенка ограничивается телефонными разговорами. Родители пишут о том, что необ-

ходимы дополнительные занятия с детьми, выходящие за рамки 8–12 часов надомного обучения, в том числе и таких специалистов как учителей-логопедов, педагогов-психологов. Они просят направить усилие на формирование более внимательного отношения детского коллектива и педагогов к тем детям-инвалидам, которые посещают школу, а также вовлекать «особых» детей в общественную жизнь класса и школы, заниматься профориентационной работой в соответствии с заболеванием ребенка. Также родители считают, что необходимо разнообразить меню школьников, имеющих хронические заболевания.

Был проведен опрос родителей детей-инвалидов с ДЦП и нарушением функций опорно-двигательного аппарата, которые длительное время обучаются на дому, с целью выяснения их информированности о наличии в школе безбарьерной среды и выяснения причин, почему ребенок не посещает образовательное учреждение при созданных для данной категории детей условиях. Выяснилось, что родители не информированы о существовании безбарьерной среды и возможностью посещения ребенком образовательного учреждения. 11 родителей считают, что если в учреждении будут созданы комфортные условия и обеспечен беспрепятственный доступ на всей территории школы, а также определен сопровождающий ребенка при передвижении, то их дети с удовольствием стали бы посещать школу. 4 респондентов из числа родителей ответили, что их дети настолько сильно больны, что ни при каких условиях не смогли бы посещать школу. 10 человек из опрошенных считают, что их дети не нуждаются в специальных технических условиях, они уже посещают школу 2-3 раза в неделю, обучаясь на дому. Но родители боятся отношения детского коллектива, если их дети будут посещать школу в обычном режиме.

Исходя из результатов опроса, можно сделать выводы о том, что необходимо уделять больше внимание информационной и просветительской работе среди всех участников образовательного процесса: руководителей и педагогов информировать о современных тенденциях воспитания и обучения детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья, о положительном влиянии на становление духовно-нравственных идеалов подрастающего поколения и формирования толерантных установок в сознании детей по отношению к людям, нуждающимся в повышенном внимании со стороны окружающих. Необходимо включать детей, длительно обучающихся на дому по состоянию здоровья, в общественную жизнь класса, школы, округа, используя современные Интернет-технологии.

Работу с родителями следует проводить как с равноправными участниками и партнерами образовательного процесса, информировать их об организации безбарьерной среды в образовательном учреждении, раскрывать перспективы обучения ребенка, его профориентации в соответствии с имеющимися заболеваниями. Также необходимо рассказывать родителям о воз-

возможностях развития ребенка в системах школы надомного обучения и дистанционной поддержки образования.

Инклюзивное образование является наиболее перспективным для детей-инвалидов, однако необходимо отметить, что главная проблема заключается в отсутствии законодательной и нормативной базы. Это приводит к трудностям в дополнительном финансировании, невозможности сокращения количества учеников в классе, как того требует инклюзивный образовательный процесс, и, как следствие – не получается включить в образовательную вертикаль большее число учреждений.

Начиная с 90-х годов прошлого века в России было принято более 300 нормативных правовых актов, направленных на защиту интересов детей-инвалидов. После принятия Конституции Российской Федерации эти права были закреплены в Семейном кодексе Российской Федерации, Основах законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан, а также в Законе Российской Федерации от 10 июля 1992 года № 3266–1 “Об образовании”, в Федеральном законе от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ “Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации”, в Федеральном законе от 10 декабря 1995 года № 195-ФЗ “Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации”, в Федеральном законе от 17 июля 1999 года № 178-ФЗ “О государственной социальной помощи” и других. Особое значение имеет Федеральный закон от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ “О социальной защите инвалидов в Российской Федерации”, определяющий государственную политику, в том числе и в области социальной защиты детей-инвалидов.

Вместе с тем ряд основополагающих требований международных актов в отношении детей-инвалидов пока еще не нашли своего отражения в российском законодательстве. По-прежнему отсутствует нормативно-правовое регулирование интегрированного (инклюзивного) образования и ранней коррекционно-педагогической помощи детям с отклонениями в развитии, патронатного семейного воспитания, независимого контроля за соблюдением прав детей. Кроме того, и законодательная база, определяющая деятельность органов местного самоуправления, не соответствует задачам защиты прав детей.

Г. Ю. Козина

ПГПУ им. В. Г. Белинского

ЗДОРОВЬЕ И ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ: ЦЕЛЕВЫЕ ПАРАМЕТРЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Количество и качество населения страны были и остаются основными факторами, определяющими экономический, военный, научный и промышленный потенциалы. Состояние здоровья населения, его достаточность и

качество во многом определяют ход социально-экономического развития страны. Поэтому здоровье населения в настоящее время является одной из фундаментальных характеристик цивилизованности общества, важнейшим элементом национального богатства страны [5, 16].

Здоровье населения – это, скорее всего, качественно-количественная характеристика жизнедеятельности социальной общности. Характеристика здоровья населения в статике и динамике рассматривается как интегральная оценка состояния здоровья людей (каждого в отдельности), составляющих это население. В то же время здоровье населения – это не просто сумма данных, отражающих результаты измерения морфофизиологических (антропометрических) и психофизиологических параметров человека, дополненная результатами лабораторно-инструментального обследования и субъективной оценкой индивидом своего здоровья (самочувствия) [11, с. 10].

Характерными признаками здоровья, определяющими процесс воспроизводства населения и ресурса для труда, являются такие демографические показатели, как продолжительность жизни, рождаемость и смертность, общая заболеваемость, уровень физического развития детей и взрослых.

В Российской Федерации основные показатели здоровья населения стали ухудшаться ещё с середины 60-х годов двадцатого столетия. За последние годы негативные тенденции в здоровье населения продолжают нарастать. Это обусловлено политической и социально-экономической нестабильностью, безработицей, продолжающимся «постарением» населения, неполноценной структурой и качеством питания, экологическим неблагополучием. Всё это в совокупности привело к сокращению ожидаемой продолжительности жизни, рождаемости, росту смертности, временной нетрудоспособности, инвалидности, снизило трудовой потенциал общества.

С середины 1990-х гг. численность населения РФ стала уменьшаться в абсолютном выражении. По данным Росстата, население России со 149,2 млн. человек в 1991 году сократилось до 142,3 в 2008 году. При таких темпах депопуляции, по прогнозу Росстата, численность населения к 2025 году составит 135 млн. человек. Прогноз ООН относительно России также пессимистичен: к 2050 году население России составит 90–100 млн. человек. Радужным является только прогноз Правительства РФ (согласно «Концепции демографической политики России до 2025 года») – к 2025 году предполагается, что россияне станут на 2 млн. больше, то есть 145 млн. человек.

По данным Росстата, численность населения уже к началу 2020 года составит 136,2 млн. человек, что на 7,3 млн. человек меньше, чем в 2005 году. И это при прогнозируемом росте рождаемости.

Ряд отечественных исследователей отмечали, что численность населения в пожилом возрасте к 2016 году превысит численность детей и подростков на 12,8 млн. человек, или на 62 %, что значительно ускорит процесс старения на-

ции [20]. Следует отметить, что международные нормы признают население страны «старым», если доля граждан в возрасте 65 лет и старше превышает 7 %. В настоящее время этот уровень в России составляет 13 % и имеет тенденцию повышения.

По прогнозам Росстата, в 2010 году число работающих и неработающих граждан сравняется. Экономические последствия «старения» населения окажут отрицательное влияние на воспроизводство, формирование и использование трудовых ресурсов, увеличат расходы на содержание нетрудоспособного населения, то есть пожилых и детей.

Факт, что дети – это будущее любой нации, любой страны, является самоочевидным. Именно поэтому по отношению к детям и женщинам определяется характер того или иного государства и общества.

В настоящее время серьезные опасения вызывает состояние здоровья детей, являющихся генофондом нации. Из 27 млн. здоровыми можно назвать лишь 300 тыс. юных граждан. По данным Минздравсоцразвития, чаще всего подрастающее поколение страдает болезнями органов дыхания, на втором месте идут заболевания желудочно-кишечного тракта, за ними – проблемы опорно-двигательной системы. 25–30 % детей страдают той или иной формой аллергии. По данным директора Научного центра здоровья детей РАМН Александра Баранова, в последние годы наблюдается деградация в физическом развитии детей и подростков: специалисты отмечают снижение силовых возможностей у мальчиков на 18 %, у девочек – на 21 %, а 20 % школьников имеют дефицит веса.

Кроме того, особую тревогу вызывает состояние репродуктивного здоровья подростков. Глава комиссии по здравоохранению Общественной палаты Леонид Рошаль так и отмечает, что «ситуация со здоровьем нынешних девочек и мальчиков, то есть будущих матерей и отцов, катастрофическая. За время обучения в школе их физическое состояние ухудшается в несколько раз. Так что около 50 % призывников «отбраковываются» по болезни. Иными словами, половина будущих отцов больны».

Во всех субъектах Российской Федерации проводятся коллегии, решением которых определяются основные направления и пути развития специализированной помощи детям, увеличения объемов и квот по высокоспециализированным (дорогостоящим) видам; разрабатываются планы оздоровления и реабилитации детей, подростков и молодежи по всем видам образовательных учреждений. Проблемы оздоровления детского населения завязаны в тугой узел в семейной политике, ориентированной одновременно как на полные, так и неполные семьи. В первую очередь необходимы исследования условий жизни семьи, происходящих в ней процессов, разработка комплексных программ, обеспечивающих государственную поддержку семье для реализации возможностей в осуществлении общественно значимых функций – воспита-

ние младших поколений, передача и умножение нравственного, духовного, экономического потенциала нации.

Для реализации этих целей по всей стране открываются государственные социальные службы по работе с семьёй, которые могли бы выявлять их потребности, оказывать консультативную, социально-медицинскую, психолого-педагогическую помощь, социальную поддержку в сложных жизненных ситуациях, прогнозировать потребности в социальной помощи, а также при содействии ученых разрабатывать социальные программы охраны семьи и защиты детства. Основными их задачами является содействие повышению нравственного, воспитательного потенциала и общей культуры семьи, формированию у неё здорового образа жизни, решению проблем самообеспечения. Для эффективной работы данных служб необходимо переосмыслить исторический социальный опыт работы в семьях, с детьми, накопленный Россией за долгие годы.

Подобные социальные службы существуют в различных странах мира на протяжении многих десятилетий. Содержание их работы во многом напоминает опыт нашей страны в 70-е годы двадцатого столетия, но базируется он на более мощной материально-технической базе и хорошо финансируется. Примером может служить Великобритания, где во всех графствах созданы Центры работы с семьей и детьми, которые активно взаимодействуют с другими социальными структурами. В каждом микрорайоне города есть своя социальная служба, объединяющая 10–12 социальных работников, которые посещают семьи, нуждающиеся в этом. Социальные работники поддерживают связь с Центрами дневного пребывания детей, Центрами усыновления детей, Центрами по работе с детьми-инвалидами, которых в каждом микрорайоне несколько. В этих Центрах помощь оказывают квалифицированные специалисты: психологи, педагоги, медики. Финансирует Центры в основном государство, но есть и такие, которые созданы на средства общественных фондов, на пожертвования богатых людей.

В настоящее время поддержка российских семей с детьми осуществляется в разных видах и формах. Основную её часть составляют прямые денежные выплаты. Они включают: оплачиваемый отпуск по беременности и родам, единовременное пособие по случаю рождения ребёнка, оплату отпусков по уходу за малолетними детьми, ежемесячное пособие по уходу за ребёнком до 1,5 лет, пособие по уходу за больным ребёнком и некоторые другие.

В Послании Президента РФ Федеральному собранию РФ от 10 мая 2006 года отмечается, что наиболее острой и актуальной в настоящее время является проблема демографии, а также указывается, что для её решения необходимо, первое – снижение смертности; второе – эффективная миграционная политика; третье – повышение рождаемости. Самое действенное – меры материальной поддержки. Именно последнее в рамках данного Послания развиваются и конкретизируются, а впоследствии и реализуются.

Так, в целях реализации послания Президента РФ в части стимулирования рождения или усыновления в семье второго и последующих детей принят Федеральный закон от 29 декабря 2006 года № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». В период с 1 января 2007 года и до 31 декабря 2016 года лицо, получившее государственный сертификат на материнский (семейный) капитал, может использовать его по своему усмотрению на приобретение жилья, получение образования ребёнком или формирование накопительной части пенсии.

Кроме того, в 2006–2007 гг. были приняты и уточнены иные меры социальной поддержки семей с детьми: введены ежемесячные пособия по беременности и родам и ежемесячные пособия по уходу за ребёнком для неработающих мам, введено единовременное пособие при всех формах устройства ребёнка на воспитание в замещающую семью, введены единовременные пособия для беременных жён военнослужащих, проходящих военную службу по призыву и ежемесячные пособия на ребёнка военнослужащего, проходящего военную службу по призыву.

Между тем, исследования показывают, что сведение социальной поддержки к денежным дотациям имеет ряд негативных моментов. Во-первых, денежные ресурсы ограничены, поэтому величина денежных дотаций невелика и явно не достаточна для поддержания должного уровня жизни женщин и детей. В целом, для того, чтобы создать семьям приемлемые условия для жизнедеятельности и выполнения основных функций, прежде всего для развития и воспитания детей, необходимо решить основные задачи социальной защиты. В первую очередь, необходимо реализовать установленные законом социальные права и минимальные социальные гарантии гражданам, прежде всего в области материальной поддержки семей с детьми и др., совершенствовать организацию социальной защиты на основе формирования социальных здоровьесформирующих технологий, дифференцированного подхода к различным категориям населения и типам семей, адресной социальной помощи. В этой связи необходимы крупномасштабные действия, направленные на подъём экономического и образовательного статуса населения России, на борьбу с бедностью, нищетой и их социальными последствиями.

В 2007 году в России, благодаря введению льгот по оплате детских садов, родовой сертификации и материнскому капиталу, родилось 1 млн 602 тыс. детей, что на 122 тыс. детей, или на 8,3 %, больше, чем в 2006 году. Число родившихся детей в 2007 году – самое высокое после 1991 года [14, с. 3]. Казалось бы – налицо положительные изменения. Однако демографическая ситуация в России по-прежнему остается неблагоприятной. Естественный уровень воспроизводства требует, чтобы на каждую женщину приходилось 2,15 ребёнка. В России сильное падение данного коэффициента отмечается с 1988 по 1993 гг. (с 2,15 до 1,4). Впоследствии положение стабилизировалось,

однако так и не было компенсировано. В 2007 году коэффициент составил 1,38, что почти в полтора раза ниже уровня, необходимого для естественного восстановления населения страны (2,15) [17].

Уровень рождаемости, помимо средней интенсивности рождений на одну женщину (коэффициента фертильности) определяет и количество женщин в пригодном для деторождения возрасте (активный репродуктивный возраст – 20–29 лет).

С начала 2000-х гг. в России рождает поколение беби-бумеров 80-х гг., когда государство активно стимулировало рост рождаемости и проводило борьбу со злоупотреблением алкоголем. Но вскоре им на смену придёт малочисленное поколение 1990-х. То есть через 10 лет на смену нынешним 20–29 летним женщинам придет поколение, которое будет меньше на 25 %, а через 20 лет – на 45 % [22, с. 41]. Поэтому обеспечение задуманного к 2025 году роста населения до 145 млн. человек требует действенных и эффективных мер со стороны государства, направленных на активное стимулирование рождения детей.

Реальное положение в России таково, что семьям с детьми нужна помощь. Но экономическая поддержка не должна сводиться только к денежным выплатам или к предоставлению семьям различных льгот материального характера; её целью должно быть стимулирование экономического потенциала семьи, её активности в формировании и рациональном использовании семейных доходов.

Пагубно сказывается на динамике населения России рост смертности. За последние 15 лет численность постоянного населения России сократилась на 1,8 млн. человек. Смерти по причине сердечно-сосудистых заболеваний в России занимают первое место (составляют около 54 %), второе – злокачественные новообразования (около – 17 %), третье – насильственные причины (травмы, отравления, убийства и самоубийства – около 16 %).

Если смертность в старческом возрасте является следствием физиологического процесса старения, то смертность детей – явление патологическое. Поэтому детская смертность является показателем социального неблагополучия.

В структуре причин смерти детей старше 1 года на 1 месте несчастные случаи, отравления, травмы. На уровень детской смертности влияют, во-первых, социально-экономические факторы (условия труда беременной, материальное положение семьи, семейное положение, условия быта, уровень и качество медицинской помощи беременным и новорожденным); во-вторых, политика в области здравоохранения, в частности, в области охраны материнства и детства; в-третьих, уровень медико-социального обслуживания.

Смертность в России превышает смертность в европейских странах в 2 раза, а в мире – в 1,5 раза. Общая динамика смертности населения страны ха-

рактируется смертностью людей трудоспособного возраста, среди которых 80 % составляют мужчины. К основной группе риска относятся мужчины в возрасте от 20 до 45 лет. Возросло влияние на смертность таких факторов, как распространение алкоголизма, курения, дорожно-транспортные происшествия, криминализация общества, рост преступности и насильственных деяний в отношении личности. Кроме того, число умерших увеличивается не только от хронических заболеваний, но и от социально обусловленных заболеваний.

В 2007 году в России умерло 2,2 млн. человек, однако снизилась смертность детей в возрасте до одного года; смертность мужчин в трудоспособном возрасте сократилась на 12 % по сравнению с 2006-м годом, и на 20 % по сравнению с 2005-м годом [2]. Естественная убыль составила в 2007 году 600 тыс. человек, против 800 тыс. в 2005 году. Темпы смертности замедлились, но рост рождаемости не превысил смертность. И общий коэффициент смертности (15 умерших на 1000 чел. населения) превышает общий коэффициент рождаемости (10,7 родившихся на 1000 чел. населения).

Показатели здоровья россиян за последние 15 лет ухудшились. За период с 1992 по 2007 гг. уровень общей заболеваемости, по данным обращаемости населения в учреждения здравоохранения, увеличился на 36,5 %. Рост показателей заболеваемости наблюдается по всем классам болезней и среди всех возрастных групп населения. При этом основную долю составляют в основном социально обусловленные заболевания. Наиболее значимой из них является туберкулёз. С начала 90-х годов в стране намечается ухудшение эпидемиологической ситуации по туберкулёзу, заболеваемость выросла в 2,2 раза, уровень её составляет 74,4 на 100 тысяч жителей, что соответствует уровню конца 60-х годов. Несмотря на то, что в последние годы рост заболеваемости туберкулёзом менее выражен, состояние проблемы продолжает оставаться крайне тревожной.

К наиболее значимым неинфекционным заболеваниям специалисты относят болезни системы кровообращения. В Российской Федерации на их долю приходится более 14 % общей заболеваемости по обращаемости, около 12 % случаев временной утраты трудоспособности, около половины всех случаев инвалидности и 55 % смертности.

Негативное влияние на уровень сердечно-сосудистой заболеваемости и смертности оказывают социально-экономические условия и образ жизни, отсутствие действенной общегосударственной программы первичной профилактики заболеваний системы кровообращения, а также целевых инвестиций, направленных на совершенствование системы медицинской профилактики, диагностики, лечения и реабилитации больных сердечно-сосудистыми заболеваниями.

По данным Минздравсоцразвития в России ежегодно регистрируется более 400 тысяч злокачественных новообразований. При этом наблюдается

ежегодный рост абсолютного числа больных с впервые установленным диагнозом, что обусловлено не только истинным ростом заболеваемости, связанным, в том числе и с ухудшением экологической обстановки, качества жизни, старением населения, но и заметным улучшением выявляемости заболеваний. Ежегодно в стране более 120 тысяч человек признаются инвалидами от онкологических заболеваний, что свидетельствует о чрезвычайно высокой значимости ранней диагностики, профилактики и лечения этих заболеваний.

Острейшей медико-социальной проблемой в стране является также сохраняющаяся тенденция роста числа эндокринных заболеваний, главным образом, за счёт сахарного диабета, болезней щитовидной железы, гипопифиза. В настоящее время в стране зарегистрировано более 2 млн. больных диабетом, что примерно в 4 раза ниже истинного уровня заболеваемости, и такое же число населения в стадии предиабета.

Свыше 70 % россиян в течение последних 15 лет находится в состоянии затяжного психоэмоционального и социального стресса, который истощает приспособительные и компенсаторные механизмы, поддерживающие здоровье людей, ведёт к увеличению случаев психических заболеваний, росту реактивных неврозов, депрессий, алкоголизма, табакокурения, наркомании, анти-социальных вспышек, преступности. Сегодня около 4 млн. россиян страдают психическими расстройствами, в том числе из каждых 100 тысяч жителей 745 человек страдают тяжелыми формами психоза и слабоумием.

Катастрофическими темпами растёт уровень заболеваемости алкоголизмом, наркоманией и токсикоманией. Так уровень заболеваемости наркоманиями вырос за последние десять лет в 11 раз, а число больных, состоящих на учёте, возросло в 6 раз. Под наблюдением в наркологических диспансерах находится более 2 млн. больных алкоголизмом.

Чутким барометром биосоциальных процессов и уникальными по своему воздействию на социально-демографические процессы общества являются заболевания, передающиеся половым путем (ЗППП)²⁰. Сама заболеваемость ЗППП зависит не столько от состояния здравоохранения, сколько от культуры в целом, от степени социально-экономического благополучия страны.

Рост большинства ЗППП был максимальным в 1992–1994 гг. Этому процессу способствовали как неблагоприятные социально-экономические явления (снижение уровня жизни, появление мигрантов из дальнего и ближнего зарубежья, рост количества бездомных, социально дезадаптированных лиц и

²⁰ Термин «заболевания, передаваемые половым путем» (ЗППП) впервые появился в 1982 г. Это понятие заменило «венерические болезни» и включило, помимо них, так называемые болезни нового поколения – хламидиоз, микоплазмозы, вирусные заболевания (вирус простого герпеса, вирус папилломы, вирус гепатита В, ВИЧ), анаэробии и др. – всего 25 заболеваний. Эти заболевания объединяют не только общие пути передачи, но и широкий круг медицинских, экономических, культурных, правовых и социальных вопросов.

т.п.), так и определенные просчеты в организации данной сферы здравоохранения, в особенности среди детей и подростков. У них заболеваемость растет более быстрыми темпами, чем у взрослых. Заболеваемость ЗППП среди детей и подростков женского пола, превышает в 2-2,5 раза аналогичные показатели среди взрослого населения. Это оказывает серьезное влияние на репродуктивное здоровье будущих поколений и отрицательное воздействие на демографическую ситуацию в стране.

Внедрение современных медицинских технологий в диагностике, лечении и профилактике ЗППП позволили в начале столетия снизить уровень данной заболеваемости. Определенную роль в этом сыграла большая информационная и организационно-методическая работа с органами здравоохранения субъектов Российской Федерации, проводимая Минздравом России, НИИ, общественными организациями. В соответствии с приказом Минздрава России от 30 июля 2001 г. № 291 «О мерах по предупреждению распространения инфекций, передаваемых половым путём» разработана система обучения врачей смежных специальностей интегрированному подходу к ведению больных с ЗППП, программа работы по профилактике ЗППП среди молодёжи, в том числе в группах повышенного поведенческого риска, разрабатываются Федеральные отраслевые стандарты ведения больных с ЗППП.

Учитывая низкий уровень сексуальной культуры подростков и молодёжи, распространенность ЗППП представляет угрозу национальной безопасности России. Опасность не только в самом факте беспрецедентного роста заболеваний, но и в том, что это создает условия для быстрого распространения ВИЧ-инфекции.

В настоящее время Россия по темпам прироста числа ВИЧ-инфицированных занимает одно из лидирующих мест в мире. По оценкам специалистов, общее число людей в России, живущих с ВИЧ, в зависимости от методик исследования от 600 тысяч до 1 млн. человек, из них детей более 5 тысяч.

В период с 1997 по 2000 гг. в России на первое место среди причин заражения ВИЧ-инфекцией, установленных при проведении эпидемиологического расследования, выходит внутривенное введение психотропных веществ (80 %). С 2000 года наметилась тенденция к изменению ведущих путей передачи ВИЧ, статистически значимо повысилась роль полового пути передачи ВИЧ (с $8,0 \pm 1,2$ % до $62,1 \pm 5,5$ %). Доля заразившихся половым путем возросла в 2002 году в 4 раза по сравнению с 1999 годом, что, безусловно, отражает переход эпидемии на широкие слои населения с реализацией естественного механизма передачи возбудителя.

Необходимо отметить, что употребление ряда наиболее распространенных в молодежной среде наркотиков стимулирует половую активность и снимает морально-этические ограничения. Это приводит к резкому увеличению

количества половых контактов и активизации распространения ВИЧ-инфекции половым путем в возрастной группе 16–18 лет.

Особое внимание хотелось бы обратить на то, что одним из основных показателей здоровья нации и важнейшей государственной проблемой социальной сферы является инвалидность. В последние годы в России наблюдается рост числа лиц, ставших инвалидами. Причём постоянно увеличивается доля лиц, получивших инвалидность в трудоспособном возрасте. Только за последнее десятилетие уровень инвалидности увеличился на 67,8 %. Социально-экономическое значение инвалидности определяется значительным ущербом, который она наносит общественному здоровью и экономике страны: увеличение расходов на выплату пособий и пенсий, дополнительные затраты на восстановление здоровья и трудоспособности инвалидов.

Показатели инвалидности зависят от многих факторов: здоровья населения, условий труда и быта, постановки лечебно-профилактической помощи, организации медико-социальной экспертизы и уровня общей санитарной культуры населения.

Зеркальным отражением состояния здоровья и уровня смертности является показатель средней ожидаемой продолжительности жизни (СОПЖ). За 1999–2003 гг. этот показатель для российских мужчин сократился почти на 3 года и не превышал 58,5 года. Продолжительность жизни женщин за указанный период уменьшилась на 1 год и не превышала 71,9 года (максимальные значения данного показателя имели место в 1986–1987 гг.: у мужчин – 64,9 года, у женщин – 74,6 года). По мнению ряда авторов, стремительное снижение продолжительности жизни в нашей стране беспрецедентно для мирного времени. По этому показателю Россия занимает 135 место в мире [5].

Продолжительность жизни и смертность, как интегральные показатели, зависят не столько от уровня медицинского обслуживания, но, прежде всего от социальной ситуации. Поэтому за время успешной реализации приоритетных национальных проектов СОПЖ россиян возросла с 65,3 лет в 2005 году до 67,7 лет в 2007 году. В 2005 году ожидаемая продолжительность жизни мужчин составляла 58,9 лет, в 2007 году аналогичный показатель составил 61,5 лет, то есть произошло увеличение на 2,6 года [2].

Все вышеперечисленные показатели в совокупности указывают на неизбежное обострение социально-экономических проблем России в будущем. Социальные последствия, экономические потери от ухудшения качества здоровья населения ведут к необходимости решать проблемы оздоровления будущих поколений, к ухудшению социального самочувствия общества, росту нынешних и будущих девиаций.

Следует отметить, что здоровье – важный фактор реализации жизненной программы индивидуума, общественно значимой для сегодняшнего дня, и является оценкой готовности человека к реализации профессиональной де-

тельности в новых, современных условиях. В настоящее время смена профессии и даже места работы воспринимается как отступление от жизненных планов, их нарушение, в том числе, в связи с отклонениями в здоровье.

По данным ряда исследований, в среднем, состояние здоровья является причиной различных жизненных ограничений у 3–5 % детей, у 9–12 % подростков, у 18–20 % взрослого населения [12, С. 49]. В последние годы отмечена тенденция к росту социальных ограничений в связи с состоянием здоровья, что свидетельствует о недостаточной адаптированности населения к современным условиям жизни. Исходя из этого, очевидно, что в современных оценках здоровья населения доминирует социальный аспект.

Таким образом, представленный в статье материал позволяет оценить всю тревожность сложившейся сегодня ситуации со здоровьем населения России. В стране увеличивается доля пожилых людей, заболеваемость практически по всем группам болезней, отмечается рост инвалидизации. Это приводит к уменьшению ресурса здоровья населения, трудового потенциала, наносит невосполнимый экономический ущерб обществу.

Для преодоления негативных тенденций и эффективного решения вопроса укрепления и сохранения здоровья населения в современном обществе, необходимы знания определяющих факторов, особенностей здоровья различных социально-демографических групп. Это даст возможность разработать систему социально-оздоровительных мероприятий в зависимости от величины риска имеющихся отклонений в здоровье.

Любой аспект практической социальной работы касается сохранения здоровья и содействует ему [15, С. 134]. Социальные работники должны иметь четкие представления о феномене здоровья и о здоровом образе жизни, так как без таких представлений социальная работа неполноценна.

Большинство современных учёных рассматривают здоровье как способность человека к оптимальному, физиологическому, психическому и социально-экономическому функционированию. Здоровье как состояние позволяет человеку вести активную в социальном и экономическом плане жизнь. По мнению Ю. П. Лисицына здоровье человека не может сводиться лишь к констатации отсутствия болезней, недомогания, оно – состояние, которое позволяет человеку вести нестесненную в своей свободе жизнь, полноценно выполнять свойственные человеку функции, прежде всего трудовые, вести здоровый образ жизни, то есть испытывать психологическое, физическое и социальное благополучие. «Здоровье – это гармоничное единство биологических и социальных качеств, обусловленных врожденными и приобретенными биологическими и социальными воздействиями» [10].

Приведем ещё одно из определений здоровья, данного российским исследователем В. П. Казначеевым, «здоровье – процесс (динамическое состояние) сохранения и развития биологических, физиологических и психологических

функций, его оптимальной трудоспособности, социальной активности при максимальной продолжительности жизни» [6].

И. И. Брехман, основоположник валеологии – науки об индивидуальном здоровье человека, определяет здоровье как способность человека сохранять соответствующую возрасту устойчивость в условиях резких изменений количественных и качественных параметров триединого потока сенсорной, вербальной и структурной информации [3]. Сенсорный поток воспринимается органами чувств через первую сигнальную систему, вербальный (устное или письменное слово) – через вторую сигнальную систему, структурный (компоненты пищи и вдыхаемого воздуха) поступает через желудочно-кишечный тракт и дыхательную систему.

Из приведенных определений видно, что здоровье отражает «качество» приспособления организма к условиям внешней среды и представляет итог процесса взаимодействия человека и среды, взаимодействия внешних (природных и социальных) и внутренних (наследственность, пол, возраст) факторов.

Заслуживает внимание целостный взгляд на здоровье в работах В. С. Шуваловой и О. В. Шиняевой. Авторы представляют здоровье человека, как целостным многомерным динамическим состоянием, так и процессом, который характеризуется позитивными и негативными показателями. Фундаментом его являются биологические и генетические предпосылки, среднюю часть составляют психическое и соматическое развитие, а высший уровень наполняет отношение индивида к жизни. Этот экзистенциальный уровень является стержнем самочувствия человека, его работоспособности и адаптивности [21].

В монографии И. С. Ларионовой «Здоровье человека как социальная ценность» в определение понятия «здоровье» введена социальная компонента. Автор определяет здоровье, как потенциальную и реальную совокупность возможностей человека, реализуемых в конкретных условиях без потерь в адаптации к жизненной среде, как такую гармоничную совокупность физического, духовного и социального состояния человека, в которой утраты в адаптации к среде в физическом отношении могут быть компенсированы духовной и социальной его составляющими [9].

Таким образом, здоровье – это не статическое состояние, а процесс, который в значительной мере определяется социальной переменной, прежде всего через систему малых социальных групп (семья, ближайшее окружение), с которыми взаимодействует человек. Таким образом, перспективным признается процесс формирования здоровья с точки зрения включенности человека не только в природную, но, прежде всего в социальную и информационную среду [4, с. 12].

Широкое международное признание получило определение здоровья, данное Всемирной организацией здравоохранения в 1946 году: «...здоровье

следует понимать как состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезни и физических дефектов» [18, с. 5]. Позитивным моментом данного определения является то, что оно отражает все существенные аспекты здоровья – физические, душевные и социальные. При этом физическое благополучие следует рассматривать, как способность человека в полном объеме выполнять основные социальные функции, участвовать в социальной деятельности и общественно полезном труде. Полное душевное благополучие зависит от пола, возраста человека, сочетания его социальных факторов в виде ценностных ориентиров, интересов, стремлений и пр. Имеют значение и биологические особенности человека такие, как характер, темперамент, адекватность реакций и пр. Определяющими в обеспечении полного душевного благополучия являются социальные факторы. Полное социальное благополучие отражает место и роль человека в обществе, степень удовлетворения его потребностей, достаточность уровня жизни и пр. [8].

Состояние здоровья человека зависит от множества факторов и условий, которые находятся в сложном взаимодействии друг с другом. При этом их значение неравноценно: они могут влиять на здоровье положительно или отрицательно, могут быть постоянными или меняющимися, некоторые из них влияют сильнее, другие слабее, а третьи – в какой-то период времени могут оказаться относительно в нейтральном взаимодействии со здоровьем. В современной научной литературе можно встретить множество попыток классифицировать факторы, оказывающие влияние на здоровье человека. Эксперты Всемирной организации здравоохранения установили, что здоровье человека на 50–52 % зависит от образа жизни, на 20–22 % – от наследственности, на 18–20 % – от состояния окружающей среды, на 7–12 % – от системы здравоохранения [13, с. 3].

Итак, определяющим фактором здоровья является образ жизни. Хотя образ жизни в значительной степени обусловлен социально-экономическими условиями, но во многом зависит от мотивов деятельности конкретного человека, от особенностей его психики, состояния здоровья и функциональных возможностей организма.

Концентрированным выражением взаимосвязи образа жизни и здоровья человека является понятие «здоровый образ жизни». Здоровый образ жизни объединяет всё, что способствует выполнению человеком профессиональных, общественных и бытовых функций в оптимальных для здоровья условиях и выражает ориентированность деятельности личности в направлении формирования, сохранения и укрепления как индивидуального, так и общественно-го здоровья.

Валеолог В. В. Колбанов трактует понятие «здоровый образ жизни» как максимальное количество биологически и социально целесообразных форм и

способов жизнедеятельности, адекватных потребностям и возможностям человека, осознанно реализуемых им, обеспечивающих формирование, сохранение и укрепление здоровья, способность к продлению рода и достижению активного долголетия [7, с. 169].

По определению Г. П. Артюниной здоровый образ жизни – способ жизнедеятельности, соответствующий генетически обусловленным типологическим особенностям данного человека, конкретным условиям жизни и направленный на формирование, сохранение и укрепление человеком его социально-биологических функций [1, с. 67].

Здоровый образ жизни включает следующие компоненты:

- рациональная организация трудовой (учебной) деятельности;
- правильный режим труда и отдыха;
- рациональная организация свободного времени;
- оптимальный двигательный режим;
- рациональное питание;
- соблюдение правил личной гигиены, закаливание;
- тренировка психических способностей;
- отказ от вредных привычек (употребления алкоголя, курения);
- сексуальная культура, рациональное планирование семьи;
- доброжелательные отношения в трудовом коллективе и семье;
- бережное отношение к окружающей среде, природе;
- высокая культура поведения на работе, в общественных местах и транспорте;

• сознательное участие в профилактических мероприятиях, проводимых медицинскими учреждениями; выполнение врачебных предписаний;

- чтение популярной медицинской литературы;
- контроль за состоянием своего здоровья;
- умение оказывать первую медицинскую помощь и др.

Итак, для чего же нужен здоровый образ жизни?

Во-первых, здоровый образ жизни повышает трудовую активность, создает физический и душевный комфорт, активизирует жизненную позицию и защитные силы организма. Во-вторых, здоровый образ жизни укрепляет общее состояние, снижает частоту заболеваний и обострений хронических заболеваний. В-третьих, здоровый образ жизни способствует достижению активного долголетия. Следовательно, здоровый образ жизни можно рассматривать как основу профилактики заболеваний.

Здоровый образ жизни направлен на устранение факторов риска: низкий уровень трудовой активности, неудовлетворенность трудом, пассивность, психоэмоциональную напряженность, невысокую социальную активность и низкий культурный уровень, экологическую безграмотность, гиподинамию, нерациональное питание, курение, употребление алкоголя, наркотических и

токсических веществ, напряженные семейные отношения, нездоровый быт, генетический риск и др.

Здоровый образ жизни – это единственный стиль жизни, способный обеспечить восстановление, сохранение и улучшение здоровья населения. Поэтому формирование этого стиля жизни у населения – важнейшая социальная задача государственного значения и масштаба.

За годы советской власти сделано многое в области формирования здорового образа жизни у населения. Но массовым он не стал. Не является он таковым и теперь. Более того, к традиционным проблемам формирования здорового образа жизни добавились еще и проблемы сохранения статус-кво. Ибо в условиях экономического кризиса и массовой бедности многие элементарные условия, необходимые для поддержания здорового образа жизни, устраняются, становятся недоступными. Ведь на оплату жилищно-коммунальных услуг требуются немалые деньги, которых у многих просто нет.

Здоровый образ жизни – это выработка у людей комплекса взаимосвязанных навыков и привычек. Необходимо добиться, чтобы человек автоматически выполнял правила в сфере быта и личной гигиены, не задумываясь над элементарными поступками и всегда придерживаясь при этом рекомендаций гигиенической науки, то есть действовал с пользой для здоровья [15, с. 135–136]. Однако начинать их выработку в юношеском или старшем возрасте едва ли рационально: мешают устоявшиеся нездоровые привычки и лень. В детстве при правильном сочетании стабильного режима дня, надлежащего воспитания, условий здорового быта и учёбы комплекс привычек здорового образа жизни вырабатывается легко и закрепляется прочно, на всю жизнь. В дальнейшем особо неупорядоченные и нездоровые условия жизни могут разрушить устоявшуюся систему привычек.

Понимание феноменов здоровья, здорового образа жизни, профилактики формирует у будущих социальных работников конкретные ориентиры, на которые и должна направляться практическая социальная работа.

Формирование здорового образа жизни – это создание системы преодоления факторов риска в форме активной жизнедеятельности людей, направленной на сохранение и укрепление здоровья. Формирование установки на здоровый образ жизни лежит в основе любой профилактической деятельности, многочисленных программ, направленных на повышение здоровья общества. Пропаганда здорового образа жизни является важнейшей функцией и задачей всех органов здравоохранения (особенно учреждений первичной медико-санитарной помощи), центров санитарного просвещения, учреждений образования, органов социальной защиты и т.д.

При формировании у населения здорового образа жизни используются методы устной, печатной, наглядной и комбинированной пропаганды.

Метод устной пропаганды является наиболее эффективным. Это самый популярный, экономичный, простой и доступный в организационном отношении метод. Он включает следующие средства пропаганды: лекции, беседы, дискуссии, конференции, кружковые занятия, викторины.

Метод печатной пропаганды охватывает широкие слои населения. Он включает статьи, санитарные листки, памятки, стенные газеты, журналы, буклеты, брошюры, книги, лозунги.

Наглядный метод – самый многообразный по числу входящих в него средств. Их можно разделить на две группы: натуральные объекты и изобразительные средства (объёмные и плоскостные).

Комбинированный метод – метод массовой пропаганды, при которой происходит одновременное воздействие на слуховые и зрительные анализаторы.

Социальный работник должен помнить, что не следует прививать здоровый образ жизни с помощью назиданий и зубрёжки – что полезно, а что нет (это подходит только для несмышленных детей). Для детей же старших возрастов и взрослых нужно объяснять работу санологических механизмов организма, которые включаются и поддерживаются элементами здорового образа жизни. Например, следует объяснить, почему взбадривание утренней гимнастикой и водными процедурами рациональнее и предпочтительнее, чем взбадривание крепким чаем или кофе, почему для здоровья полезнее физкультура, а не изматывающий спорт и т. д.

Большое значение имеет воспитание культуры межличностных отношений: всем известно, что и слово ранит, причём не только психику, но и сердце. Особенно чётко надо прояснить, что в основе нездорового образа жизни лежат различные пороки человека.

В эпоху рыночных отношений, работая с населением, следует постоянно подчёркивать, что вести здоровый образ жизни и быть здоровым – выгодно. А вести нездоровый образ жизни и болеть – неразумно и разорительно.

Академик Н. М. Амосов говорил, «чтобы стать здоровым, нужны собственные усилия, постоянные и значительные. Заменить их ничем нельзя». Чем раньше у человека сформируется мотивация, то есть осознанная необходимость заботиться о своем здоровье, тем здоровее станет каждый конкретный человек и общество в целом.

Поведение человека, направленное на формирование здорового образа жизни, имеет большее значение для его здоровья, чем характер действующих на него факторов. Социальные устремления, регулирующие отношение человека к здоровью, формирование культуры самосохранения и ответственности за собственное здоровье и здоровье близких – это важный социально-культурный феномен, характеризующий ценность здоровья, социальные установки и самосохранительное поведение людей.

Литература

1. Аргюнина Г. П. Основы социальной медицины: учебное пособие. – М.: Академический проект, 2005.
2. Борзова О. За время реализации нацпроектов продолжительность жизни россиян возросла // <http://www.edinros.ru/news.html?id=129810>.
3. Брехман И. И. Валеология – наука о здоровье. М.: Физкультура и спорт, 1990.
4. Водогреева Л. В., Полесский Л.А. Социальные проблемы формирования здоровья: от методологии к практике // Здоровье человека: социогуманитарные и медико-биологические аспекты: Материалы Всероссийской научной конференции. М.: Институт человека РАН, 2002.
5. Герасименко Н. Ф. Кризис здоровья и здравоохранения как угроза национальной безопасности страны // Аналитический выпуск. № 12. Серия: Актуальные проблемы социально-экономического развития России. М., 1997. С. 2–13.
6. Казначеев В.П. Очерки теории и практики экологии человека. М., 1983.
7. Колбанов В. В. Валеология. СПб., 1998.
8. Кудрявцева Е. Н. Здоровье человека: понятие и реальность // Общественные науки и здравоохранение. М.: Наука, 1987. С. 32-47.
9. Ларионова И. С. Здоровье человека как социальная ценность. М.: Изд-во МГСУ, 2003.
10. Лисицын Ю. П. Социальная гигиена и организация здравоохранения. М.: Медицина, 1992.
11. Лисицын Ю. П., Сахно А.В. Здоровье человека – социальная ценность. М.: Мысль, 1989.
12. Максимова Т. М. Современное состояние, тенденции и перспективные оценки здоровья населения. М.: Per Se, 2000.
13. Морозова Г. Ф. Здоровье человека в свете экологии // Социологические исследования. 1994. № 11.
14. Невинная И. Демографический рост // Российская газета – Неделя. 2008. № 4589.
15. Основы социальной работы: Учебник / отв. ред. П. Д. Павленок. М.: ИНФРА-М, 2003.
16. Поляков И. .В., Селезнев В. Д. Здравоохранение в условиях перехода к рыночной экономике // Проблемы социальной гигиены и история медицины. 1995. № 6. с. 41-44.
17. Рубанов И. Дальше – сами // Эксперт. 2008. № 6 (595). С. 72-73.
18. Устав Всемирной организации здравоохранения // Основные документы ВОЗ. 36-е изд. Женева, 1986.
19. Федосеев В. Н. Потребитель на отечественном рынке общественного здоровья // Маркетинг в России и за рубежом. 2002. № 1. С. 85-90.
20. Чупров В. И., Зубок Ю. А., Мамедов Р. А., Староверова И. Н. Социальный потенциал молодежи – тенденции изменения: анализ результатов социологического исследования «Социальное развитие молодежи». М., 1999.
21. Шувалова В. С., Шиняева О. В. Здоровье учащихся и образовательная среда // Социологические исследования. 2000. № 5. С. 75-80.

22. Юрьев Е. Л. О дальнейших шагах по преодолению демографического кризиса в РФ // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы II Всероссийской научной конференции (Москва, 15 ноября 2007 г.).

Н. Б. Ажнина

ПГПУ им. В. Г. Белинского

ПРОФИЛАКТИКА СИНДРОМА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО «ВЫГОРАНИЯ» СПЕЦИАЛИСТА СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Профессиональная деятельность специалиста социальной сферы, независимо от разновидности исполняемой работы, относится к группе профессий с повышенной моральной ответственностью за здоровье и жизнь отдельных людей, групп населения и общества в целом. Постоянные стрессовые ситуации, в которые попадает такой работник в процессе сложного социального взаимодействия с социальным объектом, постоянное проникновение в суть социальных проблем человека, личная незащищенность и другие морально-психологические факторы оказывают негативное воздействие на здоровье специалиста социальной сферы.

Работникам системы «человек – человек» по роду своей деятельности вовлеченным в длительное напряженное общение с другими людьми свойственен так называемый синдром эмоционального «выгорания» или феномен эмоционального «выгорания», который проявляется как состояние физического и психического истощения, вызванного интенсивными межличностными взаимодействиями при работе с людьми, сопровождающимися эмоциональной насыщенностью и когнитивной сложностью. Это связано также с тем, что в своей деятельности специалист социальной сферы, помимо профессиональных знаний, умений и навыков, в значительной мере использует свою личность, являясь своего рода «эмоциональным донором».

На сегодняшний день насчитывается незначительное число работ, посвященных изучению стрессоустойчивости в профессиональной деятельности работника системы «человек – человек», что свидетельствует о недостаточном внимании, уделяемом исследователями разработке данной проблемы.

Термин — эмоциональное «выгорание» был введен американским психиатром Х. Дж. Фрейденбергером в 1974 г. для характеристики психологического состояния здоровых людей, находящихся в интенсивном и тесном общении с клиентами, пациентами в эмоционально нагруженной атмосфере при оказании профессиональной помощи [2, с. 17]. Сначала этот термин обозначал состояние изнеможения, истощения, сопряженное с ощущением собственной бесполезности. Затем проведенные исследования привели к обнаружению своеобразного профессионального стресса — «стресса об-

щения», который в сочетании с другими профессиональными стрессами, приводит к возникновению так называемого феномена «эмоционального выгорания» [1, с. 9].

В настоящее время понятие выгорания («burnout») обычно используется для обозначения переживаемого человеком состояния физического, эмоционального и психического истощения, вызываемого длительной включенностью в ситуации, содержащие высокие эмоциональные требования, которые в свою очередь наиболее часто являются следствием сочетания чрезмерно высоких эмоциональных затрат с хроническими ситуационными стрессами. Синдром «выгорания» выражается в депрессивном состоянии, чувстве усталости и опустошенности, недостатке энергии и энтузиазма, утрате способностей видеть положительные результаты своего труда, отрицательной установке в отношении работы и жизни вообще [1, с. 2].

Х. Фрейденбергер характеризует подверженных синдрому «выгорания», как сочувствующих, гуманных, мягких, увлекающихся, идеалистов, ориентированных на помощь другим, и одновременно неустойчивых, интровертных, одержимых навязчивой идеей (фанатичных), пламенных и легко солидаризирующихся людей [2, с. 17]. Другой американский ученый Е. Махер же относит к этой категории людей с низким уровнем эмпатии и склонных к авторитаризму [2, с. 21].

Кроме того, исследователи считают, что профессиональное «выгорание» развивается раньше, если специалист системы «человек – человек»:

- оценивает свою работу как незначимую;
- не удовлетворен профессиональным ростом;
- испытывает недостаток самостоятельности считает, что его излишне контролируют;
- полностью поглощен своей работой (трудоголик);
- испытывает ролевою неопределенность вследствие нечетких к нему требований;
- испытывает перегрузку или, наоборот, недогрузку (последнее порождает чувство своей ненужности) [1, с. 5].

Развитие синдрома эмоционального «выгорания» можно отнести к ряду социально-психофизиологических заболеваний, который требует обязательного лечения. Приоритетным направлением по разрешению данной проблемы является ее профилактика, которая должна включать усилия самого специалиста, его руководства и коллег, членов семьи, психологов, медицинских работников и общества в целом.

В настоящее время система профилактики синдрома эмоционального «выгорания» использует 4 группы основных методов.

Первая группа методов направлена на **управление личностными факторами**.

1. Психогигиена — это метод, изучающий факторы, условия окружающей ситуации и образа жизни, благотворно влияющие на психическое состояние человека, и разрабатывающая рекомендации по сохранению и укреплению здоровья.

При использовании данного метода важное значение имеют такие аналитические качества, как самоконтроль, самооценка, а также стрессоустойчивые качества, физическая тренированность, самовнушаемость, умение переключаться и управлять своими эмоциями. Чрезвычайно важным для специалиста социальной сферы является навык самообладания, который рассматривается как процесс управления своим поведением в экстремальной ситуации. В связи с тем, что специалисту, взаимодействующему с людьми, часто приходится контролировать свое поведение, ему необходимо специально развивать в себе способности и навыки самообладания.

На практике для поддержания и укрепления здоровья персонала используются (хотя явно не в достаточной мере) индивидуальные, групповые, коллективные системы. Например, приемы самозащиты в ситуациях «негативного общения»; комнаты и методики релаксации, психологической разгрузки; индивидуальная и групповая психотерапия; периодические медицинские осмотры и оказание врачебной помощи; предоставление путевок по льготным ценам в санатории, дома отдыха, пансионаты; занятия физкультурой и др. [3, с. 36].

2. Профессиональный отбор. Данный метод используется при приеме на работу, позволяющий определить умение и предрасположенность к работе с людьми. Реализуется с помощью тестов, анкет, бесед.

Кроме того, методы, относящиеся к управлению личностными факторами включают в себя:

1. культивирование других интересов, не связанных с работой;
2. внесение разнообразия в свою работу, создание новых проектов и их реализация без ожидания санкционирования со стороны официальных инстанций;
3. поддержание своего здоровья, соблюдение режима сна и питания, овладение техникой медитации;
4. удовлетворяющая социальная жизнь; наличие нескольких друзей (желательно других профессий), во взаимоотношениях с которыми существует баланс;
5. стремление к тому, чего хочется, без надежды стать победителем во всех случаях и умение проигрывать без ненужных самоуничужения и агрессивности;
6. способность к самооценке без упования только на уважение окружающих;
7. открытость новому опыту;

8. умение не спешить и давать себе достаточно времени для достижения позитивных результатов в работе и жизни;

9. обдуманное обязательство (например, не следует брать на себя большую ответственность за другого человека, чем делает он сам);

10. чтение не только профессиональной, но и другой литературы для своего удовольствия без ориентации на какую-то пользу;

11. участие в семинарах, конференциях, где предоставляется возможность встретиться с новыми людьми и обменяться опытом;

12. периодическая совместная работа с коллегами, значительно отличающимися профессионально и личностно;

13. участие в работе профессиональной группы, дающее возможность обсудить возникшие личные проблемы, связанные с консультативной работой;

14. хобби, доставляющее удовольствие.

Вторая группа методов профилактики синдрома эмоционального «выгорания» социального работника направлена на **управление рабочими факторами**. Это:

1. создание благоприятных условий труда (удобное рабочее место для специалиста, внедрение современных технологий и т.п.);

2. гибкий график работы;

3. предоставление специалисту возможности общения с коллегами во время работы.

Третья группа включает **управление профессиональными факторами**.

1. супервизия. Это может быть специально обученный человек (не один). Супервизор как помогающая инстанция должен следить за состоянием душевного равновесия работающих специалистов, постоянно способствовать осознанию предмета, методов, целей деятельности, изменения отношения к работе каждого;

2. система повышения квалификации.

Четвертая группа методов направлена на **управление организационными факторами**. Это:

1. система оплаты труда и материального стимулирования;

2. система социальной защиты;

3. система планирования карьеры;

4. система морального стимулирования;

5. система поддержки инноваций;

6. система общения «без галстуков»;

7. система участия в принятии стратегических решений;

8. устранение демотивирующих факторов (неинформированность персонала, нечеткость поставленных руководством целей, неуверенность в завтрашнем дне и т.п.) [3, с. 37–38].

Таким образом, важнейшей задачей руководителей социальной сферы и учреждений, осуществляющих подготовку и переподготовку специалистов, является сохранение здоровья работников системы «человек – человек», профилактика их профессиональных заболеваний, проведение консультаций относительно профессиональных рисков. Важно повышать психологическую культуру работников, проводить психологические тренинги и консультации с ними. Специалисты социальной сферы должны хорошо представлять себе профессиональные возможности и ограничения, постоянно учитывать свой психофизиологический и трудовой потенциал. В любом случае формирование личностных качеств целесообразно начинать на ранних этапах профессионального обучения. Методами, используемыми при этом, могут быть физические упражнения, рационализация задач в беседах или лекциях, консультации супервизора, социально-психологический тренинг, деловые игры применение длительных рекомендации по организации рабочего процесса.

Обобщая знания о специфике профилактики синдрома эмоционального «выгорания» специалиста системы «человек – человек», можно сделать вывод, что работа с людьми требует от специалиста особых знаний, умений, навыков и личностных качеств, таких, как гуманистическая направленность личности, личная и социальная ответственность, обостренное чувство добра и справедливости, чувство собственного достоинства и уважение достоинства другого человека, терпимость, вежливость, порядочность, эмпатичность, готовность понять других и прийти к ним на помощь, эмоциональная устойчивость, личностная адекватность по самооценке, уровню притязаний и социальной адаптированности. Через особенности личности работника социальной сферы осуществляется процесс упорядоченного, осознанного влияния субъективного фактора на социальные процессы в обществе, личность, и личные качества специалиста системы «человек – человек» позволяет повысить действенность социальной политики при имеющихся для этого у государства экономических ресурсах. В связи с чем, профилактика синдрома эмоционального «выгорания» – важное направление в деятельности органов и учреждений системы социальной сферы.

Литература

1. Леонова А. Б. Основные подходы к изучению профессионального стресса // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. 2001. № 11. С. 2–16.
2. Орел В. Е. Феномен «выгорания» в зарубежной психологии. Эмпирические исследования // Психологический журнал. 2001. № 1. С. 16–21.
3. Синдром сгорания. Защитные механизмы. Меры профилактики // Вестник РАТЭПП. 1995. № 1. С. 34–48.

ГУМАНИЗМ В СОЦИАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИКЕ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Понимание гуманизма в современной теории и практике социальной работе весьма не однозначно. Зачастую при организации практической социальной работы в России под гуманизмом подразумевается милосердие, а порой и жалость. В то время как милосердие определяется как внутренняя готовность к оказанию помощи, а жалость - это признание другого человека обделенным в чем-либо или чем-либо, признание другого несостоятельным.

Такое понимание больше характерно для медицинского подхода в социальной работе, где клиент воспринимается как «больной», нуждающийся в помощи специалиста (так называемого социального врача), пассивный объект, выполняющий предписания. Так, по мнению Е.И.Холостовой, в рамках гуманистического понимания социальной работы «навязывание другому собственных представлений о счастье, принуждение, даже из лучших побуждений, к такому поведению, которое принуждающий считает оптимальным, а принуждаемый с ним не согласен, всегда будет непродуктивным» [1, с.185]. Иными словами, если клиент заведомо не разделяет позицию специалиста, имеет отличную точку зрения на природу сложившейся ситуации, работа со случаем может иметь обратный эффект для клиента.

От данного понимания гуманизма в социальной работе давно отказались во многих европейских странах (Англия, Франция, Швейцария, Германия и др.) и США. В противопоставление медицинскому подходу там более распространен социальный подход, предполагающий иное понимание гуманистического отношения. Во-первых, клиент выступает как субъект социальной работы, активно участвующий в решении трудной ситуации/случая. Во-вторых, клиент воспринимается как личность, столкнувшаяся с определенными затруднениями, временными сложностями. В таком случае жалость и милосердие не уместно, так как предполагается, что человек сам может справиться с возникшей ситуацией при обеспечении со стороны специалиста определенных условий или при ином понимании сложившейся ситуации. Таким образом, можно выделить два способа понимания гуманистического отношения в социальной работе, условно называемых медицинский и социальный.

В работах современных исследователей все чаще акцент делается не на сложившихся обстоятельствах, которые являются причиной возникновения сложной ситуации, а на способах её восприятия самим человеком, осмысления, понимании себя в данной ситуации. В этой связи, необходимо по-другому смотреть на основание социальной профилактики. Если традиционно социальная профилактика рассматривается как комплекс мер по предотвраще-

нию какого-либо социального отклонения, будь то зависимость от алкоголя, наркотиков, азартных игр или делинквентное/девиантное поведение, то иное понимание социальной профилактики включает формирование изначально здоровой, успешной личности, без соотнесения с видом отклоняющегося поведения или социального заболевания. Последняя позиция отчасти подкрепляется исследованиями в области лечения зависимости.

Согласно данной теории зависимость не имеет соотнесения с объектом зависимости, а присутствует в человеке как таковая. Иными словами нет никакой разницы, зависим человек от работы, друзей, алкоголя или наркотиков. Проводя лечение зависимости от алкоголя можно спровоцировать зависимость от наркотиков или азартных игр и наоборот. Данный факт необходимо учитывать при составлении программ профилактики, так как программы, составленные на основе соотнесения зависимости с каким-то конкретным видом, могут привести к закреплению другого вида зависимости, а в последствии его видоизменению.

Формирование здоровой, успешной личности в рамках гуманистического понимания имеет несколько направлений. Так Стивен Р. Кови предлагает выделять два направления работы над созданием успешной личности, названные им как «Этика Характера» и «Этика Личности». Причем, в первом случае речь шла о формировании таких качеств как «цельность личности, скромность, верность, умеренность, мужество, справедливость, терпеливость, трудолюбие, простота, а также приверженность Золотому Правилу» [2, с.7]. Кови подчеркивал, что «Этика Характера учит тому, что существуют основополагающие принципы эффективной жизни и что человек может испытать в жизни истинный успех и счастье только в том случае, если научится воплощать эти принципы в своем характере» [2, с.8].

В противопоставление ей Этика Личности в большей степени затрагивает форму поведения человека. Здесь речь идет о формировании искусственной заинтересованности другими людьми, использование специальных техник для того, чтобы понравиться другим людям. Другими словами – формирование успешной «оболочки» человека без внимания к изменениям внутреннего мира. Данный способ по мнению Кови не приводит человека к успеху, так как человек, демонстрируя внешнюю успешность, не находится в гармонии сам с собой. Однако, при применении сразу двух способов формирования успешной личности и понимания того, что Этика Характера первична, а Этика Личности вторична, можно достичь хороших результатов.

Таким образом, можно отметить, что профилактика основанная на понимании того, что необходимо занять свободное время социально одобряемой деятельностью и тем самым уберечь от проявления разного рода девиации, становится не состоятельной. Такого рода мероприятия профилактики могут быть использованны в качестве дополнительных или вторичных методов.

Бесспорно, что в основе профилактики должны быть мероприятия, направленные на формирование ценностных установок, воспитание здоровой личности, путем усвоения этических норм и правил.

Литература

Теория социальной работы: Учебник / Под. Ред. проф. Е.И.Холостовой. – М.: Юристъ, 1998. – 334 с.

Стивен Р. Кови 7 навыков высокоэффективных людей – М: Альпина Бизнес Букс, 2007. – 240 с.

С.В. Петрунина

ПГПУ им. В.Г. Белинского

АДАПТИВНЫЙ СПОРТ КАК ЭФФЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ЛЮДЕЙ С НАРУШЕНИЕМ ФУНКЦИЙ ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА

Для того чтобы выявить влияние адаптивного спорта на двигательную и социальную реабилитацию инвалидов с нарушением функций опорно-двигательного аппарата было проведено исследование. Оно проводилось на базе Пензенского областного центра реабилитации инвалидов и ПГПУ им. В. Г. Белинского. Вначале исследования был проведен анализ документов в центре реабилитации, в ходе которых было выявлено, что в центре главными направлениями являются медицинская реабилитация, социальная реабилитация, профессиональная реабилитация и методическая и консультативная работа.

Анализ документов показал, что в центре реабилитации не проводятся занятия по адаптивному спорту, отсутствуют инновационные подходы, а также специалисты в области адаптивной двигательной реабилитации, специалисты по социальной работе со специальной подготовкой.

Опрос инвалидов центра показал, что все они даже не представляют, что могут заниматься какими-либо видами двигательной активности, а также адаптивным реабилитационным спортом.

В контрольную и экспериментальную группу входили инвалиды, которые посещали областной центр реабилитации, в количестве 6 человек в каждой группе. Возрастной диапазон в группах был разным, так как было не возможно подобрать одинаковых по возрасту и степени заболевания людей. Продолжительность исследования составила полтора месяца. Контрольная группа занималась по традиционной системе со своими специалистами, которая включала в себя 30 минутные оздоровительные занятия лечебной гимнастикой, занятия с психологом, и занятия на компьютере. Экспериментальная группа занималась только по программе адаптивного реабилитационного спорта, которая включала в себя занятия по оздоровительной ходьбе и бегу в сочетании

с различными комплексами общеразвивающих упражнений, упражнений на гибкость, а также в программу исследования были включены занятия по оздоровительному туризму.

При выборе средств и методов адаптивного реабилитационного спорта, учитывались индивидуальные нарушения в функциях опорно-двигательного аппарата.

В этой связи учебно-тренировочные занятия состояли из следующих частей: вводной, подготовительной, основной и заключительной.

По окончании исследования нами был проведен анкетный опрос, в ходе которого было выявлено, что после курса занятий по программе адаптивного и реабилитационного спорта у инвалидов экспериментальной группы улучшилось самочувствие, они почувствовали, что могут полностью себя обслуживать, появилась уверенность в себе, а также они уже могли участвовать в общественно-полезной деятельности. На вопрос «Как часто вы бы хотели заниматься реабилитационным спортом?» ответили все участники экспериментальной группы, что 3 раза в неделю они хотели бы заниматься адаптивным и реабилитационным спортом. Хотя до занятий по нашей программе ни один из инвалидов не мог представить себя занимающимся, каким либо видом двигательной активности, а тем более адаптивного спорта. И многие из инвалидов могли обслуживать себя только в пределах квартиры, не уверенно чувствовали себя на улице, боялись выходить из дома. Двое занимающихся на первых двух занятиях приходили с родителями, но уже потом стали самостоятельно добираться до места занятия. У занимающихся в контрольной группе отсутствовал интерес к различным видам деятельности. Они чувствовали себя замкнутыми. Наблюдения показали, что инвалиды контрольной группы с трудом могли находить общий язык с персоналом центра, а также было заметно, что все они хотели, что-то поменять в своей жизни, чему-то научиться. После того как, занимающиеся экспериментальной группы приходили в центр и делились своими впечатлениями от полученных результатов на тренировочных занятиях, занимающиеся контрольной группы их не понимали, с трудом представляли про какую двигательную деятельность идет разговор. По окончании исследования, инвалиды экспериментальной группы продемонстрировали свои достижения другим инвалидам, которые уже давно занимаются реабилитационным спортом в ПГПУ имени В. Г. Белинского. Были проведены не большие состязания на дистанции 60 метров на стадионе «Труд», где участвовали инвалиды обеих команд. Хочется сказать, что инвалиды этих команд очень сдружились, многие захотели добиться еще больших результатов на дистанции по спринтерскому бегу и вместе ходить на оздоровительно-реабилитационные занятия.

И всего сказанного, отмечается, что правильная организация спортивной работы среди инвалидов с нарушением функций опорно-двигательного аппарата позволяет повысить эффективность реабилитационных мероприятий и

создаст базу для развития системы профессионально-прикладной психофизической подготовки инвалидов, укрепляет социально-психологическую адаптацию пострадавших людей в условиях болезни.

Результаты исследования показали, что все инвалиды положительно относятся к адаптивному и реабилитационному спорту, к соревнованиям, а также стремятся к тому, чтобы достойно, наравне со здоровыми людьми выходить на дорожку стадиона и побеждать, несмотря на свои проблемы связанные с нарушением функций опорно-двигательного аппарата.

Занятия двигательными упражнениями, регулярные реабилитационные прогулки способствуют развитию не только физических качеств, но и закаляют характер, тренируют волю.

Необходимо создание специализированных центров для инвалидов, где бы сочетался адаптивный спорт и обучение жизненным навыкам данной категории, то есть инвалиды смогли бы учиться организовывать свой быт, получать профессиональные навыки. К сожалению, по объективным причинам растет количество инвалидов, в том числе детей. Увеличивается число государственных и общественных организаций, занимающихся проблемами инвалидов: открываются спортивные школы, клубы и отделения. Общество начинает понимать необходимость развития и внедрения в жизнь адаптивной физической культуры и спорта – самого перспективного направления реабилитации, социализации и интеграции инвалидов. Для проведения занятий по адаптивной физической культуре и спорту с лицами, имеющими отклонения в состоянии здоровья, необходимы подготовленные специалисты.

Адаптивный спорт учит честно выигрывать и достойно проигрывать, способствует физическому и моральному развитию и самосовершенствованию, формирует благородство и трудолюбие, отвлекает от вредных привычек; он заставляет думать в напряженной, порой экстремальной обстановке, учит самодисциплине, подчиняет человека тренировке, собственные интересы – интересам команды.

Н. А. Трофимова

Всероссийский центр уровня жизни, г. Москва

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОБЪЕМА РАСЧЕТНОГО ПЕНСИОННОГО КАПИТАЛА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ

В соответствии с базовыми страховыми принципами, введенными пенсионной реформой 2002 года, основная функция пенсионной системы заключается в сохранении и ресурсном обеспечении государственных пенсионных обязательств. Для выполнения государственных пенсионных обязательств должны формироваться соответствующие финансовые ресурсы, источником которых служат стра-

ховые взносы, уплачиваемые застрахованными лицами в течение всего периода трудового стажа. Обеспечение финансовой стабильности в такой ситуации зависит, в первую очередь, от точности оценок времени и объемов обязательств, которые будут предъявляться к выплате в каждом плановом периоде.

Обязательства ПФР перед застрахованными лицами (будущими пенсионерами) выражаются в виде условной суммы – расчетного пенсионного капитала (РПК). Начиная с 1 января 2002 года, расчетный пенсионный капитал формируется из общей суммы страховых взносов и иных поступлений на финансирование страховой части трудовой пенсии, поступивших за застрахованное лицо в бюджет Пенсионного фонда Российской Федерации, на основании данных индивидуального (персонифицированного) учета, подтвержденных данными органов федерального казначейства Министерства финансов Российской Федерации. Вместе с тем, пенсионные права, заработанные до начала пенсионной реформы, также конвертируются в РПК, исходя из стажа и заработка застрахованного лица. Кроме того, объем РПК увеличивается и за счет проводимых индексаций. Таким образом, сумма РПК – это, с одной стороны, объем пенсионных прав застрахованных лиц, с другой стороны, это объем обязательств ПФР перед застрахованными лицами.

Поскольку у каждого человека своя уникальная страховая история (продолжительность стажа, размер заработной платы) размеры заработанного РПК могут быть сильно дифференцированы. В настоящее время, учитывая то, что в РПК застрахованных лиц, выходящих на пенсию, преобладает капитал за работу в дореформенный период, конвертированный по старой пенсионной формуле, дифференциация не сильно ощутима. Но с течением времени различия будут нарастать. Различия в объемах накопленного РПК приведут и к дифференциации размеров пенсии, что сделает невозможным определение показателей бюджета на основе средних показателей размера пенсии, как это происходит по действующей методике формирования бюджета ПФР. Следовательно, при определении показателей бюджета необходимо максимально точно знать объемы РПК, которые будут предъявлены к выплате в каждом бюджетном периоде. В связи с этим, наиболее остро встает вопрос определения методики экономической оценки пенсионных прав застрахованных лиц и, соответственно, финансовых обязательств страховщика перед застрахованными лицами в пенсионной системе.

Все обязательства ПФР могут быть разделены на две составные части:

- обязательства перед действующими пенсионерами,
- обязательств перед застрахованными лицами, не являющимися на данный момент пенсионерами.

При этом каждая из этих составляющих включает пенсионные права, заработанные в дореформенный период, и пенсионные права, сформированные после начала пенсионной реформы.

Следует отметить, что пенсионеры, пенсия которым была назначена до 1 января 2002 года, не работавшие после начала пенсионной реформы, имеют только РПК, сформированный в дореформенный период. С течением времени объем пенсионных прав, заработанный до 1 января 2002 года, у новых пенсионеров будет снижаться, и, наоборот, увеличиваться пенсионные права, сформированные в виде страховых взносов. Соответственно, пенсионные права застрахованных лиц, начавших свою деятельность после начала реформ, зависят только от страховых взносов и индексации РПК.

Информационную основу оценки РПК составляют:

- данные о пенсионерах (стаж, заработок до 01.01.2002 года);
- данные о конвертации пенсионных прав застрахованных лиц (стаж, заработок до 01.01.2002 года);
- данные индивидуальных лицевых счетов (ИЛС) застрахованных лиц в системе персонифицированного учета ПФР (страховые взносы).

Располагая перечисленной информацией, можно провести оценку РПК, определив тем самым объемы накопленных пенсионных прав и пенсионных обязательств. Как уже было отмечено, учитывая разные принципы формирования РПК в до и после реформенный период, оценка проводится в два этапа:

- оценивается РПК, сформированный по состоянию на 01.01.2002 года;
- оценивается РПК, формируемый после 01.01.2002 года.

В данном исследовании проведена оценка РПК на примере Отделения ПФР по Пензенской области.

Для оценки РПК необходима информация о стаже до 2002 года и отношении заработка работника со среднемесячной зарплатой по стране за тот же период, применяемом для оценки расчетного размера пенсии.

Учитывая то, что РПК, сформированный по состоянию на 01.01.2002 года, можно разделить на РПК пенсионеров и РПК застрахованных лиц, не являющихся на сегодняшний момент пенсионерами, для проведения оценки использовалась информация, полученная из ПТК «Назначение и выплата пенсий» (по пенсионерам, имеющим пенсионные права, сформированные до 01.01.2002 года) и АРМ «Конвертация» (по застрахованным лицам – не пенсионерам) Отделения ПФР по Пензенской области по состоянию на 01.01.2009 года.

Данные дифференцированы по:

- полу;
- одногодичным возрастным группам;
- соотношению среднемесячного заработка работника со среднемесячной зарплатой по стране за тот же период, применяемому для оценки расчетного размера пенсии (12 групп);
- продолжительности трудового стажа, выработанного по состоянию на 01.01.2002 года (41 группа).

Полученная информация позволяет оценить РПК, заработанный по состоянию на 01.01.2002 года. Оценку РПК необходимо производить, используя формулу конвертации пенсионных прав застрахованных лиц по состоянию на 1 января 2002 в расчетный пенсионный капитал, в соответствии со статьей 30 Федерального закона от 17.12.2001г. №173-ФЗ “О трудовых пенсиях в Российской Федерации”. При этом для повышения точности результатов расчеты производились для мужчин и женщин каждой возрастной, стажевой и «зарплатной» группы.

В результате общая сумма РПК для численности пенсионеров и застрахованных лиц по состоянию на 1 января 2009 года составила 54 951,4 млн. руб., в том числе РПК пенсионеров – 36 921,5 млн. руб., а РПК застрахованных лиц – 18 029,9 млн.руб. При этом 61,2% расчетного пенсионного капитала приходится на долю женщин и 38,8 % на долю мужчин.

Всего 725 342 жителя Пензенской области имеют РПК, сформированный по состоянию на 01.01.2002 года, 60,7% из них женщины, и 39,3 % – мужчины.

В среднем размер РПК, приходящегося на одного человека, имеющего пенсионные права, заработанные до 01.01.2002 года, составляет 75,8 тыс. руб. (у мужчин – 74,9 тыс. руб., у женщин – 76,3 тыс. руб.). Учитывая то, что у большинства пенсионеров практически все пенсионные права были заработаны в указанный период, размер РПК, приходящегося в среднем на одного пенсионера значительно выше – 98,9 тыс. руб. (104,0 тыс. руб. – у мужчин и 96,6 тыс. руб. – у женщин), в то время как средний размер РПК на одного застрахованного лица составляет 51,2 тыс. руб. (54,6 тыс.руб. – у мужчин и 48,1 тыс. руб. – у женщин).

Численность имеющих РПК распределяется между застрахованными лицами и пенсионерами почти поровну: 351 944 чел. (48,5 %) - застрахованные лица и 373 398 чел. (51,5 %) – пенсионеры. В тоже время доля объема РПК, приходящегося на пенсионеров, в два раза выше доли РПК застрахованных лиц (67,2 % и 32,8 % соответственно). При этом 2 907,2 млн.руб. в год из общей суммы РПК пенсионеров предьявляется к выплате в составе страховой части трудовой пенсии.

Анализируя общую сумму РПК, сформированного по состоянию на 01.01.2002 года, можно сделать вывод о том, что основная сумма заработанного РПК приходится на людей старшего поколения. Колебания распределенной по возрастным группам суммы РПК объясняются демографическими причинами, связанными со всплесками и провалами в рождаемости населения. Максимальный размер РПК, приходящегося в среднем на одного человека, отмечается у людей, достигших возраста выхода на пенсию по старости. Более молодые люди не смогли сформировать таких же высоких сумм РПК в силу возраста на момент начала пенсионной реформы и продолжают формирование РПК уже за счет страховых взносов. Наличие сформированного РПК у людей в возрасте до 20 лет объясняется тем, что данная категория является получателем

лями пенсии по случаю потери кормильца, и указанный РПК непосредственно заработан умершими родителями.

Дальнейшее формирование обязательств пенсионной системы происходит по двум направлениям. С одной стороны, сумма обязательств увеличивается за счет уплачиваемых страховых взносов. С другой стороны, происходят ежегодные индексации РПК, размеры которых определяются Правительством РФ. Но не следует забывать о том, что одновременно часть РПК уже предъявляется к выплате в составе страховой части пенсии, тем самым уменьшается сумма обязательств.

Начиная с 2002 года страховые взносы, уплачиваемые застрахованными лицами в течение всего периода трудового стажа, являются пенсионными обязательствами и денежное исчисление всего их объема необходимо для определения финансовых обязательств ПФР в целом и предъявляемых к выплате в каждый определенный момент времени. Таким образом, поступающие страховые взносы увеличивают накопленные Фондом обязательства, и их сумма увеличивает расчетный пенсионный капитал. Указанный период характеризуется неуклонным ростом сумм поступающих в бюджет ПФР страховых взносов на финансирование страховой части пенсии, вызванным увеличением облагаемой базы – фонда заработной платы. Так за 2008 год поступило страховых взносов в 4,1 раза больше, чем за 2002 год. В бюджете на 2009 год запланирована сумма поступлений 6,8 млрд. руб., что в 1,2 раза выше чем в 2008 году и в 4,9 раза выше чем в 2002 году.

Как было отмечено выше, вторым источником увеличения объема РПК являются индексации. Общий коэффициент индексации РПК за 2002-2009 годы составит 3,4, следовательно, расчетный пенсионный капитал увеличился за указанный период в 3,4 раза. Учитывая то, что Постановление Правительства РФ об утверждении размера индексации РПК выходит годом позже, в расчетах учитывался спрогнозированный коэффициент индексации РПК, определенный исходя из размеров планируемых индексаций страховой части пенсии.

Таким образом, по состоянию на 1 января 2010 года РПК, сформированный за счет страховых взносов и их индексаций, достигнет уровня 54,5 млрд. руб., в том числе 29,4 млрд. руб. непосредственно за счет страховых взносов и 25,1 млрд.руб. – за счет их индексаций.

Учитывая то, что индексируется весь РПК, включая часть, сформированную до 2002 года, общая сумма увеличения РПК за счет проведенных индексаций составила на 1 января 2009 года 135,9 млрд.руб., в том числе за счет индексаций страховых взносов – 18,5 млрд. руб. и 117,4 млрд.руб. – за счет индексаций дореформенного РПК. К началу 2010 года эта сумма увеличится и составит 163,9 млрд. руб., из них 25,1 млрд. руб. за счет индексации РПК, сформированного за счет страховых взносов, и 138,8 млрд. руб. за счет индексации РПК, сформированного до 01.01.2002 года.

В результате индексаций общая сумма РПК, сформированного по состоянию на 01.01.2002 года, для численности пенсионеров и застрахованных лиц Пензенской области по данным на 01.01.2009 года, составляет 151,9 млрд. руб., в том числе РПК пенсионеров – 79,4 млрд.руб., РПК застрахованных лиц – 72,5 млрд. руб. При этом, по состоянию на 1 января 2009 года 9,3 млрд. руб. расчетного пенсионного капитала пенсионеров предъявляется к выплате в составе страховой части трудовой пенсии в год. Через год с учетом прогнозируемых индексации и выплат сумма РПК, сформированного в дореформенный период, составит 170,5 млрд. руб., из них РПК застрахованных лиц – 82,6 млрд. руб., РПК пенсионеров – 87,9 млрд. руб., в том числе к выплате в составе страховой части трудовой пенсии будет предъявляться 10,7 млрд. руб. в год.

Общая сумма РПК на 1 января 2009 года составила 193,1 млрд. руб., из них 34,6 млрд. руб. РПК, сформированный до 2002 года, с учетом его расходования на выплату страховой части трудовой пенсии, 117,4 млрд. руб. – прирост РПК, сформированного в дореформенный период, за счет индексаций, 22,6 млрд. руб. – страховые взносы, уплаченные за период 2002–2008 годов, 18,5 млрд. руб. – индексация уплаченных страховых взносов. К началу 2010 года РПК достигнет 225 млрд. руб., увеличившись за период 2002–2009 годов в 4,1 раза. Таким образом, прирост расчетного капитала, заработанного нынешними пенсионерами и застрахованными лицами до 2002 года, составлявшего 55 млрд. руб., в результате индексаций составит 2,5 раза от первоначальной суммы и достигнет 138,8 млрд. руб. Страховые взносы, уплаченные за период 2002-2010 года, прирастут в результате проводимых индексаций РПК на 85,4 % (на 25,1 млрд. руб.) (Рисунок 1).

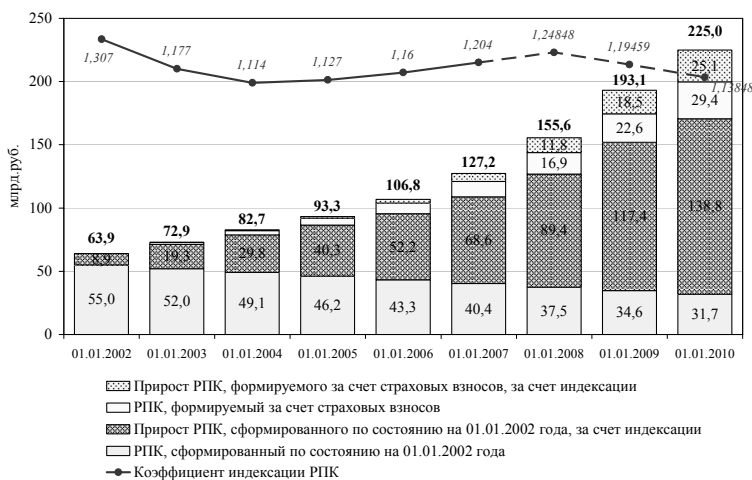

Рисунок 1. Динамика РПК в период 2002-2009 годов по Пензенской области

В данном исследовании осуществлена оценка пенсионных обязательств перед застрахованными лицами и пенсионерами Пензенской области. Проведение такой оценки возможно при глубоком анализе всей имеющейся информации о пенсионерах и застрахованных лицах, особенно данных персонифицированного учета застрахованных лиц. К сожалению, на настоящий момент информация баз данных системы персонифицированного учета является закрытой на региональном уровне, что затрудняет проведение точных оценок динамики сумм пенсионных обязательств, формируемых в послереформенный период. Данная информация является необходимой составляющей для расчета сумм РПК, предъявляемых к выплате в планируемом периоде, в части определения суммы страховых взносов, уплаченных за период 2002-2008 годов, предъявляемых к выплате в составе страховой части трудовой пенсии, особенно для новых назначений планового года и перерасчета страховой части трудовой пенсии работающих пенсионеров.

Е. Голодяевская, Г. Ю. Козина

ПГПУ им. В.Г. Беллинского

СОЦИАЛЬНО-МЕДИЦИНСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СЕКСУАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ

В государственных докладах последних лет постоянно отмечаются негативные тенденции состояния здоровья населения России. Особую тревогу вызывает ухудшение состояния здоровья молодёжи.

Сегодня, как никогда, репродуктивное здоровье и сексуальное поведение молодёжи определяют будущее нашего общества. Сексуальность имеет непреходящую ценность в жизни человека вне зависимости от возраста, пола, национальности, социального положения, вероисповедания, состояния здоровья и т.д. Рано или поздно перед каждым человеком встают вопросы о том, когда и сколько иметь детей, как избежать нежелательной беременности, как строить свои семейные отношения.

В последние годы рост сексуальной активности молодёжи при крайне низком уровне знаний по вопросам контрацепции приводит к увеличению числа нежелательных беременностей, исходом которых зачастую является искусственный аборт, реже – юное материнство. Одновременно у молодёжи отмечается стремительный рост болезней, обусловленных инфекциями, передающимися половым путём. Вступление в половые отношения, как правило, происходят по следующим обстоятельствам: скука, алкогольное опьянение, материальная выгода, желание привлечь к себе внимание и удержать партнёра, для самоутверждения [1].

Состояние репродуктивного здоровья во многом определяется образом жизни человека, а также сексуальным поведением и ответственным отношением к половой жизни. К сожалению, основная масса молодёжи не считает целесообразным связывать себя узами официального брака и предпочитает добрачные половые связи, мотивируя это тем, что необходимо стать, в первую очередь, материально независимым от родителей, закончить учёбу, получить профессию, и только тогда брать на себя ответственность и обязательства в отношении семьи. Большинство юношей считают, что добрачный «сексуальный опыт» имеет большое значение в будущей супружеской жизни. Они не считают целесообразным нести ответственность за сохранение возможностей беременности у их партнёрши, и предоставляет девушке самостоятельно решать эти вопросы. А ведь именно основным фактором, влияющим на состояние репродуктивной функции, является предупреждение нежелательной беременности. Аборт, особенно при первой беременности, может нанести серьёзную психологическую травму и даже привести к нарушениям в репродуктивной сфере. А неподготовленность молодых людей к семейной жизни, несформированность семейных ценностей приводят впоследствии к большому числу разводов.

Одной из социально-медицинских проблем сексуальной активности молодых людей является отказ от ребенка. По данным Минздравсоцразвития России, более половины «отказниц» – женщины в возрасте до 25 лет, около 10 % – несовершеннолетние.

Другая не менее важная проблема – это сверхраннее начало половой жизни и высокая частота беспорядочных половых контактов. Вот только некоторые факты, подтверждающие серьёзность положения. Среди лиц, не достигших совершеннолетия, от 40 % до 60 % живут половой жизнью. Более 10 % из них начали половую жизнь в возрасте до 14 лет [2].

В России за последние 30 лет показатель плодовитости женщин моложе 20 лет увеличился с 28,4 % до 47,8 %. Ежегодно имеет место около 1,5 тысяч рождений у матерей в возрасте до 15 лет, 9 тысяч – 16 лет, 30 тысяч – в возрасте 17 лет. Фактически удельный вес детей, рождённых несовершеннолетними женщинами, в общем числе родившихся составляет в среднем 2,3 %.

Раннее начало половой жизни служит в известной степени сигналом «бегства» молодых людей от охватившего их чувства одиночества, воплощение наивной мечты о любви с первого взгляда. Для многих из них половые связи связаны с характерной и очень острой потребностью в самовыражении, стремлению приобщиться ко «взрослому» образу жизни, а в ряде случаев и признаком начавшегося психического расстройства.

Физиологическая и психологическая неготовность многих молодых женщин к вынашиванию беременности сопровождается высоким числом осложнений беременности и родов, рождению недоношенных, больных и травмиро-

ванных младенцев. Так, рождение недоношенных и маловесных детей у таких женщин в 2 раза выше аналогичных показателей у женщин старшего возраста. Ряд исследователей отмечают, что частота осложнений беременности у юных приближается к 70 %, частота осложнений в родах – 47 %.

Помимо физической нагрузки незрелая личность юной беременной, как правило, испытывает глубокие эмоциональные травмы. Юные беременные и девочки-матери в нашей стране, несмотря на внешнее безразличие общества к их судьбам, находятся под очень сильным «нравственным» давлением, следствием чего является желание скрыть беременность или прервать её любыми, в том числе нелегальными, средствами. Боясь отрицательной реакции со стороны родителей и близких, почти 40 % девушек скрывают беременность и, сохраняя её, не обращаются к гинекологам. Почти для трети юных матерей их материнство является настолько нежеланным, что они во время беременности совершают криминальные попытки к её прерыванию.

Беременность юной женщины является причиной тяжелых конфликтов в семьях. Они зачастую оказываются ни морально, ни материально не готовыми к её сохранению. По данным ряда социологических исследований, положительно отнеслись к рождению ребёнка у их юной дочери только 60 % родителей, 15,6 % – резко негативно, а более 14 % родителей настаивали на прерывании беременности даже на поздних сроках, когда существовала реальная опасность для здоровья и жизни их ребенка. Очень часто также конфликты оказываются роковыми и, подталкивая юных женщин к уходу из семьи в асоциальные компании, ставят их на путь бродяжничества, проституции и т.д. Поэтому большинство учёных едины во мнении, что раннее материнство является неблагоприятным не только и не столько с акушерской точки зрения, сколько с социальной. Особенно серьёзны последствия в плане рождающихся детей. Одним из драматических последствий является то, что большинство юных матерей бросая своих детей на произвол судьбы, подвергает их агрессии.

После рождения ребёнка большинство юных матерей терпят серьёзные трудности. Эти трудности связаны с материальными и жилищными условиями, с нехваткой времени, с проблемами здоровья ребёнка, с физической усталостью, с моральной обстановкой и пр. Сверххранное материнство приводит к вынужденной изоляции их от среды сверстников в столь ответственный для становления личности период. Многие юные матери бросают дальнейшее обучение, теряют перспективы получения желанных профессий. Каждая третья юная мать считает, что рождение ребёнка нарушило жизненные планы, не позволило учиться, получить нужную специальность, помешало выйти замуж за любимого человека. Недаром у юных матерей часто возникают социально обусловленные психические нарушения, патологические развития личности, ранний алкоголизм и наркомания.

Одной из ключевых проблем сверххранного материнства является психологическая незрелость несовершеннолетних, которая делает многих из них не готовыми к эффективному материнству. Вопрос о психологической неготовности несовершеннолетней женщины принять на себя роль матери обсуждается давно. Проведенные социально-гигиенические исследования свидетельствуют, что более 25,8 % несовершеннолетних имеют половые контакты, и лишь 50,4 % из них среди причин, побудивших их к началу половой жизни, называли любовь и желание иметь семью с половым партнером. При этом более 80 % девушек до 18 лет имеют негативную репродуктивную установку или не имеют её вообще. В сложном комплексе психосоциальных проблем, которые возникают как у самой несовершеннолетней матери, так и вокруг неё, подчёркивается необходимость строгой дифференцированности.

К примеру, в подходе к вопросу о сохранении беременности у несовершеннолетних он предполагает критерии:

1. Сохранение беременности – если молодая женщина не проявляет симптомы дистресса, эмоционально зрелая, более чем соответствует возрасту, семья и общество обеспечивают поддержку, адекватную её моральным, религиозным, социальным и культурным ценностям.

2. Прерывание – если молодая женщина незрелая, с эмоциональными нарушениями, с признаками дистресса, живёт во враждебной семейной среде или не принимаемая окружением.

Существует ещё ряд проблем сексуального поведения современной молодежи. Среди них хотелось остановиться на такой проблеме, как ранний брак. Ранний брак – это брак, заключённый до наступления брачного возраста по специальному разрешению административных органов. Для нашего общества замужняя школьница, обремененная семейными проблемами, становится привычным явлением.

Для малолетних невест замужество неизменно означает раннюю беременность, что становится самой распространенной причиной смерти молодых женщин до 19 лет. Ранние браки, особенно для девочек, могут быть эмоционально и физически вредны. Выходя замуж в 15–16 лет, девушка ещё не готова к половой жизни, к материнству, не сложилась психика, характер, несмотря на то, что девушка может выглядеть взрослой. Поэтому семейная жизнь превращается для неё в сплошной стресс, и впоследствии всего этого она может либо родить ребёнка неполноценным, либо потерять его.

По мнению ряда исследователей, ранние браки лишают девушек одного из основных прав – права на образование, которое необходимо для полноценного вступления во взрослую жизнь, кроме того, ранние браки – это неизбежные разводы.

Одна из причин ранних браков – стремление сбежать от родителей. В тех семьях, где родители муштруют выросших детей, следят за ними, не уважают

их достоинство, да если просто ребёнку негде «голову приклонить», нет понимания, нет чувства дома – из таких семей подростки бегут куда угодно. И нередко самым простым выходом кажется ранний брак. Следующая причина – выросшие дети убегают от тяжёлого климата в семье, от постоянных родительских распрей или от вечной войны между папой и мамой, когда даже в самом убранном и обустроенном доме постоянно ощущается неуют.

При нынешней сексуальной информированности и достаточной свободе есть родители, которые всеми силами регламентируют интимную жизнь детей хотя весь интерес детей к этой жизни определяется банальным любопытством. И оказывается, до сих пор имеется тенденция регистрации брака для того, чтобы получить право на интимную жизнь. Понятно, что как только любопытство удовлетворено, брак становится не нужным и легко расторгается.

Молодым людям, которые серьёзно готовятся к совместной семейной жизни, бывает нелегко сохранить прочность своего брака – легко говорить об «ответственности за семью», а кто этому научит. Ведь если в ранние браки убегают дети из проблемных семей, то какую «школу» и какие впечатления они получили в доме родителей. К сожалению, именно по этой модели, даже бессознательно, они будут строить свои семьи, потому что другой модели для них нет.

Ещё одной проблемой раннего брака является так называемая «игра в семью». Именно потому, что негде научиться собственной семейной жизни, дети заключают такой брак как бы в шутку. Причём стремятся сделать это как можно раньше, чтобы было время в случае чего начать сначала.

Итак, существует ли выход из сложившейся ситуации? По мнению ряда исследователей основы сексуального поведения закладываются в детском и юношеском возрасте.

Социально-психологическая работа с молодежью в области полового образования на сегодняшний день является одним из актуальнейших направлений, осуществление которого приведёт к сохранению физического и нравственного здоровья молодого поколения, избавлению его от многих ненужных проблем и явится залогом счастливой и полноценной семейной жизни в будущем. Конечно, такая работа должна происходить поэтапно. Начинать эту работу следует со старшеклассников, поскольку ситуация именно с этой возрастной группой (14–17 лет) сегодня является наиболее тревожной в плане здоровья и нравственности. Однако это не исключает того, что некоторые вопросы (гигиена, здоровый образ жизни, анатомические, психофизиологические изменения в подростковом периоде) следует начать освещать уже 11–13-летним подросткам. В программы по половому образованию должны войти не только основы медицинских и гигиенических знаний, но и сведения по некоторым историческим, психологическим, религиозным, юридическим аспектам семейно-брачных и полоролевых взаимоотношений, а также информа-

ция по вопросам здоровья и здорового образа жизни. Важно также отметить, что программы полового образования не должны быть изолированными, их следует интегрировать в программы здорового образа жизни и подготовки к созданию здоровой семьи.

Половое воспитание следует расценивать как часть процесса формирования личности, оно включает в себя не только проблемы здоровья, но и моральные, правовые, культурные и этические аспекты, поэтому ошибочно ассоциировать половое воспитание лишь с освещением вопросов контрацепции и защиты от болезней, передаваемых половым путём. Прежде всего, в его задачу входит формирование у молодых людей ответственного отношения к своему здоровью, половой жизни, включая воздержание, к принятию осознанного решения и обучение умению сказать «нет». Повышение информированности по вопросам пола следует рассматривать в контексте повышения общей культуры, а также как превентивную меру в сохранении репродуктивного здоровья молодёжи. В связи с этим сексуальное образование направлено не только на то, чтобы уберечь молодых людей от раннего начала половой жизни, но и на то, чтобы научить их осознанно и ответственно относиться к этой важной стороне человеческой жизни.

По нашему мнению, одним из важнейших условий успешной реализации программ полового образования и воспитания считается тщательный отбор и всесторонняя подготовка специалистов для работы с молодёжью.

Некоторые родители, учителя, общественные и религиозные лидеры выражают опасение, что приобщение молодых людей к половому образованию, планированию семьи и контрацепции поощрит безответственное поведение и увеличит сексуальную активность вне брака. Однако опыт многих стран свидетельствует об обратном. Там, где были разработаны программы в области полового просвещения, сексуальная активность молодёжи не увеличилась. Наоборот, программы формируют у молодых людей ответственное отношение к сексуальности, в связи с этим происходит повышение возраста начала половой жизни, что помогает юношам и девушкам полностью реализовать жизненный потенциал, сохранить физическое и нравственное здоровье, избежать ошибок, иметь здоровое потомство.

Таким образом, решение социально-медицинских проблем сексуального поведения современной молодёжи связано с проведением следующих мероприятий:

1. активизацией социально-профилактической работы в учебном заведении;
2. организацией массовых оздоровительных мероприятий;
3. разработкой механизмов поощрения здорового стиля жизни.

Только во взаимосвязи всех участников процесса полового образования и воспитания можно по-настоящему решить проблему сексуального поведения

молодёжи, охране репродуктивного здоровья, ответственному родительству и планированию семьи.

Литература

1. Денисенко М. Б., Дала Зуанна Ж.-П. Сексуальное поведение российской молодежи // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 83–87.
2. Бердникова Т. В., Степанов Н. С., Сидоров Г. А. Юное материнство в современной семье. Курск, 2000.

Т. Конюхова

*(Научный руководитель доцент Н. Б. Ажнакина)
ПГПУ им. В. Г. Беллинского*

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ ДЕТЯМ АЛКОГОЛЕЗАВИСИМЫХ РОДИТЕЛЕЙ

Актуальность избранной темы заключается в том, что дети алкоголезависимых родителей все чаще становятся объектом социальной работы. Алкоголизм родителей формирует комплекс отрицательных макросоциальных влияний на ребенка. В результате эмоционально-поведенческие и личностные отклонения у детей, приобретенные в результате неправильного воспитания, затрудняют формирование у них нормальных межличностных отношений и социальной адаптации в целом.

В свою очередь, социальная дезадаптация является мощным неблагоприятным фактором, усложняющим личные и поведенческие нарушения. Она способствует формированию стойких психопатических состояний, асоциальных форм поведения. В связи с этим особую важность приобретает своевременная и целенаправленная работа с такими детьми [1].

Организацию социальной помощи детям алкоголезависимых родителей, как правило, осуществляют учреждения социального обслуживания населения, работа которых ведется в тесном контакте с заинтересованными ведомствами: правоохранительными органами, органами опеки и попечительства, образовательными учреждениями, учреждениями здравоохранения, культуры и др. [2]. Кроме того, созданы программы и законы, направленные на совершенствование работы по профилактике безнадзорности детей и подростков.

Изучение вопросов организации социальной помощи детям алкоголезависимых родителей было проведено на базе МУ «Комплексный центр социальной помощи семье и детям» Первомайского района г. Пензы, целью которого явилось исследование видов социальной помощи детям алкоголезависимых родителей и определения уровня эффективности оказываемой помощи.

Исследование было проведено методами анкетирования специалистов по социальной работе и беседы с психологом.

В анкетировании приняли участие 40 респондентов. Им было предложено ответить на 13 вопросов.

В ходе анализа анкет удалось выяснить следующее.

Проблемы, наиболее характерные для детей алкоголезависимых родителей – это проблемы обучения и воспитания (95 %), нарушение психического развития (82,5 %), проблемы отношения с родителями (75 %), педагогическая запущенность (52,5 %), проблемы общения (47,5 %), проблемы со здоровьем (32,5 %) и негативное отношение со стороны общества (5 %);

Виды помощи, оказываемые данной категории детей – психологическая (100 %), организация досуга и отдыха (87,5 %), профилактическая (72,5 %), санаторно-курортное лечение (62,5 %), педагогическая (60 %), организация занятости (трудоустройство) несовершеннолетних (47,5 %), консультативная (42,5 %), материальная, социально-реабилитационная и правовая (по 30 %, 27,5 %) помощь в адаптации (27,5 %) и медицинская (15 %);

Учреждения, играющие важную роль в реализации помощи детям алкоголезависимых родителей – это учреждения физической культуры и спорта – 80 %, учреждения образования – 77,5 %, учреждения социальной защиты – 72,5 %, по 65 % ответов приходится на Правительство области и учреждения культуры, 52,5 % респондентов выделяют СМИ, комитет по делам несовершеннолетних и органы власти – 37,5 %, Министерство здравоохранения и социального развития – 35 %, учреждения здравоохранения – 30 %, органы внутренних дел – 22,5 %, органы опеки и попечительства – 12,5 %;

Проблемы, с которыми приходится сталкиваться при организации помощи детям алкоголезависимых родителей – организационная проблема – 95 %, негативное отношение со стороны родителей – 62,5 %, экономическая – 30 %, законодательная проблема и отсутствие тесного межведомственного взаимодействия – 20 %, негативное отношение со стороны детей – 17,5 %, отсутствие квалифицированных кадров – 5 %;

Оценка уровня организации социальной помощи детям алкоголезависимых родителей (большинство специалистов оценивают взаимодействие с другими учреждениями на 4 балла, эффективность оказания помощи детям алкоголезависимых родителей на 3 балла, уровень подготовки специалистов на 5 баллов, уровень организации психологической помощи на 4 балла, педагогической помощи на 3 балла, медицинской помощи на 1 балл, правовой и материальной на 2 балла и уровень организации досуга и отдыха на 4 балла);

Меры профилактики в решении проблем детей алкоголезависимых родителей – организация досуга детей (кружки, лекции, экскурсии, беседы) – 92,5 %, предоставление путевок в лагеря – 85 %, борьба с асоциальным поведением взрослых – 82,5 %, по 80 % ответов приходится на осуществление воспитательно-просветительской работы и обеспечение подросткам и их родителям доступности социально-психологических консультаций, трудоустройство не-

совершеннолетних – 42,5 %, пропаганда здорового образа жизни – 40 %, предоставление услуги «Телефон доверия» – 15 % и 12,5 % – решение бытовых проблем.

Знания, которыми должен обладать специалист при организации социальной помощи детям алкоголезависимых родителей – психологические – 100 %, коммуникативные – 90 %, педагогические – 75 %, организационные – 67,5 %, правовые – 42,5 %, медицинские – 10 и экономические – 0 %.

Таким образом, исходя из полученных в ходе анкетирования данных, мы можем сделать следующие выводы. МУ «Комплексный центр социальной помощи семье и детям» оказывает разнообразные виды помощи детям алкоголезависимых родителей. В реализации данной помощи детям алкоголезависимых родителей важную роль должны играть различные учреждения: образования, физической культуры и спорта, здравоохранения и т. д. В решении проблем детей алкоголезависимых родителей должны принимать участие Правительство области, органы власти, Министерство здравоохранения и социального развития, а также СМИ. При этом очень важно, чтобы они взаимодействовали между собой как можно чаще. Все это необходимо для того, чтобы помощь детям алкоголезависимых родителей оказывалась как можно эффективнее, так как специалисты оценивают, что эффективность оказываемой помощи не на высшем уровне.

Беседа с психологом позволяет говорить о том, что дети алкоголезависимых родителей попадают в группу повышенного риска в связи с наличием поведенческих и эмоциональных проблем. Основной целью работы психолога с детьми алкоголезависимых родителей, является забота о том, чтобы дети смогли установить положительные взаимоотношения с другими людьми, особенно со сверстниками; обеспечение уверенности в собственных способностях и в собственной ценности.

Результаты исследований указывают на необходимость повышения эффективности социальной помощи детям алкоголезависимых родителей. Для этого необходимо:

- уделять большое внимание борьбе с асоциальным поведением взрослых; обеспечить бесплатное лечение родителей от алкогольной зависимости; улучшить работу педагогического коллектива в образовательных учреждениях при работе с несовершеннолетними, у которых возникают проблемы в обучении;

- улучшить психосоциальную работу с детьми, расширить спектр досуговых мероприятий и учреждений (бесплатных или с частичной оплатой);

- учреждения физической культуры и спорта должны стать более доступными для детей. Возможно, необходимо создание большого количества спортивных секций при школе, чтобы дети после уроков и в другое свободное время занимались делом, а не находились на улице.

– обеспечить доступность учреждений культуры (кинотеатры, театры, музеи, цирк).

– организовать занятость детей, обеспечить их трудоустройство в свободное время: после школы, в выходные дни, во время каникул.

Таким образом, работа с детьми алкоголезависимых родителей является основной задачей, стоящей перед органами и учреждениями социальной защиты населения.

Литература

1. Поддубная Т. Н. Социальная защита детства в субъектах РФ: общее и особенное // Отечественный журнал социальной работы, № 4, 2006, с. 36-44.

2. Смирнова В. Работа с неблагополучными семьями в Костромской области // Вопросы социального обеспечения, № 4, 2007, с. 18-22.

О. Старцева

(Научный руководитель доцент Н. Б. Ажнакина)

ПГПУ им. В. Г. Белинского

ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ МАТЕРЯМ

Социальная категория, условно называемая «маленькая мама», относится к одной из молодежных групп социального риска. Из года в год число и удельный вес таких групп возрастает и, в отличие от прошлого, они больше отчуждаются от родительской семьи, школы, макро- и микросреды в целом. Несовершеннолетние матери лишаются, как правило, семейного крова, не имеют законного супруга, они не получили образования, профессии, у них нет друзей, они отчуждены от семьи и общества в целом [4, с. 82].

В настоящее время доля юных беременных составляет 1,5–4 % по отношению ко всем беременным женщинам, так как увеличивается половая активность подростков. Коэффициент рождаемости у 15–19-летних современниц в 2,5 раза выше, чем 50–60 лет назад. Ежегодно каждый 10-й новорожденный ребенок в России появляется на свет у матерей моложе 15 лет и чаще всего вне брака, а беременность у 19 % девушек возникает в результате первого в их жизни незащищенного полового акта [2, С.395].

Нежелательная, случайная беременность, да еще в юном возрасте – всегда драма, тяжелое испытание для самой девочки и ее семьи. А если девушка все-таки решается родить ребенка, на нее обрушивается лавина новых проблем. Окружающие демонстрируют презрение, родители готовы из дома, школа отвергает, отец будущего ребенка нередко прерывает с ней отношения. Продолжать образование или устроиться на работу не представляется возможным.

Несовершеннолетние матери занимают особое социальное положение по сравнению с другими категориями матерей. Прежде всего, это связано с неустойчивым социально-экономическим положением в обществе. Как правило, такая мать не имеет собственного дохода, отсутствует поддержка со стороны отца ребенка. Девушка не сформировалась как личность, а подростковый возраст усложняет ситуацию: с одной стороны, матерью становится совсем юная девушка, которая сама еще ребенок, а с другой – забеременев, она автоматически становится взрослой и несет ответственность не только за себя, но и за будущее маленького человека, которого носит под сердцем.

Неустойчивое социально-экономическое положение и несовершеннолетний возраст матери, отсутствие жизненного опыта и неподготовленность к ответственному родительству определяет особое социальное положение юной матери в структуре общества. Следовательно, возникает необходимость изучения причин раннего материнства, проблем и потребностей юных матерей. Поэтому с целью выявления особенностей организации социальной помощи несовершеннолетним матерям мы провели социологическое исследование в Центре социальной помощи семье и детям Железнодорожного района, Комплексном центре социальной помощи семье и детям Первомайского района г. Пензы и в женских консультациях города.

В ходе проведенного исследования были опрошены в качестве экспертов врачи-гинекологи, так как несовершеннолетние беременные в первую очередь обращаются к врачу гинекологу, и он первый узнает о проблемах, с которыми неизбежно сталкиваются юные девушки.

По мнению экспертов, в последние годы им приходится довольно часто сталкиваться со случаями юного материнства. Причем отчётливо наблюдается тенденция снижения возраста юных матерей.

Как правило, беременные подростки обращаются в женские консультации на довольно поздних сроках беременности (позднее 16 недель). Причину этого эксперты видят в том, что несовершеннолетние беременные испытывают страх перед самим визитом к врачу-гинекологу. Чаще всего девушки даже не предполагали, что беременны и приходят к врачу вместе с родителями. Удивление испытывают не только несовершеннолетняя девушка, но и ее родители.

В большинстве случаев дети у таких матерей рождаются вне брака. Хотя случаев отказа от ребенка у юных мам – весьма редкое явление. Если же они и отказываются от ребёнка, то аргументируют это либо своим юным возрастом, либо отсутствием средств, необходимых для содержания и воспитания ребенка.

Кроме того, как считают эксперты, несовершеннолетние матери неспособны самостоятельно воспитать ребенка в силу своего юного возраста и от-

сутствия опыта. Вся забота о ребенке и несовершеннолетней матери ложится на плечи ее родителей.

В целом врачи-гинекологи считают, что адаптацию девочек-подростков к современным условиям *необходимо начинать задолго до того, как они станут матерями. Важно оказывать юным матерям социальную, семейную, педагогическую, юридическую и медицинскую помощь, что позволит вывести ее из социально и психологически травмирующей ситуации. Кроме того, следует создать условия для получения молодой мамой специальности и дальнейшего ее трудоустройства, а также для продолжения обучения в школе.*

В соответствии с результатами проведенного анкетирования чаще всего причинами юного материнства, как социального явления являются:

- разрушение семейно-брачных норм,
- отсутствие знаний о контрацепции и (или) неправильном ее использовании,
- ускоренные темпы жизни современного общества,
- низкий уровень жизни.

В соответствии с социальным статусом несовершеннолетних матерей их основными проблемами являются:

- непринятие родителями (70 %),
- материальные (66 %),
- воспитание ребенка (43 %),
- психологические (27 %),
- приобретение жилья (43 %),
- поиск работы (17 %),
- получение образования (14 %).

При этом основное количество опрошенных считает, что несовершеннолетние матери не в состоянии самостоятельно решить собственные проблемы и это требует объединения усилий многих учреждений.

При этом наиболее ценными для несовершеннолетних матерей являются такие виды помощи как:

- предоставление временного жилья (57 %);
- содействие в выполнении воспитательных функций по отношению к ребенку и помощь в адаптации в семье, в коллективе сверстников, в обществе (47 %);
- содействие в продолжении образования (34 %);
- трудоустройство (24 %);
- помощь и контроль за получением материальных льгот и пособий (17 %);
- консультация психолога (13 %).

В социальные учреждения юные беременные направляются из женских консультаций. При себе имеют социальную карту беременной, которая заполняют не только врачи, но и специалисты социальных учреждений.

По мнению большинства респондентов, численность несовершеннолетних матерей в последнее время увеличилось, так как произошло разрушение семейно-брачных норм и отсутствие культуры полового воспитания в нашем государстве. В большинстве случаев несовершеннолетние матери воспитываются в неблагополучных семьях.

В качестве основных проблем организации социальной помощи юным матерям выделяются:

- отсутствие внимания к данной проблеме со стороны властных структур (60 %);
- нежелание взаимодействовать со стороны юной матери из-за страха огласки (37 %);
- слабая нормативно-правовая база (32 %);
- неотлаженный механизм взаимодействия с иными ведомствами и учреждениями (30 %);
- отсутствие квалифицированных кадров (25 %);
- негативное отношение общества (17 %);
- отсутствие четких механизмов выявления несовершеннолетних беременных (7 %).

Необходимо подчеркнуть, что именно инициатива снизу, разработка новых технологий социальной работы во многом может способствовать формированию эффективных механизмов организации социальной помощи.

Таким образом, повышению эффективности организации социальной помощи юным матерям могли бы способствовать следующие меры:

- внедрение квалифицированных кадров, обладающих комплексом знаний и умений работы с юными матерями;
- создание специализированных учреждений для юных матерей;
- создание четких механизмов взаимодействия социальных учреждений с другими структурами.

Итак, социальная важность помощи юным беременным и матерям очевидна. Однако существующие службы, как здравоохранения, социальной защиты, так и образования оказались неподготовленными к эффективной помощи и поддержке этой категории населения. В связи с этим, необходимо принять региональную программу, которая бы объединила три взаимозависимых этапа: предупреждение нежелательной беременности у подростков, комплексную поддержку будущих юных мам, создание условий для адаптации юной мамы и ребенка. Определив круг проблем, стоящих перед юными мамами, можно сделать вывод, что программа по оказанию им помощи должна быть

направлена как на самих несовершеннолетних, их семьи, сферу образования, медицины, социальной защиты населения и средства массовой информации.

Для адаптации матерей-подростков к современным условиям необходимо создать службу, которая будет оказывать социальную, семейную, педагогическую, юридическую и медицинскую помощь молодой матери и ее ребенку. Для социальной реабилитации юных мам с ребенком, попавших в кризисную ситуацию, нужно предусмотреть организацию постоянно действующего приюта. Это позволит вывести юную мать с ребенком из социально и психологически травмирующей ситуации до ее разрешения. Кроме этого, следует создать условия для получения молодой мамой специальности и дальнейшего ее трудоустройства, а также для продолжения обучения в школе.

Работу с юными беременными необходимо начинать задолго до того, как они станут матерями. И эту деятельность можно разделить на 2 части. Первая часть – это разъяснительная работа среди подростков по вопросам контрацепции, последствий абортов, планирования семьи, консультирование по вопросам интимных отношений. Вторая – выявление и работа с юными беременными, а именно: психологическая и физическая подготовка к предстоящему материнству; помощь в решении кризисных социальных ситуаций, связанных с беременностью; подготовка к безопасным родам; обучение уходу за новорожденными и т. д.

Таким образом, социальная работа с несовершеннолетними матерями должна носить комплексный, адресный и последовательный характер.

Литература

1. Гурко Т. А. Опыты сексуальных отношений, материнства и супружества несовершеннолетних женщин / Социологические исследования. 2002 № 6.
2. Гуркин Ю. А. Гинекология подростков. СПб., 2000.
3. Гуркин Ю. А., Суслопаров Л. А., Островская Е. А. Основы ювенильного акушерства. СПб, 2001.
4. Панов А. М., Холостова Е. И. Теория и практика социальной работы: методические материалы. М., 1998.

Ю. Синельникова

(Научный руководитель доцент Т. Г. Скороходова)

ПГПУ им. В. Г. Белинского

МЕТОД ИДЕАЛЬНОГО ТИПА МАКСА ВЕБЕРА И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

В общественном сознании пока не сформировано единое представление о специалисте по социальной работе. Чаще всего его воспринимают как часть

более широкой общности социальных работников, которая уже закрепились в общественном сознании, правда, также в весьма искаженной, карикатурной форме. В современном российском обществе бытует расширенное толкование понятия «социальный работник». Так называют и неквалифицированных помощников по хозяйству, и дипломированных специалистов в области социальной работы, и представителей других профессий, работающих в системе социальной защиты населения. Такая «размытость» представлений отнюдь не способствует адекватному восприятию этой благородной, важной для общества профессии, незаслуженно снижает её престиж. Всё вышеперечисленное делает актуальным конструирование идеального типа специалиста по социальной работе по аналогии с идеальными типами государства, бюрократии М. Вебера.

Идеальный тип – это конструкция целерационального действия, своеобразная матрица, при наложении которой на социальную реальность реальное поведение, обусловленное различными иррациональными факторами (аффектами, заблуждениями), может быть понято как отклонение от чисто рационально сконструированного. Сконструировав идеальный тип специалиста по социальной работе, мне удастся очертить тот круг личных качеств, профессиональных обязанностей, ролей, которые должны быть присущи данному специалисту.

Первая и самая важная характеристика специалиста по социальной работе – наличие образования по данной специальности и соответствующего диплома. То есть, социальный работник-специалист должен обладать определённым арсеналом знаний, умений и навыков по специальности. Исследования российских учёных, а также практика социальной работы позволили выделить несколько групп умений для специалиста по социальной работе.

Когнитивные умения. Квалифицированный социальный работник должен уметь анализировать и оценивать опыт, как свой, так и других, применять на практике исследовательские находки, анализировать и выявлять проблемы, применять на практике свои знания и понимание проблем.

Организаторские умения. Квалифицированный социальный работник должен быть в состоянии вести четкие, лаконичные записи, проводить политику службы относительно конфиденциальности и надлежащего подхода к делу, организовывать, планировать и контролировать работу, расширять сферы своих услуг, оценивать и творчески использовать ресурсы учреждения и социальных коммуникаций и т.д.

Конструктивные умения. Квалифицированный социальный работник должен вырабатывать решения с индивидами или, при необходимости, от их имени, с семьями, группами или от их имени, выделять решения, требующие предварительного согласования с другими специалистами, учреждениями, ведомствами и т.д.

Коммуникативные умения. Квалифицированный социальный работник должен создавать и поддерживать рабочую обстановку и атмосферу, выявлять и учитывать в работе различия личного, национального, социального и культурно-исторического характера, распознавать и преодолевать в отношениях с людьми агрессию и враждебность, вести переговоры, выступать по радио, телевидению и т. д.

Вторая характеристика специалиста по социальной работе- умение применять полученные знания на практике. Это обстоятельство предполагает прохождение обширной практики в процессе профессионального образования под руководством опытного наставника, то есть по такому типу отношений, который был характерен для средневековых мастера и подмастерья.

В-третьих, знания, умения и навыки социального работника-специалиста должны сочетаться с определёнными личностными качествами (интуиция, ответственность, наблюдательность, коммуникабельность, корректность, личная адекватность по самооценке и оценке других, способность к самообразованию, гуманистическая направленность личности и т. д.). Также существуют психологические противопоказания к социальной работе. К ним относятся: отсутствие интереса к другим людям эгоизм, вспыльчивость, резкость суждений, неумение вести диалог с оппонентом и т.д.

В идеале у всех абитуриентов, поступающих на специальность «Социальная работа», должны быть проверены не только знания определённых предметов, но и соответствие их интересов, личностных качеств качествам, требуемым профессией. Для проверки могут быть использованы тесты, определяющие склонность к работе в определённой системе («Человек-человек», «Человек-природа», «Человек-машина»).

В-четвёртых, в деятельности специалиста по социальной работе должны гармонично сочетаться традиция и инновация. Теперь наложим получившийся идеальный тип специалиста по социальной работе на существующую социальную реальность и рассмотрим практическую социальную работу.

Если рассматривать социальную работу как можно более строго, следует подчеркнуть, что процесс её профессионализации ещё не закончен. Любая профессия стремится очертить круг вопросов, относящихся к сфере её компетентности, монополизируя профессиональное знание. Профессиональный статус гарантирует высокое материальное положение, элементы престижности, чего в случае с социальной работой не происходит. Существенной проблемой в развитии социальной работы является неясность профессиональной идентичности. Смещение понятий «социальный работник» и «специалист по социальной работе», основанное, в частности, на некорректных представлениях по данному вопросу, присутствующих в СМИ, спровоцировало размытость критериев профессиональной принадлежности представителей социальной работы. Образ социальной работы как малопривлекательной, маргинальной

деятельности провоцирует стагнацию её негативного имиджа и вызывает вопросы типа: «зачем нужно образование по социальной работе?», «там, что учат выжимать половую тряпку?». Социальные службы из-за низкого статуса профессии в обществе и небольшой заработной платы не могут привлечь к себе специалистов и принимают на работу неподготовленных людей, а потом затрачивают средства на их переподготовку.

Кроме того, нельзя не отметить воздействие на формирование профессиональной культуры специалистов по социальной работе советской практики социального обеспечения. Молодая профессия восприняла многие негативные черты своего предшественника: патернализм, бюрократизм, ориентацию на материальное обеспечение в ущерб развитию личностного и социального потенциала клиентов.

Таким образом, выработка и распространение правильной терминологии, чёткие понятия ролей специалистов по социальной работе и миссий социальных служб должны инициировать новые взгляды на эту профессию, разумно отделяя её от смежных областей.

ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Л. И.Найденова,

Пензенская государственная технологическая академия

И. Брагина

ПГПУ им. В.Г. Белинского

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность проблемы исследования обусловлена функциями семьи как социального института, с тем, что общение и досуг в семье играют важную роль в развитии (социализации) личности. Так, среди функций, выполняемых семьей как социальным институтом, выделяются рекреационная функция и функция совместного проведения досуга. Данные функции связаны с функцией социализации: то, как в семье проводится досуг, формирует у ребенка установки на проведение досуга в будущем. Помимо того, позитивные формы проведения досуга, к которым и относится семейное чтение, положительно влияют на ребенка, формируют в нем качества, необходимые для социальной интеграции.

Проблема исследования состоит в противоречии между тем, что семья должна выполнять выше обозначенные функции, и тем, что сейчас большинство семей в силу объективных факторов данные функции или не выполняет, или выполняет не в должной мере.

Значительным потенциалом в разрешении данной, несомненно, актуальной социальной проблемы обладает семейное чтение.

Аналитическая операционализация основных понятий включает структурную и факторную операционализацию.

Семейное чтение» можно понимать в двух значениях; во-первых, как реализацию одного из видов; во-вторых, как проявление функции общения.

Структурная операционализация понятия «семейное чтение» (как предмета исследования) означает выделение двух основных элементов. Это – выбор чтения как вида досуга и отношение к чтению, т.е. оценка его роли в жизни семьи.

Факторная операционализация требует выделить две основных группы факторов, влияющих на процессе семейного чтения. К объективным факторам надо отнести 1) возможности совместного чтения, определяемые частотой чтения для детей; 2) возможности посещения библиотеки; 3) определенные семейные традиции, связанные с совместным досугом и

с процессом общением (в данном случае – обсуждение прочитанной литературы в семье).

К субъективным факторам мы относим 1) читательские вкусы, проявляющиеся в выборе вида литературы для чтения; 2) оценку роли библиотеки и чтения как вида досуга в процессе выполнения воспитательной функции семьи.

Целью исследования было определение роли семейного чтения в воспитании подрастающего поколения, и установление функций библиотек в этом процессе.

В процессе исследования 2008 г. по квотной выборке было опрошено 1516 человек из 22 районов области. Социально-демографическая структура опрошенных распределилась таким образом:

Показатели	Кол-во человек	В %% к общему кол-ву респондентов
Пол: муж.	711	46,9
Жен.	773	51,0
Нет ответа	32	2,1
Возраст: 14-20 лет	146	9,6
20-29 лет	330	21,8
30-39 лет	391	25,8
40-49 лет	293	19,3
50-59 лет	295	19,5
60 лет и выше	40	2,6
Нет ответа	21	1,4
Тип семьи:		
полная	1124	74,1
неполная	250	16,5
Нет ответа	142	9,4
Количество детей в семье:		
Один ребенок	641	42,3
Двое детей	599	39,5
Трое детей	99	6,5
Более трех детей	16	1,1
Нет ответа	161	10,6

Большинство опрошенных ответили, что посещают библиотеку всей семьей, т.е. все в нее записаны и получают необходимую информацию. Цели посещения распределились следующим образом. На первом месте – необходимость получения различной информации (34,0 % опрошенных), на следу-

ющем – стремление расширить свой кругозор (22,0 %). Далее указываются такие цели, как получение источников информации для обучения и желание отдохнуть, провести досуг (21,2 и 22,0 % соответственно).

Можно сделать вывод о том, что библиотека выполняет свои основные функции:

- передача информации. накопление культурных достижений;
- организация культурного досуга, общения.

Нередко опрошенные жители в качестве дополнительных целей посещения библиотеки указывают именно такие, как возможность увидеть друзей, пообщаться с людьми, поговорить.

Очень важным для целей исследования оказывается распределение ответов на вопрос о том, что предпочитают выбирать для чтения опрошенные жители. В соответствии с результатами опроса можно представить основной перечень типов литературы в порядке убывания в виде:

- историческая литература; приключенческая и детективная
- любовные романы
- фантастика; литература о путешествиях и о современной жизни в других странах
- мемуары известных людей
- литература о политике; о культуре и искусстве
- стихи современных поэтов; кинороманы
- стихи поэтов прошлых веков.

В других ответах многие опрошенные указывают необходимую учебную, научную литературу, а также литературу для детей, для ведения хозяйства, и в соответствии с интересами, с видами досуга.

Распределение видов предпочитаемой литературы также согласуется с выбором целей посещения библиотеки. Прослеживается потребность в новой информации научного характера. Одновременно можно заметить, какую важную роль играет чтение как вид досуга во многих семьях. Поскольку в библиотеку записываются еще и дети, то чтение, информация служат для них одним из средств развития личности, формирования отношения к окружающим людям, формирования своего собственного мировоззрения.

В этом плане многое зависит и от самих родителей. Несмотря на большую занятость (а в сельской местности даже домашнее хозяйство требует значительно больше времени, чем в городской), многие опрошенные находят время, чтобы читать литературу вместе с детьми, участвуют в их процессе чтения. Опрошенные жители чаще выбирают ответы о том, что читают либо каждый день, либо через день, либо 1–2 раза в неделю, чем редко. У многих принято обмениваться впечатлениями о прочитанных книгах либо постоянно (42,2 %), либо иногда (43,7 %). Такое представление о роли семейного чтения согласуется с ответами опрошенных о том, кто прививает ребенку интерес к чтению.

Большинство опрошенных считают, что это должны делать родители (62,2 %), меньше опрошенных отмечают, что это делает библиотека (36,5 %). Несколько меньшая часть опрошенных отмечает участие школы в этом же процессе (25,4 %). В этом также прослеживается выполнение воспитательной функции, влияния на развитие личности, в которой действительно участвуют прежде всего все три названных фактора. Надо отметить, что совместное семейное чтение не только является способом культурного досуга. Можно предположить, что такие совместные взаимодействия укрепляют ситуацию в семье, усиливают эмоциональное взаимодействие, воспитывают общие взгляды.

Опрошенные родители отмечают, что конкретно влияет на формирование и развитие личности в процессе семейного чтения, обмена впечатлениями о прочитанном. Прежде всего, по их мнению, это стимулирует развитие сознания (35,9 %), причем важное место занимает расширение кругозора, развитие познавательных процессов, что облегчает обучение ребенка в школе (34,4 %). Но не только на развитие личности влияет семейное чтение. При этом укрепляются взаимоотношения родителей и детей, формируются общие интересы, а это помогает решить те проблемы, которые часто бывают характерны для взаимоотношений в семье. 25,5 % опрошенных отмечают, что совместное чтение улучшает взаимоотношения детей и родителей. 14,4 % опрошенных считают, что совместное чтение с подростками даже помогает найти решение проблем, свойственных этому возрасту. Это справедливо, так как, действительно, информация помогает формировать социальный опыт, благодаря которому можно найти выход из проблем или избежать конфликтных ситуаций.

Для формирования прочной и надежной семьи недостаточно только выделения материальных средств, хотя удовлетворение материальных потребностей всегда находилось на первом месте. Нужны еще меры по формированию устойчивого отношения к семье как к социальной ценности. Именно в этом важную роль играют библиотеки, которые участвуют в процессе формирования ценностей, ориентаций в общественном сознании. Большинство опрошенных высоко оценило такую роль библиотек. 56,7 % опрошенных считают, что библиотека может стать центром диалога поколений «отцов и детей», центром семейного литературного общения. Таким образом, выполняется еще одна важная функция библиотеки и семейного чтения – поддержание сплоченности в семье, укрепление семьи.

Жители сельской местности и районов знают о проблемах содержания библиотечного фонда, и совсем не потребительски относятся к чтению. Все опрошенные дали свои ответы на вопрос о том, что надо делать далее для развития семейного чтения. Большая часть опрошенных (31,2 %) отмечает, что нужны мероприятия, объединяющие разные поколения. Полезно опросить читателей, в каких мероприятиях они сами хотели бы участвовать, поскольку наиболее эффективным бывает выполнение тех решений, в которых

люди участвуют не как пассивные зрители или приглашенные, а как активные участники по выполнению и разработке этих решений. Это могут быть встречи со знаменитыми людьми, организация любительских концертов и спектаклей. Немало опрошенных отмечают такое направление, как создание клуба семейного общения при библиотеке. Предметами для такого общения могут быть читательские интересы, которые действительно могут объединить много семей. Ведь многие опрошенные отмечают, что предпочитают чтение литературы, например, о любительских занятиях, о хозяйстве, или чтение научно-популярной информации. Все это является основой для создания таких клубов по интересам при библиотеке. В качестве примера можно привести клуб любителей английского языка и литературы, который собирается периодически по инициативе сотрудников отдела иностранной литературы Областной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова.

Другие респонденты считают важным рекомендацию детской литературы со стороны сотрудников библиотеки (22,0 %) и даже предлагают проводить консультации по воспитанию детей в семье. Действительно, к этому делу можно было бы привлечь и педагогов, и школьных психологов (в районных центрах), и это тоже способствовало бы укреплению семьи. Ведь во многих семьях главным является обеспечение материальных потребностей, на которое уходит основная масса времени. И это понятно, так как во многих семьях в современном российском обществе такие низкие зарплаты, что их хватает в основном на покупку продуктов питания и самых необходимых средств.

Можно добавить еще к этому следующие предложения. При библиотеках можно было бы организовывать консультации не только педагогов с целью помочь в воспитании детей, но и сотрудников районных центров занятости населения, юристов, врачей, социальных работников. Для организации таких встреч можно было бы привлечь те самые клубы семейного общения, о создании которых высказались многие опрошенные. И тогда многие читатели охотнее пришли бы на такие встречи, а компетентные лица действительно оказали бы консультативную помощь в вопросах трудоустройства не только родителей, но и детей-школьников, или в вопросах социальной защиты и т. п.

19,9 % опрошенных отмечают среди предлагаемых мер еще и предоставление библиотечных услуг на основе новых информационных технологий. Это означает, что информация по Интернету становится популярной и необходимой в сельской местности. Возможно, опрошенные хотят получить информацию о трудоустройстве, о перспективах обучения или переподготовки в конкретных образовательных учреждениях, многие из которых имеют свои сайты в Интернете, или хотят найти консультационные материалы через справочные системы. Респонденты также указывают юридическую, медицинскую, справочную литературу среди той, которые они предпочитают.

Итак, на основании проведенного опроса общественного мнения можно сделать следующие выводы.

1. Библиотеки выполняют свои основные функции (информационная, культурная, организация досуга, воспитательная), к которым добавляется еще одна, очень важная в условиях нынешней демографической ситуации – это укрепление семьи, формирование стабильных взаимоотношений родителей и детей.

2. Несмотря на большую занятость, многие опрошенные жители сельской местности находят время для совместного чтения с детьми, которое выступает не только как средство досуга, но скорее как способ формирования мировоззрения детей и подростков, способ установления прочных взаимоотношений в семье.

3. Дальнейшими направлениями в работе библиотек могут быть: развитие информационно-консультативной базы. Оснащение современными информационными технологиями; привлечение самих читателей к мероприятиям, объединяющим разные поколения (создание клубов семейного общения, встреч с интересными и знаменитыми людьми).

Говоря о необходимости возрождения традиции семейного чтения, надо, прежде всего, ответить на следующие вопросы.

Что читать в семье? Ответ не будет равнозначен ответу на вопрос «что читать детям?». Во втором случае будут превалировать книги для детского чтения, ориентированные на тот или иной возраст. Эти книги родители читают детям «в воспитательных целях», в тот период, когда ребенок не умеет читать сам. Семейное чтение — это культурная форма внутрисемейного общения, организации досуга всех членов семьи, одна из форм организации жизни семьи в целом. Здесь важен не только сам процесс совместного чтения (желательно, чтобы это было чтение вслух), но, прежде всего — процесс совместного переживания и обсуждения прочитанного, так как именно в ходе него формируются и крепнут общесемейные ценности, создается возможность для понимания другого члена семьи и для развития всех. Потому для семейного чтения нужны книги, которые затрагивают мысли и чувства всех членов семьи, книги, в которых и взрослый, и ребенок может открыть для себя что-то новое, интересное. Нужны книги, которые побуждают к общению, книги, которые хочется перечитывать.

Такой подход к семейному чтению делает единицей проекта не книгу, а семью, а сам проект становится средством двойного действия: *семейное чтение помогает становлению и укреплению семьи; а семья становится средством трансляции ценности чтения.*

Как читать в семье? Этот вопрос не менее важен, чем вопрос «что читать?». Конечно, имеется в виду не процесс перевода букв в звуки и смыслы, а процесс организации совместного восприятия текста, обсуждения прочитанного, что, собственно, и относится к семейному чтению. А

поскольку традиции семейного чтения утрачены, их надо будет возрождать и транслировать заново. Трансляция ценности семейного чтения предполагает организацию наблюдений за тем, как проходит процесс совместного чтения и обсуждения прочитанного в конкретных семьях, включает организацию этого процесса и повторение увиденного в собственных семьях наблюдателей. По сути, речь идет о социально-культурном эксперименте, в центре которого должны оказаться семьи, готовые поделиться секретами семейного чтения, выступить законодателями «моды на семейное чтение», а по сути — «моды на семью», основой которой являются общение, коммуникация, совместное дело, сопереживание, сочувствие. В предлагаемом подходе можно найти некоторые аналогии с тем, как в 1930-х годах в США разрабатывалась и продвигалась средствами кино модель американской семьи. У нас сейчас есть необходимость и шанс начать работу по созданию и трансляции модели российской семьи — семьи читающей, думающей и любящей.

Ответ на вопрос «как читать в семье» предполагает и поиск ответа на сопряженный вопрос «как транслировать ценности семейного чтения?». Безусловно, трансляция может быть организована через акции, предполагающие непосредственное общение семей с писателями и друг с другом, и через СМИ. Оптимально, чтобы в освещении таких акций участвовали телевидение, радио, периодические издания.

Таким образом, проекты по развитию семейного чтения предполагают работу по трем направлениям:

1. *Издательское.* Отбор и издание книг для семейного чтения, в том числе — с ориентацией на местных авторов.

2. *Организационное.* Отбор семей, участвующих в таких проектах, разработка и организация акций, популяризирующих семейное чтение и ценность семьи.

3. *Имиджевое.* Разработка и реализация медиа-сопровождения проектов по семейному чтению.

Проекты, направленные на возрождение традиций семейного чтения, могут иметь большое социально-культурное и политическое значение в регионах, так как политика поддержки семьи и семейных ценностей — один из приоритетов государства, а развитие семейного чтения — одно из направлений Национальной программы поддержки и развития чтения.

Заслуживает распространения и внедрения в практику опыт разработки и реализации таких целевых комплексных проектов (ЦКП), как, например, проект, известный под названием «Мама, Папа и Я – читающая семья»[1].

Примечания

1. <http://festival.1september.ru/articles/515354/>

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ГРАЖДАН

При изучении социальной структуры современного российского общества невозможно игнорировать вопросы социальной самоидентификации, трактовать этот факт как второстепенный по сравнению с главными – объективными критериями для выделения социальных групп: дохода, уровня образования, профессиональной принадлежности и т. д. Для нашего общества до сих пор характерна декомпозиция статусов, особенно резко проявившаяся в начальный период рыночных реформ. Такая декомпозиция сложилась потому, что доход зачастую не соответствует уровню образования и квалификации людей. У человека возникает ситуация «раздвоения статуса», при которой его социальная самоидентификация и является, по сути, решающим аргументом при выборе модели социально-экономического поведения: модели потребления, типа поведения в сфере образования и культуры и т. п. Таким образом, прояснение *реальной* социальной структуры обязательно должно включать в себя изучение не только факта, но и процесса, механизмов, аргументов социальной самоидентификации.

В данной статье мы рассмотрим, каким образом высшее образование влияет на социальную самоидентификацию. Именно этот компонент, с одной стороны, значительно девальвировался в период рыночных реформ как критерий статуса, а, с другой, его недооценка на рынке труда и создает ощущение рассогласованности статусов.

Необходимость внимания к вопросам социальной самоидентификации обусловлена еще и тем, что весь период рыночных реформ 90-х годов помимо объективного рассогласования статуса происходило и субъективное рассогласование, связанное с резкой сменой «героя нашего времени». Ученые, космонавты, врачи и учителя, люди, занимающиеся созидательным трудом, совершенно исчезли с экранов телевизоров, в массовую литературную, кино и телепродукцию из всех представителей социально значимых профессий попали только сыщики.

Одновременно резко менялась «шкала престижа» профессий и у молодежи. Все чаще единственным аргументом в пользу того или иного занятия оказывались деньги. Слова о социальной значимости труда, его творческом содержании и т.д. в устах нищих учителей звучали неубедительно. Все это порождало своего рода «социальную шизофрению», когда социальная самоидентификация не соответствовала уровню и образу жизни, а жизненные планы и ориентиры – новому статусу. Необходимо выяснить поэтому, как повлияли эти процессы на восприятие своего социального статуса людьми, имеющими

высшее образование и занятыми в резко «подешевевших» отраслях. Насколько деструктивными оказались описанные выше процессы для социального самоопределения, насколько сохранилась значимость высшего образования как критерия социального статуса у людей с разным уровнем дохода. И, наконец, насколько потеря квалификации компенсируется повышением дохода при социальной самоидентификации и наоборот. Серьезная социальная проблема нашей страны, по распространенному в современной российской социологии мнению, заключается в том, что «... в составе двух третей населения страны, пребывающих в состоянии малообеспеченности, бедности и нищеты, порядочную долю составляют несостоявшиеся кандидаты в средний класс: основная масса врачей, учителей, инженеров, профессоров и исследователей. Часть из них не выдержала теста на профессионализм в условиях рынка, но значительные группы оказались в аутсайдерском положении, за пределами своего естественного социального окружения в силу характера проводившейся на протяжении постсоветского периода государственной политики [8].

На результатах проведенного нами исследования мы и хотели рассмотреть, как складывается социальная самооценка, социальное самочувствие этих «несостоявшихся кандидатов», как они оценивают свой жизненный путь, как их социальная самооценка влияет на поведение в сфере потребления, в сфере образования и культуры.

Информационной базой исследования стали интервью, проведенные в г. Пензе с октября по декабрь 2008 г. в рамках научно-исследовательского проекта под руководством О. И. Шкаратана, которые позволили выявить внутрисемейные механизмы формирования и накопления культурного капитала. Мы пользовались методом углубленных полуструктурированных интервью, используя методические подходы, применяемые при качественных исследованиях [5]. В основу методологии сбора и анализа качественных данных нами был положен биографический метод французского социолога-антрополога Д. Берто, который, будучи приверженцем воспроизводственного подхода, в индивидуальных достижениях видел «следы» предшествующих поколений. [1, с. 2].

Центральными для нашего исследования были вопросы о воспроизводстве культурного капитала, но в ходе исследования мы затрагивали и вопросы социальной самоидентификации, значения высшего образования и профессиональной реализации при социальном самоопределении.

В большинстве интервью наблюдалось признание поступательного повышения социального статуса семьи от поколения к поколению. Все опрошенные признали, что получение высшего образования было для них фактором серьезного повышения статуса и расширения жизненных возможностей. Заметим, что только у четырех респондентов родители имели высшее образование и ни у кого не было образованных бабушек и дедушек. Социальное развитие

семей наших респондентов происходило в контексте индустриализации и урбанизации. Освоение развивающейся городской среды и получение высшего профессионального образования в соответствии с потребностями развивающейся экономики были условиями повышения социального статуса наших респондентов. Именно поэтому высшее образование воспринимается ими как один из важнейших критериев социального статуса.

Однако такое важное значение высшего образования как фактора социальной самоидентификации обуславливается не только прошлыми, но и настоящими социально-экономическими условиями. Отличительными признаками современной социальной структуры является, во-первых, декомпозиция, т. е. рассогласование статусов, а во-вторых – вынужденная маргинальность, «междустатусность» индивидов и целых социальных групп. Декомпозиция статусов вызвана, прежде всего, резким снижением оплаты труда работников с высоким уровнем образования и квалификации, появлением рабочих мест с относительно высокой оплатой труда, не требующих при этом высокого уровня образования, квалификации, опыта работы.

Происходит, таким образом, экономическая девальвация квалификации и образования. Но возникает социально-психологический феномен восприятия образования и квалификации как критерия статусной принадлежности и как способа социального самосохранения. [6] Этот феномен проявился в наших интервью в том, что уровень образования, образ жизни, уважение окружающих расценивались респондентами как критерии статуса, не уступающие по значимости уровню дохода.

Субъективная оценка имеет и вполне объективные социально-экономические следствия. Высшее образование реально становится критерием социального статуса, формируя образ жизни, в котором, по выражению А. И. Кравченко, не складывается культура бедности. [3]. Это проявляется, прежде всего, в отношении к будущему детей, в стремлении во что бы то ни стало дать им образование, в относительно высоком уровне потребления платных услуг в сферах образования, здравоохранения и культуры, информационной и книжной продукции. А. И. Кравченко еще в конце 90-х годов выделил группу так называемых «новых бедных» [4], к которым он и некоторые другие исследователи относят образованные слои, занятые в так называемой бюджетной сфере, и чей доход просто «съежился» в результате реформ. От низших и маргинальных слоев в современной России их отличает отсутствие наследования своеобразного инстинкта бедности, а также стремление дать образование своим детям, несмотря на серьезное финансовое напряжение.

В наших интервью мы смогли зафиксировать социальные механизмы такого противостояния «инстинкту бедности», социального самосохранения. Ядром социально-психологического механизма является, во-первых, устойчивая профессиональная самоидентификация, любовь к профессии и делу,

организация жизни, в том числе и потребления, таким образом, чтобы даже на пределе бюджета обеспечивать профессиональное развитие. Во-вторых, высшее образование создает систему ценностей, позволяющую предполагать в жизни иные цели, чем обогащение. Однако нужно отметить, что набор ценностей и целей, связанных с профессией, делают социальную самоидентификацию более уверенной и устойчивой, чем система ценностей, связанная с уровнем образования.

Ядром социально-экономического механизма социального самосохранения является образ жизни и потребительское поведение, организация досуга и позиция относительно будущего детей. Помимо интервью наши данные опираются на расчеты, сделанные Г. А. Ястребовым на основе данных представительного опроса по России [9] и представленных им в нашем совместном докладе на X Международной научной конференции по проблемам экономики и общества в Государственном университете Высшая школа экономики в г. Москве. Согласно этим расчетам, структура потребления в таких семьях, как правило, демонстрирует более высокий уровень социальных запросов, чем тот, который мог бы сложиться при их уровне дохода и благосостояния. Это проявляется в том, например, что часть средств расходуется на предметы, связанные с профессиональными нуждами (специальные книги и журналы, компьютер, Интернет), а также в том, что в таких семьях складывается относительно высокий уровень социальных потребностей. Доход же выступает как ограничитель, что отражается на значительном сокращении повседневных расходов, прежде всего, на питание и одежду, а также в отказе от туризма, путешествий. Наши интервью, таким образом, подтвердили расчеты, сделанные на результатах опроса.

Повседневное экономическое поведение и потребление семей большинства наших респондентов связано с жесткой и жестокой для них социально-экономической реальностью. Осознание этой реальности и связанный с ним пессимизм констатировался нами в ходе интервью. Но наибольшим пессимизмом и аскетизмом окрашено именно повседневное потребление. Потребление же товаров длительного пользования, особенно жилья, дает завышенное представление о доходах семей этой социальной группы. Их стратегическое поведение и его экономическое выражение – инвестиции семьи, в основном в образование и будущее детей, свидетельствуют о сохранении и воспроизводстве широкого спектра потребностей, характерных, отнюдь, не для бедных, а тем более не для маргинальных слоев, а скорее для «настоящего среднего класса». Таким образом, высшее образование и высокая профессиональная квалификация, становясь *субъективным* фактором социального самоопределения, через механизм потребительского поведения, поведения в сфере образования и культуры, становится *объективным* фактором социальной структуры и экономики, так как способствует созданию массового спроса на товары и услуги, характерные для потребления среднего класса.

Следует подчеркнуть, что именно высшее образование серьезным образом корректирует структуру потребления «новых бедных». В области спроса на услуги, особенно образовательные, информационные и технические новинки это, скорее, потребление среднего класса, чем бедных. И дело здесь не только в надежде на будущее детей. Большинство бедных образованных слоев занято трудом, непосредственно связанным с оказанием социально значимых услуг живым, реальным людям. В этом случае ответственность перед работодателем, абстрактная профессиональная гордость заменяются личной ответственностью перед конкретным человеком. Она ощущается гораздо острее, создает, с одной стороны, профессиональный тонус, а с другой стороны, служит подтверждением необходимости *реального* социального статуса. Это становится фактором и профессионального самосохранения тогда, когда заработная плата не соответствует стоимости рабочей силы и не позволяет ей воспроизводиться на должном уровне. Происходит определенная перегруппировка потребления, позволяющая «обслуживать потребности профессионализма» за счет сокращения некоторых статей личного потребления. Сохранение хотя бы части «небедного» потребления и удовлетворение опять-таки хотя бы части профессиональных потребностей позволяет сохранить не просто социальный статус, справиться с противоречиями и провалами социальной самоидентификации, но и сохранить чувство человеческого достоинства, без которого не то что гражданское, а просто никакое общество по-настоящему невозможно.

Социальная самоидентификация, связанная с уровнем образования и квалификации, профессиональной успешностью и образом жизни, может быть, как мы выяснили в интервью, разной степени целостности. Ряд респондентов в интервью уверенно причисляли себя к среднему классу, ориентируясь на признаки, не связанные с доходом, некоторые же колебались, называя два статуса одновременно – тот, который, как им кажется, соответствует уровню их образования и другой, ниже или значительно ниже, который соответствует уровню их дохода. В этом случае ориентация на профессиональный рост и относительно высокий уровень потребления платных услуг в сфере культуры, образования и здравоохранения проявлялась значительно слабее. Образ жизни и способы проведения досуга респондентами этой группы не демонстрировали так отчетливо их социальную самоидентификацию в качестве среднего класса, как те, кто либо не учитывал доход при социальной самоидентификации, либо считал социальные и культурные признаки более значимыми.

Помимо субъективных ощущений неудовлетворенности своим доходом, которые отражаются в двойственной социальной самоидентификации, существует вполне объективное обстоятельство, затрудняющее самоопределение социального статуса. Мы назовем это обстоятельство межстатусностью. Межстатусность возникла вследствие реализации людьми различных

«стратегий выживания». В условиях резкого изменения социальных условий и снижения уровня жизни люди меняли места работы, находили занятия, не требующие имеющегося у них уровня образования и квалификации. Многие стремились сохранить рабочее место на государственном предприятии, даже если оно не приносило дохода, а средства к существованию добывались на рабочих местах, находящихся ниже или значительно ниже по прежней шкале статуса и престижа. Эти занятия становились или единственными, или дополнительными, но приносили в любом случае больший доход, чем более «статусная» деятельность, соответствующая образовательному уровню.

Однако в наших интервью выявилось только четыре случая, когда респонденты имели дополнительную работу, не требующую их уровня образования и квалификации. В этом случае наблюдается ситуация социальной самоидентификации, обратная той, в которой осознание своей бедности не приводило к определению статуса ниже среднего, а заставляло обращаться к профессиональным и квалификационным признакам, к уровню образования как к основным критериям статуса. Респонденты, имеющие дополнительный доход от менее квалифицированной деятельности, именно уровень жизни заявляли как главный критерий социального статуса, сетовали на загруженность на дополнительной работе, на снижение своего профессионального уровня. Если же респонденты не испытывали трудностей с профессиональной самореализацией, несмотря на дополнительную занятость, они оценивают свой социальный статус и даже материальное положение выше, чем респонденты, недовольные собой в профессиональной деятельности и имеющие сходный уровень дохода.

Две трети наших респондентов заняты в сферах образования, науки, культуры и здравоохранения, то есть в бюджетной сфере. Мотивы сохранения места работы в секторе, заработная плата в котором все пореформенные годы оставалась относительно низкой, могли быть различными. Согласно результатам интервью можно выделить три группы таких мотивов.

Во-первых, увлеченность делом и профессией, которые респонденты фиксировали в следующих высказываниях «Я не мог бы заниматься чем-то другим, хотя и не пробовал» (учитель, 50 лет), «Врачу не надо задумываться о смысле жизни» (врач, 43 года), «Все равно я на работе чувствую себя человеком» (директор детского дома творчества, 52 года) и т.п. Подобная аргументация характерна в большей степени для работников системы здравоохранения и образования.

Во-вторых, осознание ценности социальных гарантий и относительной надежности, которую дает занятость на государственном предприятии. Такие аргументы встречались реже, эти объяснения характерны для работников КБ и НИИ. Но, нужно сказать, изменение направления социально-экономического развития города привели к изменению состава образованного класса горо-

да, к значительному уменьшению доли лиц, занятых в промышленности и в научно-технической сфере.

Третья группа мотивов связана с социальной пассивностью, неумением или нежеланием что-то менять. Для таких респондентов характерна самая низкая социальная самооценка. Они воспринимают свое решение о сохранении низкооплачиваемой работы как вынужденное, и низкий доход не компенсируется у них сознательностью выбора, любовью к делу, профессиональной реализацией. Показательно, что у таких респондентов самооценка уровня благосостояния ниже, чем у респондентов с таким же и даже более низким уровнем дохода, но с высокой степенью профессиональной гордости.

В наших интервью около трети респондентов признали, что в 90-е годы полностью сменили профессию. У одного из этих респондентов было строительное образование, у остальных – техническое. Большинство потеряло работу в результате закрытия предприятий, такие респонденты нашли работу, не требующую высшего образования и высокой квалификации. Для них характерно признание уровня дохода как единственного или главного критерия статуса, заниженная социальная самооценка по сравнению с теми, кто сохранил свою профессию и квалификацию и имеет такой или даже меньший доход. Заниженная социальная самооценка таких респондентов, являясь субъективным критерием статуса, преобразуется опять-таки через механизмы социально-экономического поведения в объективные показатели более низкого статуса этих респондентов: образе жизни, моделях потребления и т.п.

Рассмотрим более подробно, как факт образования проявляется в определении респондентами своего социального статуса и социального статуса родителей, бабушек и дедушек. Прежде всего, отметим, что большинство из наших 50 респондентов – уроженцы Пензенской области, в основном сел. Родившихся в городе (не только в Пензе) – пятеро, горожан во втором поколении – двое.

Приведем некоторые высказывания респондентов о социальном положении родительских семей их отцов и матерей.

Например, один из респондентов, учитель географии, несмотря на бедность обеих семей, причисляет их к *среднему* классу, хоть и нижнему. Аргументировал он свой ответ тем, что бабушки и дедушки умели читать и писать, в доме были книги, хоть и немного, отец с детства был обучен ремеслу – резьбе по дереву. Его сестры шили вместе с матерью. Про семью матери меньше сведений, но сохранилась семейная библия, истории о том, что дедушка возил бабушку в город в синематограф. «Они были грамотными и по-своему культурными людьми, – говорил N, – поэтому я не причисляю их к низам».

Респондентка с высшим техническим образованием, работающая в настоящий момент продавцом, пояснила, что родительская семья отца была зажиточной, но и дедушка, и бабушка были неграмотные. На этом основании М.

причисляет родительскую семью своего отца к *нижнему* среднему классу, поясняя, что «до среднего они не дотягивали, хотя имели скотину, большой дом с мебелью. Неграмотные были, книг в доме не держали, хотя иконы, конечно, были». Семья матери была намного беднее, интервьюируемая причисляет ее к нижнему слою общества, и тут же добавляет: «Они были бедны, шестеро детей, причем пять дочерей, так что к средним слоям никак не относились. Но совсем низами не были, умели читать, в доме было несколько книг, дед привозил из города журналы, читали всей семьей». Подумав и поколебавшись, М причислила родителей матери к нижнему *среднему* классу, используя уровень грамотности, привычку к чтению, интерес к знаниям как дополнительный критерий статуса, *повышающий* его.

Другой опрошенный, успешный предприниматель, относит родительские семьи и отца, и матери к *нижнему* слою, объясняя это тем, что они были «темными, необразованными, отец матери грамоту знал, но книг сроду не читал». Таким образом, в этом случае отсутствие образования, неграмотность выступает в качестве фактора, понижающего социальный статус.

Респондентка-врач рассказала, что родители отца были крестьянами, довольно зажиточными, грамотными, она относит их к среднему классу. Родители мамы – потомственные горожане, отец был строителем, мать – медицинской сестрой. Респондентка считает, что по социальному положению они принадлежали к *высшему* среднему классу, хотя жили небогато, так как имели восьмерых детей. «Они были не просто грамотными, – добавляет она, – а образованными, начитанными, к их советам все соседи прислушивались. Очень их уважали все в округе. Разве это не признак высокого статуса?»

Таким образом, факторы грамотности, образованности, принадлежности к культуре выступают критериями, равнозначными степени зажиточности, могут повышать или понижать в глазах респондентов социальный статус их предков.

Оценивая карьерные успехи своих родителей, респонденты также используют двойственный подход: заработная плата и служебный рост, с одной стороны, и удовлетворенность своей работой, признание и уважение окружающих – с другой. Так, отвечая положительно на вопрос, была ли карьера родителей успешной, респонденты всегда добавляли, что «работа им нравилась», «их все уважали», «работали с увлечением». Говоря же о том, что карьера не сложилась, респонденты не приводили в качестве аргументов низкую должность или зарплату, а объясняли это тем, что «работа была тяжелой и неинтересной», «занимался тем, что подвернется, случайной работой», «тянули лямку всю жизнь» и т. п. В случае оценки жизненного пути родителей фактор профессиональной состоятельности, таким образом, становится равнозначным фактору дохода. Неудачи в карьере родителей все без исключения респонденты объясняют отсутствием образования.

Респонденты с разным уровнем дохода, оценивая свой социальный статус, обращали внимание на свои профессиональные успехи. Можно сказать, что именно уровень образования и профессиональная реализация составляют в глазах респондентов ядро социальной самоидентификации. Так, учитель со среднемесячным доходом на одного члена семьи в 4 500 рублей и предприниматель с доходом 75 000 рублей на одного члена семьи в месяц, определяя свой социальный статус, подчеркивали фактор своей профессиональной реализации, собственную заинтересованность в деле, значимость своей деятельности для общества. Учитель отнес свою семью к среднему, а предприниматель – к высшему среднему классу, делая поправку на доход, но можно констатировать некое сходство в социальном самочувствии, в оценке профессиональной и социальной состоятельности.

Врач со среднемесячным доходом в 12 000 рублей на одного члена семьи вообще подвергла сомнению значимость уровня дохода как критерия социального статуса, ссылаясь на особенности нашей страны. «Это вообще второстепенное у нас. Если определять в нашей стране статус по доходу, путаница начнется, в одну группу будут попадать люди с совершенно разным образом жизни, убеждениями, да и интересами. Уважение людей, престижность профессии, уровень образования и квалификации – вот что важно», – говорит она.

Те респонденты, которые в 90-е сменили профессию, место работы, ориентируются на уровень дохода как критерий социального статуса в большей степени, чем те, кто этого не сделал. Но и в этих случаях высшее образование выступает важным фактором социальной самоидентификации, особенно в том случае, если во второй профессии удалось состояться, работа приносит удовлетворение. В противном случае (таких выявлено в интервью два) социальная самооценка значительно ниже, чем у профессионально состоявшихся респондентов с таким же или даже меньшим уровнем дохода.

Тем не менее, двойственность оценки своего статуса встречается у многих респондентов. У одних это проявляется в том, что они называют два статуса: один – по уровню образования, должности и другой – по доходу. У других уровень дохода выступает как фактор коррекции (в сторону понижения, как правило) статуса или напротив – уровень образования и квалификации корректирует (как правило, в сторону повышения) определяемый по доходу статус.

Таким образом, высшее образование, оставаясь еще более или менее качественным и доступным (хотя это более-менее все менее более и все более менее), выполняет не только роль социального лифта (да и не столько, так как с этажами, как мы уже сказали, не все понятно). Высшее образование является в условиях противоречивой социальной структуры важнейшим фактором положительной социальной самоидентификации, а значит, осознанных и де-

ятельных социальных ориентаций, и, следовательно, соответствующего социального поведения. Сокращение доступности высшего образования приведет к маргинализации значительных слоев населения, прежде всего молодежи, и, в конечном счете, к такой деградации социальной структуры, которая сделает невозможными в обозримом будущем какие-либо позитивные преобразования.

Литература

1. Берто Д. Полезность рассказов о жизни для реалистичной и значимой социологии / Воронков В., Здравомыслова Е. (Ред.) Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. Труды ЦНСИ. 1997. № 5.
2. Берто Д., Берто-Вьям И. Наследство и род: трансляция и социальная мобильность на протяжении пяти поколений // Вопросы социологии. 1992. №2,3
3. Добренъков В. И., Кравченко А. И. Социология: Учебник – М.: ИНФРА-М. 2001, с. 437-439.
4. Добренъков В. И., Кравченко А. И. Социология: Учебник – М.: ИНФРА-М. 2001, с. 419.
5. Качественные методы. Полевые социологические исследования / Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А; под ред. И. Штейнберга. – СПб.: Алетейя, 2009
6. Очкина А. Россия сегодня: страсти по среднему классу // Альтернативы. 2006. № 4.
7. Шкаратан О., Инясевский С., Любимова Т. Новый средний класс и информационные работники на российском рынке труда // Общественные науки и современность. 2008. № 1.
8. Шкаратан О. И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М. ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009.
9. Шкаратан О., Ястребов Г. Социально-профессиональная структура населения России. Теоретические предпосылки, методы и некоторые результаты повторных опросов 1994, 2002, 2006 гг. // Мир России. 2007. № 3.

Л.И. Найденова,

Пензенская государственная технологическая академия

М. Маяцкая

ПГПУ им. В. Г. Белинского

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА О РЕАЛИЗАЦИИ ЦЕЛЕВЫХ КОМПЛЕКСНЫХ ПРОГРАММ

Пензенская область входит в группу субъектов РФ, где естественная убыль превышает миграционный прирост, и относится к тем группам регионов, в которых население еще в 2007 г. сокращалось [1, с. 31]. В соответствии со статистическими прогнозами, в ближайшей перспективе изменения возрастного

состава населения многих регионов РФ (в том числе и Пензенской области) будут носить неблагоприятный характер. Увеличатся темпы снижения численности населения работоспособного возраста, активнее будет происходить демографическое старение населения. Снижение численности женщин в возрасте 20-29 лет, ожидаемое к 2010 г., приведет к снижению числа родившихся детей [1, с. 32].

Все это требует от государства продуманной рациональной семейной политики. Государственная семейная политика современной России формируется в условиях масштабных политических, экономических и социальных преобразований, по своей глубине, интенсивности и всеобщности не имеющих аналогов в современной истории. Государство заинтересовано в нормальной, активно действующей семье, способной выработать новую жизненную стратегию, обеспечить не только свое выживание в условиях трансформирующегося общества, но и успешно развиваться. Эта заинтересованность государства как раз и выражается в государственной политике в отношении семьи.

При этом важную роль играет исследование общественного мнения населения в отношении разрабатываемых целевых комплексных программ (ЦКП), разрабатываемых в русле демографической политики. От отношения к ним населения, от возможности участия населения в реализации этих программ будет зависеть эффективность их выполнения.

Цель исследования – изучение общественного мнения жителей Пензенской области о процессе и результатах реализации семейно-демографической политики в области.

Объект исследования – население районных центров и сельской местности Пензенской области.

Предмет – отношение населения области к целевым комплексным программам и оценка своего участия в их реализации.

Гипотеза.

1. Существует классификация групп населения области (по возрасту, по семейному положению, по уровням информированности), которые по-разному оценивают возможности и результаты реализации ЦКП, связанных с проведением семейно-демографической политики в области.

2. На формирование общественного мнения населения и на оценку его участия в выполнении ЦКП влияют факторы: возраст, семейное положение, уровни информированности населения о программах, оценка вероятности их выполнения.

Методы исследования: анкетный опрос жителей районных центров и сельской местности Пензенской области, анализ статистических данных.

Выборка – квотная. Опрошено 300 чел. – жителей 7 районов Пензенской области (Бековский, Вадинский, Камешкирский, М.-Сердобинский, Наровчатский, Пачелмский, Спасский).

Общественное мнение – это скрытое или явное отношение людей к событиям и фактам социальной действительности, к деятельности различных групп и отдельных личностей. Общественное мнение регулирует поведение индивидов, социальных групп и институтов в обществе, вырабатывая (или заимствуя) и насаждая определенные нормы общественных отношений; общественное мнение формируется под воздействием средств массовой информации, образования, общения между людьми, а также под влиянием тех или иных событий в стране и мире.

Для проверки первой части гипотезы была выполнена классификация групп респондентов по показателям их оценки существующих социальных проблем и оценки программ (ЦКП) как способа решения этих проблем

Основным признаком для классификации в данном исследовании является оценка наиболее важных проблем для области, по мнению респондентов. Получено следующее распределение ответов на вопрос «Какие проблемы, на Ваш взгляд, являются наиболее важными для нашей области?»:

- Снижение численности населения в сельской местности – 31 %.
- Постарение населения – 14,3 %
- Снижение рождаемости – 18,6 %
- Рост доли одиноких пожилых людей – 15,6 %
- Преобладание численности разводов над численностью заключенных браков – 5,5 %
- Непродолжительность многих браков – 15 %.

Таким образом, по мнению опрошенных, самой важной проблемой нашей области является снижение численности населения в сельской местности, статус самой маловажной проблемы получило преобладание численности разводов над численностью заключенных браков.

Следующим признаком является источник информирования респондентов о наиболее важных проблемах и о программах как способах решения этих проблем. При обработке ответов респондентов на данный вопрос анкеты было получено такое распределение:

- Из газет получают информацию 33,5 %.
- По радио 12,6 %.
- По телевидению 18 %.
- Из встреч с представителями органов власти 4 %.
- Из встреч со знакомыми 12 %.
- В библиотеке 14 %.
- В Интернете 4,9 %.
- Не получаю совсем 1 %..

Самой важной проблемой для возрастных групп 14–20 лет и 40–49 лет является снижение численности населения в сельской местности; для возрастной группы 20–29 лет самая важная проблема – это непродолжительность многих браков. В группе опрошенных в возрасте 30–39 лет чаще всего указывались проблемы непродолжительности многих браков (26,8 %) и преобладание численности разводов над численностью заключенных браков (25,6 %). Респонденты предпенсионного возраста чаще всего указывали на такие проблемы, как старение населения и рост доли одиноких пожилых людей. Последняя проблема заняла лидирующую позицию в группе респондентов старше 60 лет.

По данным результатам получено распределение ответов для двух основных групп респондентов: до 30 лет и более 30 лет, чтобы определить наличие и величину взаимосвязей названных проблем и возраста респондентов (таблица 1).

Таблица 1. Перекрестная группировка ответов респондентов на вопросы 1 и о возрасте с распределением рангов для вычисления коэффициента корреляции.

Возраст респондентов (лет)	До 30 в % %	Ранг 1	Более 30 в % %	Ранг 2
Проблемы				
Снижение численности населения	49,1	2	50,1	5
Постарение населения	18,6	5	86,1	1
Снижение рождаемости	22,2	4	67,8	2
Рост доли одиноких пожилых	52,8	1	47,2	6
Преобладание разводов над браками	45,3	3	54,7	4
Непродолжительность многих браков	34,3	4	65,7	3

Коэффициент корреляции, вычисленный по известной формуле, оказывается равен $-0,6$. Связь сильная обратная. Более молодые респонденты заинтересованы в решении таких проблем, как рождаемость населения, укрепление семьи. Более пожилых респондентов волнуют проблемы постарения населения и перспективы оказаться одинокими в старости.

В результате исследования получено еще одно важное распределение ответов для двух основных групп респондентов: состоящих в браке (в том числе в гражданском) и не состоящих в браке на момент опроса (таблица 2).

Таблица 2. Перекрестная группировка ответов респондентов на вопросы 1 и о семейном положении с распределением по рангам.

Семейное положение	Состоят в браке формальном и гражданском), в % %	Ранг 1	Не состоят в браке на момент опроса, в % %	Ранг 2
Ответы на вопрос 1				
Снижение численности населения	52,6	1	47,6	6
Постарение населения	49,8	2	50,2	5
Снижение рождаемости	47,2	3	52,8	4
Рост доли одиноких пожилых людей	22,2	6	77,8	1
Преобладание разводов над браками	29,2	5	68,8	2
Непродолжительность многих браков	34	4	66	3

Коэффициент корреляции, вычисленный по формуле (1), оказывается равен -1 . Связь сильная обратная, что указывает на прямо противоположные оценки важности социальных проблем со стороны состоящих в браке и не состоящих на момент опроса респондентов. Вопросы укрепления семьи и рождаемости чаще оцениваются как наиболее важные теми респондентами, которые не состоят в браке на момент опроса. И наоборот, респонденты, состоящие в браке (в том числе в гражданском), чаще оценивают другие проблемы (кроме роста доли одиноких пожилых людей) как наиболее важные.

Таким образом, была выявлена классификация групп респондентов по признакам возраста, семейного положения, уровня информированности, источников информирования о проблемах и способах их решения. Можно выделить следующие условные группы респондентов:

- Положительно настроенные к выполнению ЦКП, которые достаточно хорошо информированы, постоянно интересуются, используют разные источники информации. Внутри этой группы может быть еще одно разделение по степени важности оцениваемых проблем, в зависимости от возраста и семейного положения.

- Отрицательно настроенные к выполнению ЦКП, возможно, на основе не только недостатка информации, но и личного опыта неудачных

попыток участия в ЦКП, чтобы решить свои собственные проблемы с жильем, работой.

– Безразлично относящиеся к участию в ЦКП, не интересующиеся информацией. В этой группе более вероятно использование таких источников информации, как встречи со знакомыми, обсуждения в неформальной обстановке, слухи.

Для проверки второй части гипотезы были представлены и проанализированы другие распределения ответов и перекрестные группировки ответов.

Для определения факторов, влияющих на отношение респондентов к выполнению ЦКП, были исследованы ответы респондентов в зависимости от источников информирования о ЦКП, от уровня информированности респондентов, от возраста и семейного положения.

В таблице 3 представлена оценка возможностей выполнения целевых программ в зависимости от уровня информированности респондентов.

Таблица 3. Оценка возможностей ЦКП респондентами и уровни информированности

Уровень информированности (№6)	01 достаточно	Ранг 1	02 недостаточно	Ранг 2	03 не знают	04 не интересуются
Информация о программах (№3)						
01 слышали, что они разработаны	42,6 %	1	53,8 %	1	34,3 %	12 %
02 известно, что успешно действуют	30,4 %	2	22,6 %	2	26,5 %	65,3 %
03 программы не выполняются	11,5 %	4	19 %	3	14,2 %	21,5 %
04 не знают	24,5 %	3	4,6 %	4	25 %	1,2 %

Коэффициент корреляции, рассчитанный для данных показателей, равен 0,8. Связь сильная прямая. В обеих группа, выделенных по уровню информированности, чаще слышали о том, что программы разработаны, но реже знают о результатах их выполнения. По результатам опроса, приведенным в таблице 8, сделаны следующие выводы.

1. Из тех респондентов, кто считает себя достаточно информированным о программах и мероприятиях по реализации семейно-демографической поли-

тики, 42,6 % слышали, что такие программы разработаны; 30,4 % знают, что такие программы успешно действуют; 11,5 % считают, что такие программы существуют, он не выполняются, 24,5 % ничего не знают о них.

2. Из тех респондентов, кто считает себя недостаточно информированным о программах и мероприятиях по реализации семейно-демографической политики, 53,8 % слышали, что такие программы разработаны; 22,6 % знают, что такие программы успешно действуют; 19 % считают, что такие программы существуют, он не выполняются, 4,6 % ничего не знают о них.

3. Из тех респондентов, кто не смог оценить степень своей информированности, 34,3 % слышали, что такие программы разработаны; 26,5 % знают, что такие программы успешно действуют; 14,2 % считают, что такие программы существуют, он не выполняются, 25 % ничего не знают о них.

4. Из тех респондентов, кто не интересуется такой информацией, 12 % слышали, что такие программы разработаны; 65,3 % знают, что такие программы успешно действуют; 21,5 % считают, что такие программы существуют, он не выполняются, 1,2 % ничего не знают о них.

Далее было проанализировано распределение ответов респондентов о выполнении ЦКП в зависимости от возраста (таблица 4) и семейного положения респондентов (таблица 5).

Таблица 4. Информированность респондентов о выполнении целевых программ в зависимости от возраста респондентов

Возраст респондентов (лет)	01 14-20	02 21-29	03 30-39	04 40-49	05 50-59	06 60 и бо- лее
Информация о программах (№3)						
01 слышали, что они разработаны	44,8 %	56 %	44 %	37,6 %	15 %	10,3 %
02 что они успешно действуют	7,2 %	18,9 %	30,9 %	27,4 %	15,1 %	4,5 %
03 что они не выполняются	12,1 %	19,2 %	24 %	23,8 %	44,6 %	22,8 %
04 ничего не знают	34,9%	5,9 %	1,1 %	11,2 %	25,3 %	62,4 %

В таблице 5 представлена перекрестная группировка оценок программ респондентами в зависимости от семейного положения респондентов.

Таблица 5. Отношение респондентов к выполнению программ в зависимости от их семейного положения

Семейное положение	01 женаты	02 холос- ты (не за- мужем)	03 разве- дены	04 гражд- дан ский брак	05 вдовье
Информация о программах (№3)	(заму- жем)				
01 слышали, что они разработаны	45 %	56,1 %	41 %	30,4 %	20 %
02 что они успешно действуют	7 %	19 %	33,9 %	34,6 %	10,1 %
03 что они не выполняются	12 %	19,2 %	20 %	27,3 %	48,4 %
04 ничего не знают	35 %	5,7 %	5,1 %	7,7 %	21,5 %

Итак, факторы возраста, семейного положения, уровня информированности по-разному действуют на формирование общественного мнения о ЦКП. Уровень информированности о том, что программы существуют, является наиболее решающим для всех групп респондентов. Хотя группа таких информированных по своей доле больше, чем группа тех, кто слышали, что программы существуют и выполняются. Это еще может объясняться тем, что для разных групп респондентов разные проблемы имеют свои уровни важности.

Общественное мнение и средства массовой информации (СМИ), которые формируют это мнение, являются важными составными элементами социального механизма экономики, а также играют важную роль в управлении социальными процессами как на уровне всего общества, так и на уровне различных общностей (от семьи до регионального социума). В социологии отмечается особенность общественного мнения, которая его значение в управленческом блоке. Это – двойственный характер общественного мнения. С одной стороны, общественное мнение – это важный социальный институт, активно действующий субъект управления. С другой – это институт социального контроля. Сила общественного мнения заключается в его способности регулировать общественные отношения в разных сферах жизни общества, в том числе – в экономической [2, с. 341].

Объекты общественного мнения имеют ряд особенностей, к которым социологи относят следующее:

- наличие общественного интереса;
- элемент дискуссионности, нерешенности проблемы;
- степень компетентности оценок, что зависит от уровня информированности людей и каналов распространения информации;
- динамичность и изменчивость [2, с. 342].

Учет этих особенностей – важное условие правильного использования общественного мнения в управлении социальными организациями и социальными процессами.

Исследование общественного мнения населения необходимо для эффективной разработки ЦКП. Следует предложить и ввести в практику мониторинг общественного мнения населения области перед разработкой различных ЦКП. Для более эффективной реализации ЦКП, выполняемых в направлении семейно-демографической политики области, необходимы предварительные исследования, включающие основные этапы:

- Исследование статистических показателей социально-демографической ситуации в регионе.
- Исследование общественного мнения населения методом анкетного опроса.

Литература

1. Современная демографическая ситуация в РФ (по материалам Росстата) // Вопросы статистики. 2008. № 12.
2. Силласте Г.Г. Экономическая социология. М., 2005.

А. Слашкина

*(Научный руководитель доцент Скороходова Т. Г.)
ПГПУ им. В. Г. Белинского*

ПРОЯВЛЕНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ К ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ДРУГИХ РЕЛИГИЙ В ГОРОДЕ ПЕНЗА

Российская Федерация является одним из полиэтничных, поликультурных, полирелигиозных государств. Неоднородность этнической, религиозной структуры российского населения порождает различного рода проблемы, противоречия, напряженность и конфликты.

В Российской Федерации и в каждом конкретном ее субъекте, регионе, городе, и город Пенза в этом ряду не исключение, проживают представители различных религий. Так в Пензенской области представлено шесть из существующих великих религий мира (христианство, ислам, иудаизм, буддизм, неиндуизм, даосизм), две так называемые новые религии (бахаизм и Церковь сайентологии), два синкретических культа (Церковь последнего завета, или виссарионовцы, Белое братство, или юсмалиане), протестантские деноминации (баптисты, Свидетели Иеговы, адвентисты), а так-

же традиционные языческие верования, сохранившиеся у значительной части удмуртов и чувашей.

В целом необходимо отметить, что в области существует хороший фон для развития поликонфессиональных отношений. В области не было серьезных ситуаций, которые бы затрагивали религиозную принадлежность людей. Но в то же время на бытовом уровне обнаруживаются религиозные фобии, которые зачастую сочетаются с этнофобиями. Поэтому в настоящее время вопросы толерантности в сфере межрелигиозных отношений представляют особую актуальность и имеют большое значение, в частности, с точки зрения предупреждения конфликтных ситуаций.

С целью выявления картины религиозной толерантности и факторов ее формирования в городе Пенза, было проведено разведывательное исследование.

Всего по методу квотной выборки было опрошено 250 человек (137 женщин и 113 мужчин). В опросе участвовали респонденты трудоспособного и старше трудоспособного возраста (от 18 до 25 лет – 48 % (120 человек); от 25 до 40 лет – 19,2 % (48 человек); от 40 до 60 лет – 12,8 % (32 человека) и свыше 60 лет – 20 % (50 человек)). 57,2 % (143 человека) опрошенных указали, что они исповедуют православие, 29,2 % (73 человека) — ислам, 0,8 % (2 человека) — иудаизм, 12,8 % (32 человека) атеистов.

Респонденты занимают разное социальное положение: рабочий – 21,6 %, служащий – 10,4 %, бизнесмен – 0,8 %, безработный – 4,4 %, студент – 40,4 %, пенсионер – 22,4 %.

В ходе исследования выяснилось, что большинство из респондентов относят себя к верующим людям (218 человек (87,2 %)). Неверующими себя назвали 7,2 % (18 человек), 5,6 % (14 человек) затруднились с ответом, но все же отнесли себя к атеистам.

В анкете были вопросы-фильтры, то есть на них должна была ответить только часть респондентов (люди, относящие себя к верующим). 132 верующих человека (52,8 %) считают, что религия, к которой они принадлежат, лучше других, и лишь 15 (6 %) верующих ответили, что все религии равны, 62 человека (24,8 %) относятся нейтрально, 9 человек (3,6 %) затруднились ответить.

В ходе исследования ставилась задача выявить отношение к представителям других религий. С целью решения данной задачи был задан вопрос «Есть ли такие религии, пребывание которых на территории Вашего города лично Вы считаете нежелательным?». Выяснилось, что почти половина респондентов (124 человека (49,6 %)) считают пребывание нескольких религий на территории города нежелательным. Если соотнести полученные результаты с результатами вопросов – фильтров, то можно сделать вывод о том, что большинство верующих, считающих свою религию лучше других, проявляют нетерпимое отношение к другим религиям и, прежде всего, к новым религи-

озным движениям и так называемым «новым религиям»: баптисты, мормоны, адвентисты – 57 человек (22,8 %); свидетели Иеговы – 9 человек (3,6); западные течения – 1 (0,4), секты – 57 человек (22,8 %). Многие респонденты относили к религиям секты, это свидетельствует о том, что зачастую люди не делают между ними различий. Наиболее высокий процент интолерантного отношения наблюдается среди респондентов трудоспособного возраста (57,5 % женщин (61 человек) и 41 % мужчин (36 человек), и в большинстве случаев среди молодежи (в возрасте от 18 до 25 лет). Это подтверждает гипотезу о том, что наиболее интолерантной группой являются респонденты трудоспособного возраста и в первую очередь молодежь. Интолерантное отношение к представителям других религий в равной мере проявили мужчины и женщины. Респонденты, проявляющие отрицательное отношение к определенным религиям, имеют среднее либо незаконченное высшее образование. Это в свою очередь подтверждает нашу гипотезу о влиянии субъективных факторов: возраст респондентов и образование (чем ниже уровень этих показателей, тем выше уровень интолерантности). Респонденты придерживаются данного мнения по разным причинам. Большинство (48 человек (19,2 %)) считают, что служители данных религий обманывают людей, 13,2 % (33 человека) считают, что имеет место использование служителями «новых религий» своих прихожан в корыстных целях (переоформление жилья, финансовых средств в счет «церкви» и так далее) и занимаются мошенничеством (3 человека (1,2 %)), 7,2 % (18 человек) считают, что данные религии несут зло и вред (2 человека (0,8 %)); 2 % (5 человек) считают, что данные религии разрушают семьи, 0,8 % (2 человека) отрицают данные религии и 1,2 % (3 человека) считают, что православие сильнее данных религий. Это свидетельствует о том, что в обществе развивается ксенофобия и экстремизм, люди боятся чего-то нового, испытывают нетерпимость к кому-либо или к чему-либо чужому, непривычному.

На формирование интолерантного отношения к представителям других религий оказывают влияние многие факторы. Первостепенным фактором, питающим интолерантные настроения большинства респондентов (29,2 % (73 человека)), являются СМИ (29,2 % (73 человека)), книги (7,6 % (19 человек)).

В результате исследования были получены следующие выводы: в обществе проявляется неопределенная ситуация, с одной стороны, одна половина респондентов отрицательно относится к представителям новых религиозных движений и так называемых «новых религий», а с другой стороны половина респондентов положительно, либо нейтрально. Таким образом, можно сделать вывод о том, что с одной стороны у общества есть потенциал нарастания терпимости, а с другой стороны нарастание интолерантности.

Интолерантное отношение проявляют большинство верующих традиционных религий, в равной мере представители мужского и женского пола. Выше всего проявление интолерантности наблюдается среди представителей

трудоспособного возраста и в первую очередь среди молодежи, которая наиболее остро реагирует на возникающие социально-экономические кризисные процессы.

На процесс формирования интолерантного отношения к представителям других религий влияют с одной стороны ухудшающаяся экономическая ситуация в стране, низкая политическая культура граждан, недостаток квалифицированного разъяснения основных прав людей, низкий уровень образования и воспитания в стране, деятельность СМИ, а с другой стороны низкий уровень социально-демографических (возраст), личностных (образование, социальное положение) показателей.

Зачастую люди, отождествляя новые религиозные движения и «новые религии» с сектами, переносят на них все связанные с сектами негативные стереотипы, не желая узнавать об иных религиях что-либо новое. Таким образом, в обществе возникает ксенофобия и экстремизм. Необходимо отметить, у людей формируются чувства настороженности, недоверия, страха к представителям других религий. Возникают стереотипы восприятия проявлений жестокости, ксенофобии и экстремизма как социальной нормы, что особо опасно в период кризисных ситуаций.

Результаты исследования позволяют сделать следующие рекомендации. Во-первых, необходима соответствующая политика государства по формированию и поддержанию толерантного климата, а также законодательная база и строгая правоприменительная практика в отношении лиц, разжигающих межрелигиозную рознь. Во-вторых, необходимо повышать уровень толерантного сознания и воспитывать культуру межрелигиозного общения. Уже в школе необходимо закладывать основы религиозного воспитания и начинать нужно, прежде всего, с преподавателей. В-третьих, необходимо создание проекта, направленного на формирование толерантных образцов и норм поведения в обществе посредством разработки и использования информационных технологий, интерактивных способов коммуникации в профессиональном сообществе, в образовательном процессе.

О. Логинова

*(Научный руководитель профессор А. С. Попов)
ПГПУ им. В. Г. Беллинского*

ФУТБОЛЬНЫЙ ФАНАТИЗМ ГЛАЗАМИ ШКОЛЬНИКОВ

Сегодня «фанатское движение» стало неотъемлемой частью мировой молодежной субкультуры. При этом одним из самых распространенных является футбольный фанатизм, который в России начал развиваться сравнительно недавно, но в короткое время получил довольно широкое распространение. Следует отметить, что футбольные фанаты привлекли к себе внимание об-

шестввенности, прежде всего актами вандализма, хулиганства и насилия, т.е. социально опасными действиями.

К явлению футбольного фанатизма можно относиться по-разному, но игнорировать его нельзя. В связи с этим было проведено социологическое исследование по изучению отношения городских и сельских школьников в возрасте 14–17 лет к этому социальному феномену. В качестве основного метода исследования был использован анкетный опрос, в котором в равных квотах по критерию места жительства, возраста и пола приняли участие 112 школьников. Многоступенчатость выборки обусловлена тем, что субкультурная активность молодежи во многом зависит от таких факторов как уровень образования, возраст, пол и место жительства.

Анализ полученных эмпирических данных показал, что 37,5 % респондентов лишь изредка интересуются футболом, причем среди сельских школьников это самый популярный ответ – 42,8 %. Среди городских школьников футболом изредка интересуются 32,1 % респондентов. 33,9 % школьников, от общего числа опрошенных, стараются следить за основными футбольными событиями. Так поступает большинство городских школьников – 39,3 %, и 28,6 % сельских школьников. Равный процент учащихся – по 14,3 % – интересуются футболом постоянно и с большим интересом или не интересуются совсем. Не удивительно и то, что среди мальчиков большинство следят за основными футбольными событиями – 37,5 %, а девочки в своем большинстве изредка интересуются футболом – 48,2 %.

Более половины опрошенных респондентов – 54,5 % заявили, что любят смотреть футбол по телевидению. В футбольной команде играют 6,3 % школьников. Большинство – 59,8 % от общего числа опрошенных болеют за какую либо команду, а 40,2 % вообще не считают себя болельщиками. Самый популярный футбольный клуб среди опрошенных болельщиков, скорее всего в связи с последними событиями в футболе, Санкт-Петербургский «Зенит», за который болеют 17 человек или 25,4 %. Второй по популярности клуб – «ЦСКА», за него болеют 14 человек или 20,9 %. За сборную России по футболу болеют 10 человек или 14,9 %.

Не удивительно, что основным источником информации о футболе является телевидение. Именно так ответили 39,3 % респондентов, причем среди городских школьников этот источник более популярен – 44 %, чем среди сельских – 35 %. Второй по значимости источник информации о футболе – друзья. Так считают 25,6 % респондентов. Больше информации о футболе от друзей получает сельская молодежь – 29,1 %, чем городская – 22,4 %. С помощью Интернета информацию о футболе получают 13,2 % школьников. 12 % школьников основную информацию о футболе получают также из газет. Следует подчеркнуть, что никто из респондентов не отметил в качестве источника информации членство в футбольных фан-клубах.

Результаты исследования показали, что основная масса школьников – 74,1 % считает футбольных фанатов преданными спортивными болельщиками, а 6,3 % (только сельские школьники) – даже истинными патриотами. В то же время 9,8 % и респондентов заявили, что футбольный фанат – это человек с ограниченными жизненными интересами, и вообще хулиган – 5,4 %.

Как показал опрос, 81,2 % школьников достаточно компетентны в данной проблеме, поскольку имеют среди своих знакомых футбольных фанатов, причем процент таких подростков выше на селе – 91 %. В городе он составляет 71,4 %. Нет знакомых футбольных фанатов всего у 18,8 % респондентов, в том числе, на селе у 9 %, а в городе – у 28,6 % школьников. Это обусловлено двумя причинами. Во-первых, между сельскими подростками более тесные межличностные связи, практически все друг с другом знакомы. Во-вторых, у городских и сельских школьников разные представления о футбольном фанате.

Это на наш взгляд повлияло и на следующие ответы. Так, например, 18,8 % респондентов считают себя футбольными фанатами, среди них 15 человек или 26,8 % сельские школьники и 6 человек или 10,7 % – городские. Среди мальчиков процент считающих себя фанатами составил 28,6 % (16 человек), среди девочек – 8,9 % (5 человек). Возраст большинства фанатов – 14 лет. 81,2 % школьников не являются фанатами. Следует обратить внимание на тот факт, что число фанатов (21 респондент), выявленных в данном вопросе, не совпадает с ответами на вопрос: «Как Ваша жизнь связана с футболом?», где только 11 человек или 9,8 % считают себя фанатами футбольного клуба.

На вопрос: «Хотели бы Вы стать футбольным фанатом?» положительно ответили 22,3 % респондентов, т.е. к тем, кто уже считает себя фанатом, прибавилось еще 4 человека. Отрицательно ответило большинство респондентов – 57,1 %, причем показатель в городе выше – 66 %, чем на селе – 48,2 %. Причина этому, на наш взгляд, повышенное у городских школьников, по сравнению с сельскими школьниками, стремление к самостоятельности, независимости, более высокий культурный уровень. 20,5 % затруднились дать ответ на поставленный вопрос.

Выявляя причины распространения футбольного фанатизма среди молодежи самым популярным ответом, как и предполагалось, стал вариант «широкое освещение футбольных событий в СМИ». Так считает 31 % опрошенных учащихся. Среди городских школьников это самый популярный ответ – 57,1 %. «Пропаганда занятий спортом» – второй по популярности ответ для общего числа респондентов – 23,7 %, а для сельских школьников главная причина распространения футбольного фанатизма – 51,8 %. Влияние западных образцов поведения на распространение футбольного фанатизма отметили 20 % респондентов. 12,1 % школьников считают, что число футбольных фанатов зависит от роста чувства патриотизма среди молодежи. Учащиеся сельских школ чаще отмечали этот вариант – 28,6 %, чем городская молодежь – 12,5 %.

8,9 % респондентов считают причиной распространения футбольного фанатизма отсутствие возможности организовать свой досуг, причем среди городских школьников это ответ более распространен – 19,6 %, чем среди сельских – 10,7 %. По мнению 4,2 % школьников, которые дали свои варианты ответов, причинами распространения футбольного фанатизма являются: интерес к футболу как к игре (2 человека), секции футбола в школе (2 человека), Гус Хиддинк (1 человек), беспредел (1 человек), и даже – возможность убивать (!) (1 человек).

Большой интерес представляет выявление основных причин вступления подростков в группы футбольных фанатов. По мнению 30,9 % школьников – это возможность принадлежать к сплоченной группе сверстников и желание быть похожим на известного футболиста – 24,2 %. Это вполне характерно для подросткового возраста, когда на первый план выходит общение со сверстниками и поиск идеала для подражания. 18 % респондентов считают, что подростков привлекает в группы футбольных фанатов возможность «оттянуться», похулиганить, причем это мнение больше распространено среди городских подростков – 19 %, чем среди сельских – 17 %. 10,8 % школьников считают, что принадлежность к группе футбольных фанатов дает возможность почувствовать себя взрослым, самостоятельным. Этому мнению придерживается 13,8 % сельских и 8 % городских подростков. 8,8 % и 5,1 % от общего числа ответов школьники отдали вариантам «стремление выделиться из толпы» и «тяга к преодолению повседневной рутины».

По мнению большинства респондентов – 41,3 % самой приоритетной ценностью для футбольного фаната является любимое занятие. На втором месте – здоровье (22,3 %), на третьем – материальный достаток (9,2 %). Любовь и уважение окружающих, по мнению школьников, имеют одинаковую ценность для футбольных фанатов – по 5,8 %. Пятое место в шкале ценностей футбольных фанатов – занимает семья – 5,3 %. Наименьшую ценность футбольный фанат, по мнению учащихся, придает служению России (3,4 %), образованию (2,4 %) и полезности людям (1,9 %).

Ответы на главный вопрос: «Как Вы относитесь к футбольному фанатизму?», показали следующие результаты: положительно к футбольному фанатизму относятся 24,1 % респондентов, в том числе, 30,4 % на селе и 17,9 % в городе; отрицательно – 8,9 %, в том числе – 10,7 % на селе и 7,1 % в городе. Большинство респондентов – 67 % относятся к футбольному фанатизму нейтрально.

Таким образом, футбольного фаната, по представлениям школьников, можно охарактеризовать как преданного спортивного болельщика, который стремится принадлежать к сплоченной группе сверстников – членов футбольного фан-клуба, склоненного к агрессии и насилию. Такой социальный портрет не внушает особого оптимизма.

СРЕДНИЙ КЛАСС: ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ

Исследования, посвященные среднему классу в Российской Федерации, в последние годы приобретают все большую популярность. Обусловлено это тем, что средний класс является основой стабильности и целостности современного общества.

В связи с этим проблема идентификации среднего класса весьма важна как для отслеживания динамики социальной структуры российского общества. Вместе с тем исследователи все еще не выработали единые критерии идентификации российского среднего класса. Тем не менее, можно с уверенностью сказать, что средний класс как сложное социально-экономическое образование может быть определен и описан в виде структурно-функциональной модели, включающей ряд взаимосвязанных признаков. Это самоидентификация, доход, уровень образования, стратегии повседневного поведения.

Учитывая актуальность данной проблемы, целью исследования явилось определение доли занятого населения Пензенской области, идентифицирующей себя со средним классом. Исследование проводилось на основе выборки из 100 респондентов, отобранных методом снежного кома. В качестве респондентов были представлены две категории занятого населения – лица, занятые в государственном секторе и частные предприниматели.

В ходе исследования представителями среднего класса на основе самоидентификации назвали себя 92 % опрошенных, занятых в государственном секторе и предпринимательстве Пензенской области. В том числе 18,5 % респондентов отнесли себя к высшему, 66,3 % – к среднему, а 15,2 % – к низшему слою среднего класса. Такой разброс в оценках подтверждает мысль о том, что понятие о среднем классе расплывчато и до сих пор не существует единого мнения по поводу идентификационных признаков среднего класса.

В основном со средним классом себя идентифицируют люди в возрасте от 31 до 40 лет (35,8 %), как правило, уже имеющие стабильное положение в обществе, реализовавшие свои способности в профессиональном плане. Такая же идентификация среди молодежи от 23 до 30 лет (28,3 %). Как правило, это люди, недавно получившие высшее образование и только вступившие на трудовую стезю, имеющие определенные амбиции по поводу своей карьеры и отличающиеся характерным для такого возраста оптимистическим взглядом на жизнь и свое положение в ней. В основном представителями среднего класса называют себя жители районных центров Пензенской области 54,3 % и чуть меньший процент (32,6 %) – жители областного центра.

Основными параметрами, которыми руководствовались респонденты, относя себя к среднему классу, являются материальная обеспеченность (64,1 %), уровень образования (51,1 %) и образ жизни (27,2 %).

Основываясь на результатах исследования, можно нарисовать некоторый обобщенный портрет представителей среднего класса. В массе своей это высокообразованные люди. 68,5 % среди них имеют высшее образование, 4,3 % – дополнительное высшее, у 18,5 % среднее специальное образование. Судя по результатам исследования практически нет таких профессий, обладатели которых не встречались бы в среднем классе. Если принимать в расчет занятость в государственном секторе, то можно с некоторой долей уверенности сказать, что в нем наиболее широко представлены специалисты с высшим образованием (60 %), квалифицированные рабочие (8,8 %), военнослужащие, сотрудники МВД, прокуратуры (11,1 %). Наряду с этим здесь также присутствуют руководители, заместители руководителя предприятия/учреждения, руководители среднего звена – по 6,7 % соответственно. К среднему классу чаще всего относят себя предприниматели, имеющие наемных работников (65,9 %), а также самозанятые или имеющие совместный бизнес (34,1 %).

Согласно исследованию представители среднего класса заняты в основном в сферах розничной и оптовой торговли (33,6 %), транспорта и строительства (13 %), предоставления юридических услуг (11,9 %). Также представительна доля среднего класса в составе работников системы образования (7,6 %), армии, правоохранительных органов (5,4 %). Вместе с тем, незначительна доля среднего класса в науке (1,1 %), коммунальном (1,1 %), а также сельском и лесном хозяйствах (3,3 %). При этом представители среднего класса оценивают свою работу в основном как хорошо оплачиваемую (31,5 %) и предполагающую инициативу (17,4 %).

Что касается источников дохода среднего класса, то результаты исследования говорят о том, что помимо заработной платы по основному месту работы, 37,8 % занятых в государственном секторе, получают доходы от совместительства, включая разовые приработки, 15,6 % получают доходы от подсобного хозяйства. Значительная доля лиц 11,1 % помимо вышеуказанных источников дохода получают пенсию, пособия, алименты. В частном же секторе наблюдаются несколько иные тенденции. Представители бизнеса помимо доходов от основного занятия получают прибыль, полученную от сдачи внаем жилья или ренты – 19,2 %, что коренным образом отличает их от представителей среднего класса, занятых в государственном секторе. Также необходимо заметить и то, что никто из представителей бизнеса не отметил подсобное хозяйство как один из источников дохода. Это говорит о том, что эта категория лиц, как правило, не склонна к такому виду деятельности.

Было установлено, что ежемесячный среднедушевой доход на одного члена семьи представителя среднего класса, занятого в государственном секторе

колеблется в основном от 4 до 9 тысяч рублей. В частном же секторе 10–15 тысяч рублей. Принимая во внимание данные показатели среднедушевого дохода, возникают некоторые сомнения по поводу того, насколько справедливо отнесли себя респонденты к среднему классу, поскольку мнения исследователей по данному вопросу также неоднозначны. Например, «Ромир-Мониторинг» установил среднедушевой доход на члена семьи в сумме более 250 долларов, что сегодня соответствует примерно 8,5 тысячам рублей, а Центр Стратегических Исследований Росгосстраха очерчивает данную сумму в пределах от 500-3000 долларов на одного члена семьи.

Оценивая материальное положение своей семьи, большинство представителей среднего класса отметили, что им хватает средств на все за исключением приобретения автомобиля или квартиры – 42,4 %. В основном это представители государственного сектора. Тем не менее, в ходе исследования выяснилось, что 97,8 % респондентов имеют отдельное жилье, а 92,4 % – собственный автомобиль. Речь в данном случае идет, скорее всего, о невозможности приобретения дополнительной квартиры. 16,3 % респондентов испытывают серьезные затруднения при покупке модной одежды и крупной бытовой техники. И опять же это, прежде всего, касается занятых в государственном секторе. Относительное большинство респондентов – частных предпринимателей не испытывают никаких финансовых затруднений – 26,1 %. При этом важно отметить и то, что 15,2 % опрошенных, зачисливших себя в средний класс, не смогли с точностью оценить материальное положение своей семьи. Можно предположить, что это напрямую связано с разрастанием мирового кризиса, при котором невозможно оценить собственное благосостояние с определенной долей уверенности, поскольку экономическая ситуация непредсказуемо меняется каждый день.

О потребительских стандартах российского среднего класса свидетельствует структура его расходов, точнее – типичные статьи семейной экономии. Можно утверждать, что с этой точки зрения средний класс начинается там, где прекращается экономия на продуктах питания, покупке остро необходимых предметов домашнего обихода и приеме гостей. С другой стороны, такие формы экономии, как экономия на покупке одежды и обуви, и особенно отдыхе, проведении отпуска являются обычными для российского среднего класса. Чуть менее половины относящих себя к среднему классу экономят на отдыхе – 43,5 %, 38 % респондентов проводит его на Черноморском побережье. 30,4 % респондентов экономят на культурных мероприятиях, 11,9 % – на одежде и обуви. При этом важно заметить, что респонденты не экономят на питании.

С позиции экономического сознания и поведения средний класс использует свободные средства для покупки товаров длительного пользования (31,5 %), откладывания их на «черный день» (42,4 %), помощи близким (8,7 %). При этом перечисленные возможности, зачастую, используются одновремен-

но. Эти поведенческие практики можно назвать традиционными, они не несут инвестиционной направленности, и делятся фактически на две стратегии: потребление и сбережение. К первой относится покупка товаров длительного пользования и текущая помощь родственникам, ко второй – сберегательные вклады в банках, накопления на «черный день».

Наряду с этим наблюдается и качественно иная стратегия – покупка ценных бумаг в инвестиционных целях (14,1 %), а также менее распространенная – инвестирование в жилье и землю (7,6 %). Все эти практики могут быть объединены в стратегию инвестирования.

Отличаются представители среднего класса и по потребительскому поведению, которое характеризуется большим ассортиментом платных услуг и интенсивностью их потребления. По результатам проведенного исследования удалось выяснить, что респонденты, причислившие себя к среднему классу, в основном, за последние три года пользовались оздоровительными услугами для взрослых – 28,3 %. Такой же процент опрошенных не использовал платных услуг вообще за последние три года, это касается в первую очередь доли населения, занятой в государственном секторе. На втором месте по популярности находятся платные образовательные услуги для детей – 18,5 %, что очень характерно для представителей среднего класса, поскольку для них большое значение имеет вклад в человеческий потенциал. Но нельзя принимать эти данные однозначно, поскольку кроме материальных возможностей при использовании платных услуг огромную роль играет состав семьи (наличие детей соответствующих возрастов), а также здоровье и уровень образования членов семьи. Также стоит обратить внимание на те виды услуг, которые являются непосредственными индикаторами социального и материального статуса. Это, в первую очередь, касается туристических поездок за рубеж. Как видно из результатов исследования лишь 14,1 % респондентов воспользовались услугами такого рода за последние три года. И здесь опять же наблюдается преобладание доли предпринимателей. И это неудивительно, так как именно эта категория населения располагает гораздо большим количеством материальных ресурсов по сравнению с населением, занятым в государственном секторе.

На основе полученных результатов можно констатировать, что 92 % респондентов, идентифицирующих себя со средним классом, видимо завышают свой социальный статус. Тем более что экономический кризис с каждым днем все более подрывает одну из важнейших его составляющих – определенное материальное благополучие. С этой точки зрения, для России в её нынешнем состоянии скорее подходит употребление категории не «средний класс», а «периферия среднего класса» – это люди, которые в будущем могут претендовать на место в структуре среднего класса, но пока им для этого не хватает какого-либо важного показателя.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ВЕРУЮЩИХ РОССИЯН

В современной России, ищущей эффективный путь социально-экономического и духовного возрождения, весьма актуальной является проблема взаимосвязи экономических и религиозных ценностей россиян, влияния религиозного опыта и его осмысления на формирование и развитие того или иного экономического типа общества.

Связь между религией и экономической деятельностью человека существует с древнейших времен. Религия оказывала и оказывает активное воздействие на поведение верующих в сфере экономики и производства, на отношение к труду. Именно поэтому рассмотрение значения религиозной системы в развитии современной экономики приобретает в настоящее время особую актуальность.

Не вызывает сомнения тот факт, что основой экономики является капитал. Поэтому тип капитала определяет и тип экономики. При этом вся история экономического развития показывает, что для каждой исторической эпохи характерен свой особый тип капитала, который в определенной степени зависит от какой-то одной культурно-религиозной традиции. Так, необходимость финансовых операций для развития торговли и иудейская этика, позволяющая взимать проценты с инверцев за пользование деньгами, привели к возникновению иудейского процентного капитала.

Индустриальная эпоха потребовала нового типа капитала. Протестантская этика дала этому типу определенные религиозные основания. В результате, возник промышленный протестантский капитал. При этом новый тип капитала не отверг окончательно предыдущий, а сумел своеобразно его преобразовать и с помощью института банков вовлечь в индустриальную экономику.

Сегодня мы стали свидетелями зарождения нового постиндустриального общества, которое тоже отличается от индустриального и по форме, и по содержанию.

Естественно возникает вопрос, какие религиозно-этические основания лягут в основу постиндустриального капитала – на сегодняшний день открытый. Сторонники этической экономики, развиваемой сегодня на Западе, склоняются к мысли о том, что в экономику должна вернуться этика христианства или, скорее даже, протестантизма. Но есть и другие точки зрения. Например, приверженцы ислама утверждают, что этические принципы именно этой религии должны лечь в основу новых способов использования капитала.

Христианство:

1. Бог по праву Творца – полноправный собственник, но человек может пользоваться и распоряжаться собственностью Бога по своему усмотрению,

однако право на собственность имело ограниченный характер, особое внимание уделялось праву собственности на землю;

2. Отрицательное отношение к имуществу и богатству;

3. Имущество, находящееся в частной собственности – тяжкое бремя, самое лучшее использования богатства раздача его нищим. Имущество осознаётся как необходимость, а не предмет наслаждения и культа;

4. Активная благотворительная деятельность;

5. Отрицательное отношение к ростовщичеству, допустимо давать в займы, но без приращений;

Ислам:

1. Право собственности на всё, что существует в мире, принадлежит только Аллаху, человек лишь доверительный собственник имеющихся в его распоряжении благ;

2. В своей хозяйственной деятельности все люди имеют право пользоваться природными богатствами;

3. Все люди имеют право добывать средства к существованию в соответствии с Законом (Шариатом). Работа – это право и обязанность одновременно. Любая непродуктивная работа запрещена.

4. Каждый человек обладает правом собственности;

5. Бедняки имеют право на определённую часть состояния богатых. Находящиеся в распоряжении индивида избыточные средства, должны использоваться в интересах всей мусульманской общины. Богатство ради самого богатства осуждается Шариатом.

6. Существует жёсткая система распределения результатов труда на благо общины: предусмотрены обязательные сборы и налоги (*закят*, *хумс*), а также те, выплата которых оставлена на усмотрение владельца собственности (*инфак*). Осуждается и бессмысленная трата денег. Лицо, транжирящее деньги, может быть признано *сафихом*, т. е. не осознающим в полной мере, что делает, то есть по логике исламского мира оно не рационально. Имущество этого человека может быть передано под опеку общества или его представителей.

7. Исламский Закон запрещает монополию, ростовщичество, использование принудительных мер при заключении сделок и публикацию лживой рекламы;

Таким образом, религия задает нормы поведения человека, а значит, и влияет на его экономическую деятельность. Она может запрещать своим последователям жульничать и нарушать обещания, в то же время эта самая религия может объявить обогащение греховным и возвести смирение плоти в высший идеал.

Федеральное агентство по образованию

Пензенский государственный педагогический университет
имени В. Г. Белинского

**XI Социологические чтения
преподавателей,
аспирантов и студентов**

Межвузовский сборник научных трудов

Главный редактор –
доктор философских наук, профессор А. Б. Тугаров

Редактор – Л. И. Дорошина
Корректор – Л. И. Дорошина
Набор – А. С. Дудкин, Т. Г. Скороходова
Верстка — О. В. Сиротин

План ПГПУ 2009 г. (Поз. 106)

Подписано к печати 27.07.2009. Формат 60x84/16.
Бумага писчая белая. Уч.-изд. л. 11,25. Усл. печ. л. 10,4.
Тираж 100 экз. Заказ № 102/09. Цена С. 102.

Издательство ПГПУ им. В. Г. Белинского:
440026, Пенза, ул. Лермонтова, 37. Корп. 5. Комн. 466

Типография ПГПУ им. В. Г. Белинского
440026, Пенза, ул. Лермонтова, 37. Корп. 8. Комн. 311